

М.Л. Лихеицкий

Внушение Знание Вера

**Та́йны
человеческой
психики**

Мы и наш мозг

Что может внушение

Приметы. Знаменья

Вещие сны

**Внушение и самовнушение
в религии**

**Врачевание
словом**

**Человек,
помоги
сам
себе**

**Политиздат
Украины**

М.Л. Липецкий

Внушение Знание Вера

Киев
Издательство политической
литературы Украины
1988

ББК 88.6
Л59

Научный редактор
кандидат философских наук *Н. И. Кирюшко*

Рецензенты:
кандидат медицинских наук *Л. И. Завилянская*,
кандидат философских наук *Ю. М. Охрименко*

Линецкий М. Л.

Л59 Внушение. Знание. Вера.— К.: Политиздат
Украины, 1988.— 160 с.
ISBN 5-319-00023-5

В научно-популярной книге кандидата медицинских наук, психотерапевта, автора многочисленных работ, посвященных проблеме внушения, раскрывается научное понимание внушения как психического процесса, значение и влияние на человека примет, знамений, вещих снов. Рассказывается об использовании внушения и самовнушения в религии. Срывается покров таинственности с врачеваний словом, приводятся примеры применения внушения в медицине.

Рассчитана на широкий круг читателей.

Л $\frac{0400000000-245}{M201(04)-88}$ КУ—№ 1—138—1988

ББК 88.6+86.3

ISBN 5-319-00023-5

© Политиздат Украины, 1988

Введение

Осуществление программы ускорения социально-экономического развития нашего общества неразрывно связано с активизацией и повышением роли человеческого фактора. Современный уровень развития общественной жизни требует от человека творческого, новаторского подхода к делу и предполагает повышение уровня сознательности личности, степени ее мировоззренческой зрелости. Сознание же, отягощенное различными предрассудками и иллюзиями, особенно религиозными, деформирует социальную активность личности, устремляя часть усилий человека на достижение иллюзорных целей: спасение в загробной жизни, слияние с богом и т. п. Иными словами, оно в целом негативно влияет на социальные результаты деятельности личности.

Все это требует пристального внимания к духовному, внутреннему, интимному миру личности, изучения тех индивидуальных, социальных, психологических процессов и явлений, которые, отражая сложность и противоречивость социального бытия человека, создают у него психологическую готовность к принятию или поддержанию религиозных чувств и представлений.

Одно из величайших достижений социалистической культурной революции в развитии сознания, духовного мира трудящихся — господство в общественном сознании научного материалистического мировоззрения. Оно является характерной чертой духовного мира большинства советских людей. Однако это не означает, что решены все задачи, связанные с развитием человека, формированием его мировоззренческой культуры. Научное мировоззрение не стало еще достоянием каждого члена нашего общества, часть людей (и довольно-таки немалая) пока находится под влиянием религии. Есть и такие люди, которые, хотя никогда и не были религиозными, не имеют стойких атеистических убеждений, мировоззренческой культуры.

Поэтому сегодня так важен разговор о причинах, способствующих поддержанию религиозных иллюзий, отчуждению в такой форме сознания и деятельности человека, дезориентируя или отвлекая личность от активного участия в решении конкретных проблем дальнейшего развития нашего общества как в социально-практической, так и духовно-культурной сфере. Особенно необходимо выяснить принципы воспроизводства религиозности в новых поколениях советских людей, то, какие стороны религии представляются им лично субъективно ценными, какие личностно-психологические механизмы участвуют в этом воспроизводстве, поддерживают его.

Религия — явление историческое, вставшее в сознание людей тысячелетиями. В ней аккумулированы веками складывавшиеся представления и традиции, передававшиеся из поколения в поколение. Социальные корни религии в нашей стране подорваны. Сегодня религиозность лишь воспроизводится. И среди условий воспроизводства немалое место принадлежит психологическим механизмам. Нерешенные социальные проблемы, отрицательные явления, включая и накопившиеся в период застоя, могут препятствовать раскрытию творческих возможностей человека, деформировать его деятельность и вследствие этого порождать психологический дискомфорт, который преломляется через внутренний мир личности и выражается в целой гамме чувств, эмоциональных переживаний и волевых реакций. Индивид, попадая в сферу действия не свойственных природе социализма явлений (бюрократизм, формализм, разнообразные проявления социальной несправедливости, волюнтаристские решения), испытывает и психологический дискомфорт, и нагрузку на прочность своих мировоззренческих устоев. Если человеку не удастся реальными, практическими средствами устранить дискомфорт, добиться единства и целостности своего внутреннего мира, то у него возникает потребность в иллюзорных формах его стабилизации, успокоения, умиротворения. Средством такой психологической стабилизации может выступать религия.

Под влиянием ближайшего окружения, семейного воспитания, старых семейно-бытовых традиций, контактов с религиозной средой личность может обращаться к религии как способу (на самом деле мнимо-

му) стабилизации своих чувств, переживаний, эмоциональных и психических состояний. Эти эмоциональные состояния являются отражением неразрешенных противоречий общественного и индивидуального существования человека. Среди духовных явлений, способных влиять на воспроизводство религиозности, выделяются как устойчивые эмоции и отрицательные чувства (страх, страдания и т. д.), так и положительные переживания и устремления (чувство надежды, стремление к полноте бытия, к счастью), если окружение придает им религиозную окраску и направленность. Основным индивидуально-психологическим условием воспроизводства религиозности является страх смерти. Однако сегодня причиной обращения к религии выступают преимущественно неудовлетворенность потребности личности раскрыть себя, выразить в различных формах деятельности, недостаток в общении, желание встретить сочувствие. Все это и переживается как жизненная драма и порою подстегивает страх смерти.

Особо заметим, что превратный, искаженный характер межличностного общения обуславливает интеллектуальную и эмоциональную дисгармонию. Неполноценный характер интимно-личностных форм общения порождает в чем-то ущербное, неудовлетворенное сознание, которое иногда компенсирует свой внутренний диалог (голос совести, идеала своего «я»). Возникает готовность разрешить свои сомнения, колебания, неустроенность за счет общения с иллюзорным, идеализируемым объектом — богом. В процессе самосозерцания межличностного общения мы и встречаемся с удивительным психологическим феноменом, называемым внушение.

Внушение широко распространено в нашей повседневной жизни. Оно может быть целенаправленным или стихийным, произвольным. Его применяют как в медицине, так и в различных сферах человеческой деятельности (трудовой, спортивной, в искусстве и т. д.).

Разобраться в том, что же представляет собой внушение, — значит глубоко проникнуть в духовный мир человека, в его явные и скрытые возможности. Человек проникает в свое «Я», чтобы стать лучше, самосовершенствоваться, научиться управлять собой во имя высоких, благородных, гуманных целей. И сегодня, когда человечество достигло удивительных успе-

хов в познании окружающего мира и самого себя, феномен внушения многим кажется непонятным, загадочным, покрытым вуалью таинственности.

Церковь также использует внушение и самовнушение. Во время коллективных культовых действий в результате социально-психологического механизма внушения, подражания, заражения у верующих возникает готовность к некритическому восприятию религиозных поучений, формируется установка на иллюзорное единение со сверхъестественной силой, укрепляется чувство эмоционального единства, породненности с религиозной общиной.

В своей практической деятельности священнослужители умело используют внушающий эффект проповеднического слова, культовых действий, изображений. Опыт внушающего влияния накапливается тысячелетиями. Он содержится во всех религиозных обрядах, культовых коллективных действиях, проповедях. Поэтому и направленность механизма внушения нетрудно обнаружить в религиозном культе.

Однако внушение само по себе не религиозно. Это универсальный механизм человеческой психики. Все дело в том, каким образом и во имя каких целей внушение действует — во имя подлинных интересов человека или его иллюзорных целей, во имя его гармоничного бытия, всестороннего раскрытия способностей или же сфокусированности на иллюзорно-фантастических идеях сверхъестественного, на достижении загробного воздаяния.

Так, во имя гуманных целей в атеистической, да и не только в атеистической пропаганде опытный лектор использует не только метод логического убеждения, но и словесное, эмоциональное внушение.

К этому же кругу явлений относится умело организованный образно-художественный, знаково-символический способ подачи информации. Такими возможностями обладают формы атеистической работы, органически синтезирующие кино, музыку и слово, а также принятые в молодежной среде слайд-показы, слайд-театры, диско-театры. Главное — гуманность и нравственность целей, во имя которых действует внушающее слово. Здесь научный, медицинский, пропагандистский аспекты внушения отступают перед его нравственной оценкой, его идеологической, мировоззренческой направленностью.

Что есть внушение

Человек есть тайна...
Я занимаюсь этой тайной,
ибо хочу быть человеком.

Ф. Достоевский

Человек — существо общественное. Без общения он жить не может. Общаясь, мы обмениваемся знаниями, опытом, эмоциями, чувствами и при этом влияем на физическое состояние друг друга. В общении мы себя утверждаем, духовно обогащаем и, конечно, меняемся, становимся не такими, какими были прежде.

Средствами нашего общения являются речь и в меньшей степени мимика и жесты. Последние выражают больше эмоциональное отношение к передаваемой или воспринимаемой информации. Важные способы речевого воздействия — убеждение и внушение. Им принадлежит видное место в духовной жизни человека.

Внушение влияет на различные стороны человеческой жизни. Оно сказывается на поведении личности и социальной общности, на потребностях, оценках, привычках, поступках, чувствах и т. д. Доминирует внушение и в формировании религиозного сознания.

Понятием «внушение» объединяются три последовательных процесса. Первый — это привитие программы поведения, которая может исходить от одного лица или же сообщества людей и передаваться одному человеку или множеству лиц. В случае самовнушения источник и исполнитель программы совмещаются в одном и том же человеке. Второй — мозговые психофизиологические механизмы, обеспечивающие исполнение привитой программы поведения. Третий — выход психонервного процесса на исполнительные системы. Поведение, восприятия и телесные функции становятся адекватными привитой программе. Внушение завершается превращением программы в действие.

Став предметом научных исследований, внушение успешно применяется для усовершенствования психической, эмоциональной и физической организации человека. Оно стало осознанным достоянием людей, занимающихся аутогенной тренировкой (от греческого *autos* — сам, *genus* — рожденный). Специалисты упот-

ребляют равнозначное слову «внушение» латинское суггестия (suggestio) — внушение.

Суггестивными возможностями обладают различные виды искусства, но в особенности телевидение и кино. Однако для социалистической культуры использование внушения (суггестии) не является доминирующим или хотя бы основным видом осознанного влияния на духовный мир личности. Оно отодвигается на второй план, уступая место логике, рационально обоснованным доказательствам. Для социалистической культуры главным является использование убеждения как основного, первостепенного фактора формирования мировоззрения личности, влияния на ее ценностные ориентации и поведение.

В условиях же буржуазного общества второй половины XX века происходит беззастенчивое манипулирование общественным сознанием. Распространяемая информация преподносится буржуазной пропагандой с учетом законов суггестологии и целенаправленного воздействия на неосознанное в человеке. Опосредованными способами внушения оказывается влияние на поведение и ориентации людей. В утонченно завуалированной форме им навязываются буржуазные идеалы и нормы, противоречащие подлинным интересам и потребностям человека-труженика.

Большую роль внушение играет в практике религиозных организаций. Слово, будучи тесно связанным с речевым воздействием, с давних пор применяется в качестве мощного средства влияния на паству. Наряду с впечатляющей архитектурой храма, его интерьером, музыкой, запахами ароматических веществ слово внушало и укрепляло религиозную веру.

Выступая разновидностью социально-психологического взаимодействия между людьми, внушение представляет собой процесс психологического воздействия, рассчитанный на некритическое восприятие передаваемой информации. Используется внушение в тех случаях, когда обращение к критическому мышлению не нужно или же не желательно. Внушением осуществляется влияние одного человека (или группы людей) на другого человека (или группу) с целью изменения, пробуждения, актуализации установок, ориентаций, поступков личности, на которую направлен акт внушения. Использование средств суггестии позволяет

глубоко влиять на мысли, настроения, чувства, поступки объектов воздействия.

В чистом виде внушение выступает редко. Чаще всего оно соседствует с убеждением. Между обоими способами воздействия нет непроходимой границы. Логическое убеждение имеет не только информационно-интеллектуальное значение, а и внушающую силу, вызывая эмоции, влияя на чувства.

Внушение само по себе, рассматриваемое как психологический феномен, не может быть плохим или хорошим, отрицательным или положительным. Оно представляет собой закономерное психическое явление. Отрицательным для личности внушение становится только тогда, когда применяется в антигуманных целях. Именно то, во имя каких социальных целей суггестия используется, и является критерием его оценки.

При попытке разобраться в феномене внушения полезно отдавать себе отчет в том, что его субъект влияния и объект тесно взаимодействуют между собой. Внушающее воздействие может исходить как от отдельного человека, так и от группы, или же комплекса социальных факторов (обычаев, господствующих идей, предрассудков и т. п.).

Если говорить об объекте внушения, то для него характерен бесконфликтный характер приема информации, ибо внушение в стадии его восприятия переживается как восприятие личностное, интимное, побуждающее к действию. В религиозной среде суггестивному влиянию особенно подвержены женщины, дети, лица с некритическим мышлением, низким уровнем научных знаний, испытывающие страдания. Наиболее действенно внушение, осуществляемое в религиозной среде, во время коллективных культовых действий, богослужения.

Когда субъект и объект внушения сливаются в одном лице, происходит самовнушение. Существуют различные системы психорегулирующей тренировки (самовнушения). Таких систем на сегодня медиками предложено несколько. Все они лишены религиозных или мистических черт и носят «светский», нерелигиозный характер.

Механизм внушения проявляется в том, что воспринимающий человек начинает действовать не в результате логических размышлений, а, в основном, как бы подталкивается, «провоцируется» в сознании пред-

ставлением о наступлении такого действия. Восприимчивость к внушению, то есть эффективность суггестивного влияния возрастает в результате подражания, эмоционального заражения и уподобления.

В силу этих особенностей внушение может сказываться на мировоззрении и стиле поведения личности. Оно действительно влияет на установку (религиозную или атеистическую), трансформирует ее, развивает. Ощутимо его влияние на формирование стереотипов, стандартов поведения и оценок. Способно внушение формировать положительное отношение к идеалу подражания, общепризнанным авторитетам, испытанным историей, ходом социально-исторического развития.

Внушение происходит в состояниях бодрствования или гипноза.

Существование внушения, его воздействие на человека можно понять, лишь осветив его внутреннюю связь с воображением, которое охватывает необозримый круг явлений и участвует в любой деятельности человека. Без воображения нет человека, нет зовущей мечты. В воображении создается образная модель предметов или явлений, не существующих вообще или в данной ситуации. Оно может относиться к прошлому, настоящему и будущему, быть реальным, утопическим и фантастическим.

Критерием реальности, как известно, служит человеческий опыт, практика. Продукты воображения, относящиеся к религии, фантастичны, иллюзорны, находятся в разладе с наукой, историческим и практическим опытом человечества.

Независимо от того, реально или фантастично воображение, оно в принципе отражает реальные объекты или явления. **«Фантастические представления,— писал в этой связи В. И. Ленин,— взяты из действительности, а самые верные представления о действительности по необходимости оживляются дыханием фантазии»¹.**

В воображении, фантазиях отражения реальности соединяются в произвольные неправдоподобные пространственные и временные сочетания. Невероятные сочетания предметов и явлений действительности присущи сказкам, басням, фантазмагориям и ряду других жанров художественной литературы, изобразительного искусства и народного творчества. Вот как до смешного неправдоподобно сочетаются реальности в английском шуточном народном стихотворении:

Я видел комету с павлиньим хвостом,
Я видел, как плавает сом под кустом,
Я видел на небе инжир и бананы,
Я видел на туче леса и поляны,
Я видел, как полночью солнце светило
Я видел дома высотой до светила,
Я видел, как съел муравей бегемота,
Я видел акулу в кастрюле компота,
Я видел, как заяц по небу летал,
Я видел того, кто все это видал.

Несмотря на качественно иной уровень и характер, продуктами фантастического воображения являются и религиозные идеи и представления. Человеческое воображение создало образно-символический мир языческих религий. Тут и кентавры, у которых голова и грудь человека соединились с туловищем лошади, и пожирающий людей минотавр с головой быка и туловищем человека, пегасы — крылатые кони, символы поэтического вдохновения, и коварный крылатый феникс с головой женщины, переходящей в туловище льва, легендарная птица Сирена и другие фантастические химеры. Мифологические существа, вобравшие в себя человеческие мечты, страсти, добродетели и пороки, дошли и до христианской религии. Кому не известен черт в образе человека, наделенного рогами, хвостом и копытами.

Человеческая фантазия не могла создать и образ бога, который бы принципиально отличался от хранящихся в памяти людей реальных земных образов. Неслучайно поэтому бог в христианской, исламской, ведической религиях уподоблен человеку. И хотя у иудеев изображать бога человек не достоин, он, по преданиям, все же уподоблен человеку. В священном писании все представлено наоборот — человек создан по образу и подобию бога.

Не откажешь в мудрости, воплощенной в стихах, древнегреческому философу и поэту Ксенофану Колофонскому (VI—V вв. до н. э.):

Если бы руки имели быки или львы, или кони,
Если б писать, точно люди, умели они что угодно. —
Коня коням бы богов уподобили, образ бычий
Дали б бессмертным быки; их наружностью каждый
сравнил бы
С тою природой, к какой он сам
на земле сопричислен.

Неправдоподобные сочетания реальностей, выраженные в олицетворении живой и неживой природы, в наделении их человеческими свойствами (антропоморфизм) — характерная особенность сказок. Вдруг задвигались, заговорили предметы домашнего обихода в сказке «Мойдодыр» К. И. Чуковского. А оловянный солдатик в одноименной сказке Г. Х. Андерсена влюбился в картонную балерину. Такая подача всего сущего помогает ребенку скорее постичь окружающий мир.

Человек способен «развить воображение до появления иллюзий и галлюцинаций»². Это возможно лишь при эмоционально насыщенном воображении. Тогда оно переживается как реальность и подобно ей воздействует на человека. Сильные эмоции суживают критическое сознание, удерживают его в рамках привитой программы действий или восприятий. Идея сближения духа с богом через убиение плоти вела религиозных фанатиков к аскетическому образу жизни, самоистязанию, обречению себя на одиночество. Они теряют чувствительность к боли, холоду, голоду и т. п. Нервные импульсы, сигнализирующие о разрушении плоти, не достигают суженного сознания. На фоне сильных эмоций действует и механизм самовнушения. Ему доступно и глубокое обезболивание, и подавление всякой другой чувствительности. Именно предельно яркое эмоциональное воображение мы будем иметь в виду, рассматривая сущность внушения. Эмоции при этом могут быть как положительными (радость, удовольствие), так и отрицательными (страх, тревога, гнев).

Внушение, как и воображение, опирается на запечатленную в памяти информации, составляющей жизненный опыт. Нельзя, например, внушить человеку, что он Отелло или дракон, если ему ничего не известно о них. Память — это источник, откуда внушение черпает строительный материал.

Тончайшая и теснейшая связь внушения с воображением следует из многих фактов. Появление у фанатически верующих кровоточащих ран (стигм), в местах пригвождения распятого Христа, согласно библейской легенде, — результат самовнушения. Начинается оно с сопереживания воображаемой мученической смерти «спасителя». Справедливость перманентной связи между воображением и внушением доказывается

воспроизводимостью кожных повреждений при создании близкой или подобной ситуации в искусственных лабораторных условиях.

Известный советский психоневролог К. И. Платонов прикладывал к руке человека холодную монету, внушая при этом, что она раскалена. У субъекта появлялись зрительная и термическая галлюцинации. Он вел себя так, будто и в самом деле видит раскаленный предмет, ощущает его высокую температуру и в ужасе отдергивал руку. На месте прикосновения появлялся ожог с волдырем³. Примеры подобных наблюдений имеются и у многих других исследователей.

Стигма у фанатически верующих и внушенный ожог — повреждения, имеющие общее происхождение. В одном и другом случаях фантастическое воображение поднимается до уровня галлюцинации. Но ведь субъектом галлюцинации переживаются как действительность! Это и есть внушение, это и есть трансформация воображения во внушение. Только в случае стигматизации оно исходит из внутренних побуждений, а в случае ожога привнесено со стороны.

Конечно, не так часто и не у всех внушение достигает такой интенсивности. Имеется много переходных ступеней. Да и само внушение в повседневной жизни обычно касается психического и эмоционального состояния субъекта, которые намного легче поддаются внушению, чем телесные функции. Этим значительно расширяется диапазон воздействия внушения в обычном человеческом общении. Мы умышленно привели примеры крайних проявлений внушения, чтобы соотношения между воображением и внушением выглядели наиболее ясно.

Теперь подытожим. Внушение начинается с эмоционально насыщенного воображения. Воображение становится внушением, когда оно переживается как реальность. Следовательно, можно сказать, что внушение — это чувственно переживаемое воображение. В таком случае оно и воздействует на человека как реальность.

Справедливое утверждение советского невропатолога, психиатра и психолога В. М. Бехтерева, что «под внушением следует понимать непосредственное прививание, большей частью путем слова и жестов, к психической сфере данного лица идеи, чувства, эмоции..., помимо его активного внимания, т. е. в обход его кри-

тикующей личности» сообщает об условиях, при которых внушение осуществимо и что оно относится к бессознательным формам деятельности головного мозга.

Внушение постоянно присутствует в общении людей. Оно может исходить из внутренних побуждений (самовнушения) или быть привнесено извне другими лицами (гетеровнушение, от. греч. *heteros* — другой). В первом случае речь идет о самовоздействии с помощью внутренней (мысленной) или экспрессивной (звуковой) к себе обращенной речи. Самовнушение оказывается ведущим в аутогенной тренировке, оно присутствует в индивидуальной молитве, самосозерцании с отключением от внешнего мира, характерным для восточных религий.

Принципиальной разницы между внушением, принесенным извне, и самовнушением нет. Их объединяет воображение. Более того, не может быть стороннего внушения без самовнушения. Близки к истине были П. Дюбуа и Э. Куэ, когда утверждали, что нет внушения, есть только самовнушение. Внушение со стороны становится мотивом самовнушения.

Отсутствие демаркационной линии между обоими типами внушения показывает такой случай. Как-то в одной из лекций я сообщил, что алкоголиков можно лечить, внушая им отвращение и рвоту при нападении о спиртных напитках. Неожиданно поднялся мужчина с жалобой на сильную тошноту. Он представил себе, что пьет вино. Просил оказать помощь. Нельзя понять это без привлечения самовнушения. Но побуждено оно было извне, услышанным словом.

Теперь, вероятно, никто не станет утверждать, что слово «внушение» утратило свой первоначальный смысл. Глагол «внушать» происходит от древнерусского и церковно-славянского «въноушати», что означало: услышать, внедрить в сознание. В словаре В. Даля значится «внушать что, кому (во ушать?) — вносить в уши, вселять, вперять, вкоренять, внедрять, передавать; убеждать, поселять в мыслях, помыслах; заставлять думать, хотеть, побудить к принятию представленный словами или другим способом».

Внушать можно не только «внесением в уши», но и словом написанным, а самовнушение вообще происходит на основе так называемой внутренней речи. Выходит, понятийное содержание слова шире изначаль-

ного, этимологического. Но слова привились, стали терминами, так им и существовать.

Вводимая информация воспринимается не пассивно, она перерабатывается с учетом запечатленного в мозгу жизненного опыта. Подвергаемый внушению субъект всегда выступает в роли соавтора внушения, так как обогащает вводимую информацию своим собственным воображением. Соавторство, безусловно, способствует внушению. Содержание, яркость и чувственная реальность воображения зависят не только от содержания вводимой информации, ее эмоциональной окрашенности, но и от собственной эмоциональности, жизненного опыта, культуры, потребностей и физического состояния человека, подвергаемого внушению.

Нескольким людям внушается, что они находятся в саду. При этом одни видят спелые яблоки на деревьях, другие — деревья в цвету, третьи же — слышат еще и пение птиц. Внушение — это не простая трансплантация идей: оно реализуется через осознанный и неосознанный жизненный опыт.

Наблюдая за поведением человека, находящегося во власти внушения, естественно, возникает вопрос: не играет ли он заданную роль в угоду оператору? К такому вопросу многократно возвращались исследователи. Наблюдения, казалось бы, свидетельствуют, что дело не в игре. Не назовешь же игрой раны, ожог, рвоту, вызванные внушением! Однако не нужно спешить с выводами. Поговорим о сценической игре. Сценическая игра есть перевоплощение в изображаемый персонаж через эмоционально насыщенное воображение, которое опирается на извлеченные из памяти, имеющиеся о нем сведения. Она, следовательно, требует ярких эмоций и репродукции знаний. Без этого перевоплощение актера невозможно. Но ведь и внушение требует того же. Значит, противоречий между внушением и сценической игрой нет, однако при условии, что не игра присутствует во внушении, а внушение в игре. Только не надо игру принимать как нечто фальшивое, неправдашнее, по выражению детей.

Если внушением вызывается ожог, то это действительное телесное повреждение. Если внушением повышается температура тела, то это действительно так. Если на сцене у прославленной актрисы В. Пашенной в роли Вассы Железновой начинало слабеть и сбивать

сердце, как у героини драмы М. Горького, то это тоже в самом деле⁵.

Реализации внушения содействуют условия, повышающие внушаемость субъекта. Такими есть: психологическая установка и конформность. Учение о психологической установке разработано грузинской психологической школой во главе с Д. Н. Узнадзе. В установке этот ученый видел готовность субъекта к определенной деятельности. Она настраивает человека на конкретную деятельность или восприятие. Если данное определение применить конкретно к внушению, то оно будет звучать так: психологическая установка — это готовность принять внушение. Значит, чем более выражена установка, тем выше внушаемость субъекта.

Установка снижает критическое отношение человека к действительности, диктует характер восприятия даже вопреки противоречащей действительности, направляет его поведение. Расул Гамзатов поведал такую притчу: молодая горянка, впервые познавшая чудо любви, воскликнула, взглянув утром в окно: «За ночь деревья стали в цвету». Старая мать удивилась: «Где ты видишь цветы? На дворе поздняя осень, то снег уже выпал...»⁶. Так утро одной показалось весенним, а другой осенним. Мать и дочь воспринимали утро, имея разные психологические установки.

Психологическая установка к принятию внушения сближается с понятием веры. Чем сильнее вера в примету, тем интенсивнее ее действие на психическое и эмоциональное состояние человека. В. И. Лебедев сообщает, что в XIX веке некоторые суеверные польские крестьянки погибали от панического ужаса перед «завиткой» — узлом, обнаруженным на растущих злаках. Это воспринималось ими как признак смерти. Одна женщина украла у своей соседки несколько кусков льняного полотна. Та сделала на поле украдкой «завитку», желая ей смерти. Когда виновница заметила «завитку» в своем хлебе, она побледнела, в голове зашумело, и она едва добралась до дома и через 3 дня умерла⁷. Вероятно, смерть наступила от инфаркта миокарда, к которому привел спазм сердечных сосудов, вызванный страхом.

Психологическая установка, воплощенная в веру, может проявиться эмоцией ожидания (ожидание исцеления, ожидание «чуда» верующим в бога и т. п.). Каждый из нас не раз убеждался: человек часто видит

то, что желает увидеть, слышит то, что хочет услышать.

Во времена великих географических открытий моряки остерегались встречи с русалками. Мифические существа, якобы населяющие водные стихии, манили к себе моряков, которые становились добычей морских хищников. Ожидание встречи с русалками было так тревожно и до того подогревалось страхом, что нередко воображаемое принималось как действительное. В судовом журнале известного английского мореплавателя XVI века Генри Гудзона имеется такая запись: «Сегодня один из членов нашей экспедиции заметил с борта русалку и позвал товарищей, чтобы они посмотрели на нее. Все время, пока русалка проплывала близко от корабля, она строго смотрела на людей. Потом поплыла в открытое море и перекувыркнулась несколько раз. Когда русалка нырнула, матросы рассмотрели ее хвост. Он напоминал хвост дельфина, но был крапчатый, как у макрели»⁸. Это пример массовой установочной галлюцинации.

Психологическая установка бывает жизнеутверждающей, зовущей к преодолению трудностей, препятствий, дерзанию, подавлению страха, а может быть противоположной, обрекающей человека на пассивность, безынициативность, трусость, парализующей волю.

Жизнеутверждающая установка, проникнутая девизом «Я могу», присуща людям крепким духом, личностям, властвующим над собой. Гордыми словами «Я могу» выражается активный настрой человека, вера в себя, готовность к борьбе, подвигу. Римский юноша Муций Сцевола пытался убить этрусского царя Парсену, чтобы спасти осажденный врагами Рим. Он был схвачен этрусками. Чтобы показать, насколько велико мужество защитников родины, он положил на огонь руку, демонстрируя, что мужество сильнее боли.

Психологическая установка «Я могу» не раз увлекала смелых романтиков в одиночное плавание на утлых суденышках через бесконечные просторы океана, они отважно вступали в единоборство с морской стихией, терпели невероятные лишения и не однажды бывали на грани смерти. Но выходили победителями. Можно назвать много имен отважных морских солистов. Приведем один показательный пример. Молодой французский врач Ален Бомбар в 1952 году на ма-

ленькой резиновой лодке за 65 дней пересек Атлантический океан. Бомбар стремился доказать, что большинство людей, которые потерпели кораблекрушение и остались наедине с морской стихией, погибали от страха. Можно длительное время прожить дарами моря (рыба, планктон, дождевая и морская вода, сок, выжатый из рыбы).

Французский исследователь назвал свое суденышко «Еретичка». Наверное, он этим бросил вызов сложившимся ошибочным представлениям о возможностях человека. С горечью А. Бомбар восклицал: «Жертвы легендарных кораблекрушений, я знаю, вас убило не море, вас убил не голод, вас убила не жажда! Раскачиваясь на волнах под жалобные крики чаек, вы умерли от страха»⁹.

Нам еще не раз придется встречаться с эмоциями, которые вызывает страх, в связи с их значением в религии. Страх возникает в условиях дефицита информации (неизвестности) и отсутствия средств защиты в опасной обстановке. Это чувство безрассудно, оно необычайно сильно воздействует на поведение человека: суживается мышление, извращаются восприятия, овладевает ощущение обреченности, безысходности, парализуется воля к борьбе.

В средние века имела хождение такая притча:

Восточный пилигрим, повстречавшись с Чумой, спросил у нее:

— Куда ты идешь?

— Я иду в Багдад. Мне нужно уморить пять тысяч человек. Несколько дней спустя тот же пилигрим опять встретил Чуму.

— Ты сказала, что уморишь в Багдаде пять тысяч народа, а убила пятьдесят тысяч,— упрекнул он Чуму.

— Нет,— возразила Чума,— я погубила только пять тысяч, остальные умерли от страха.

А вот реальность. Одному из моих пациентов в детстве бабушка рассказывала разные истории с медведями, которые ночами рыщут в лесу. Они нападают на заблудившихся путников. Будучи уже взрослым, молодой человек с товарищем отправился в лес собирать ягоды. В лесу заночевали. Когда начало темнеть, молодому человеку вспомнились рассказы бабушки, но сначала он не придавал им значения. Ночью задул сильный ветер, и стоявшее вблизи вывороченное дерево он принял за ревущего медведя. Испугался. С этого

времени стал испытывать страх темноты. Когда на ночь в квартире гасили свет, в очертаниях домашней утвари мерещился силуэт медведя. Это уже были симптомы невроза навязчивого страха, при котором реальный жизненный опыт уступает воображению. Как тут не вспомнить русскую пословицу: «У страха глаза велики, да ничего не видят».

Психологическая установка, выраженная эмоцией страха, содержится в любой религии. Видения (иллюзии или галлюцинации), которые побуждаются им, вплетаются в ткань религиозного мироощущения. Источником психологической установки к восприятию религии могут быть внутренние побуждения, информация, полученная от других лиц, поверия, обычаи, традиции.

Рассмотрим еще один катализатор внушения, который выше мы называли конформностью. Она проявляется в бессознательном подражании социальной микросреде, в копировании представлений, эмоций, восприятий и действий. Конформность показывает, что поступки, мнения, оценки, взгляды человека в известной мере зависят от поступков, мнений, оценок, взглядов других людей. Как правило, она отличается пассивностью, некритичностью.

Конформность — понятие психологическое. Сродни ему психофизиологический феномен, именуемый подражанием, и чисто физиологический процесс, известный как подражательный рефлекс. Все это различные уровни одного и того же явления. В зависимости от потребности выделения того или другого уровня будем применять соответствующее ему понятие.

Впервые на феномен конформности обратил внимание В. М. Бехтерев в 1908 году. Он назвал его «общественной заразой». Истоки подражательного поведения ученый усматривал в стадности, свойственной животному миру. Такое подражательное (имитационное) поведение, по Бехтереву, выражается в бессознательном заимствовании мимики, жестов, интонаций голоса, манеры себя держать или одеваться и т. п. Методику объективного исследования конформности в 50-х годах предложил американский психолог С. Аш. С этого времени к феномену стали проявлять интерес во многих странах.

Методика Аша необычайно проста. Испытуемый находится в группе с 7—9 подставными лицами. Пе-

ред всеми лежат по две карточки. На карточке, расположенной слева, изображена одна линия длиной 10 дюймов, а на расположенной справа — три линии разной длины (3, 10 и 2 дюйма). Одна из трех линий справа равна стандартной линии слева. Следовало решить, какая из них равна стандартной. Опрос начинался с подставных лиц, которые давали неправильные ответы. Примерно треть испытуемых подчинялась групповому давлению, обнаруживая конформность.

Ряд последующих исследований усложнили задачу. С ростом трудности увеличился и процент конформных ошибок. Больше число людей теряют самостоятельность, не замечая «давления» группы. Феноменологическая сущность конформности содержится в короткой фразе, принадлежащей В. Гете «Куда люди, туда и я».

Для выявления конформности и связи ее с внушаемостью нами проведено такое исследование. Перед каждым из 138 испытуемых поочередно ставился шта- тив с пятью пронумерованными пробирками, напол- ненными водопроводной водой и закрытыми ватными тампонами. Испытуемому вручался стандартный бланк, на котором было начертано 5 пронумерован- ных строк соответственно порядковому номеру пробир- ки (рис. 1). На первой строке проставлено 2 черточки, на 2-й — 1, на 3-й — 4, на 4-й — 15, на 5-й — 3.

Перед началом исследования предлагалось ознакомиться с инструкцией, в которой говорилось: «Вынимайте поочередно пробирки, снимайте тампон и по запаху определите, в какой из них содержится нашатырный спирт. Проставьте черточку в строке, которая соответствует порядковому номеру пробирки с запахом нашатырного спирта. На бланке уже имеются черточки, проставленные другими лицами, которые до Вас подвергались подобному исследованию».

1. II
2. I
3. III
4. IIIIIIIIIIIIIIII
5. III

Рис. 1. Бланк для выявления конформности

В такой постановке исследования обнаружение запаха нашатырного спирта в обычной воде становится показателем внушаемости, а номер пробирки, в которой якобы содержится нашатырный спирт, выявляет наличие или отсутствие конформности в предлагаемой ситуации. 86% из 72 лиц, обнаруживших запах нашатырного спирта, выявили его в четвертой пробирке, показав свою конформность. Однако это не означает, что внушению подвержены лишь лица с конформным складом характера. В определенной ситуации все люди в какой-то степени конформны. С помощью подражания у всех нас с детских лет формируется сложное социальное поведение. Хотя, конечно, не следует результаты экспериментальных исследований безоговорочно переносить на явления социальной жизни человека. Они гораздо сложнее. Неправоммерно и деление общества на конформистов и неконформистов, как это делают буржуазные психологи. Необходимо отличать понятие «конформность» от понятия «конформизм». Первое обозначает особенности поведения человека, а второе — социальные явления. В данном случае нас более интересует конформность.

Никакое обучение не обходится без подражания, в котором действует принцип американского ученого Д. Шаллера: «Делай, как я». Подражание — кратчайший путь передачи опыта. Особенно хорошо это видно в поведении детей. Вы хотите ребенка умыть, а он говорит: «Я сам»; вы пытаетесь его накормить, а он забирает ложку и говорит: «Я сам», вы одеваете его, а он твердит: «Я сам». Взрослые становятся образцом для подражания. Выполняя все, как взрослый, ребенок утверждает себя в своих глазах и перед взрослыми. «Вот каков я теперь!» И не следует препятствовать ему. Иначе ребенок вырастет неприспособленным к жизни, не приобретет самостоятельности, окажется во всем зависимым от других. Без подражания мы не могли бы обучиться речи и даже прямохождению. Подражание в значительной мере делает человека человеком. Человек становится человеком, обитая в социальной среде. Это подтверждается случаями обнаружения детей, живших среди животных.

В октябре 1920 года в индийской деревушке Годамури распространился слух, что в окрестном лесу появились «привидения». Руководитель детского приюта Реверенд Синг собрал людей и отправился в лес.

В глухой чащобе увидел волчье логово, а в нем двух волчат и двух девочек восьми и трех лет. Синг взял детей в приют и принялся за их воспитание. Старшую называли Камала, младшую — Амала. Передвигались девочки на четвереньках, касаясь земли ладонями и коленями; избегали солнечного света. Днем стояли неподвижно на четвереньках у стены, либо забивались в укромный уголок. С наступлением сумерек они ожидали и отправлялись в сад. Ночью завывали по-волчьи. Ели только мясо, разрывая его зубами без помощи рук, по-волчьи лакали воду. К другой пище не притрагивались, сколько бы им не предлагали. Спали, свернувшись и прижавшись друг к другу, как волчата. Всех людей принимали за врагов. Если кто-нибудь подходил близко, злобно скалили зубы. Камала покусала подошедшего ребенка. Зато очень ласково девочки относились к щенкам. Одежды не признавали и ожесточенно срывали все, что на них пробовали надеть; сопротивлялись, когда их хотели вымыть.

Вскоре Амала умерла от нарушения обмена веществ. В большом горе Камала перенесла ее смерть. Несколько дней неподвижно сидела в углу, не ела, не пила. Долго еще потом бродила, скуля и обнюхивая землю. С большим трудом удалось приучить Камалу к человеческим нормам поведения.

Первое слово она произнесла только через два года. Еще через два года она знала их шесть. Спустя шесть лет ее словарный запас составлял всего 40 слов, расширившийся в дальнейшем до 100. Лишь через 7 лет она обучилась прямохождению, но если грозила опасность, убегала на четвереньках. Умерла Камала в возрасте 17 лет от почечной недостаточности. К концу жизни девушка по своему умственному развитию соответствовала уровню четырехлетнего ребенка.

Другой случай относится к совсем недавнему времени. В сентябре 1985 года в детский приют столицы африканского государства Уганда Кампалу из глухих джунглей доставили малыша лет 4—7. Назвали его Роберт. В течение года жизни в приюте никто не слышал от него ни одного слова. Иногда он только скулил. Дни проводил в уединении. Большую часть времени сидел на корточках, опираясь на кисти рук. Любая попытка поставить его на ноги доставляла

ему страдания. Он не проявлял стремления к общению с окружающими детьми или взрослыми. Одетую на него одежду мальчик разрывал в клочья руками и зубами. Нередко ел траву или глодал древесную кору. Вел себя скорее как животное, чем как человек.

Известно немало случаев жизни детей среди животных. Все они показывают, что вне человеческого общества человек не становится человеком. И если с раннего детства ребенок не приобрел путем подражания речь и другие социальные начала, то в дальнейшем путь от животного к человеку для него закрыт.

Наблюдения за этими несчастными детьми и следы не оставляют от утверждения церковников о том, что религия дается человеку богом от рождения.

Конформность господствует везде. Обучение, приобретение новых профессиональных, спортивных или других навыков без подражания невозможно и у взрослых. Модница одевает неудобные туфли лишь потому, что такие носят в этом сезоне. Люди становятся в очередь: «Все берут и я возьму».

Конформность проявляется и в сопереживании — способности испытывать и переживать чувства, состояния другого человека, как свои собственные. В психологии это называется эмпатией. Она широко культивируется религией, так как способствует обращению в лоно религиозной веры.

Конформное поведение охватывает массы, проникнутые общностью потребностей, настроений и чувств. Митинги, парады, демонстрации и другие массовые мероприятия порождают общий эмоциональный подъем. Людей объединяют одинаковые потребности и чувства, достигается взаимопонимание и повышается внушаемость каждого человека. Слово, клич, идея, созвучные этим потребностям и чувствам, действуют подобно искре — зажигающе.

Во Франции в 1789 году распалась пламя Великой французской революции. Народ восстал против поработителей. 12 июля того же года в парижском театре «Варетъе» шла комедия Флориана «Близнецы из Бергама». Арлекина играл любимец публики Бордье. Перебирая струны гитары, он запел песенку, которая кончалась словами:

Пора подумать и об этом,
Довольно нам давали шиш.
Я обращаюсь к вам с советом:
Борись, народ, и победишь!

Песня потрясла зрительный зал. Под гром рукоплесканий Бордые повторил куплет дважды. Публика подхватила припев «Борись, народ, и победишь!», хлынула на улицу и присоединилась к восставшим. Строили баррикады, штурмовали Бастилию, которая пала ночью 14 июля.

Паника, крестовые походы, увлекавшие тысячи людей, — примеры негативного проявления конформности масс. Необычайно велика ее роль в формировании религиозного сознания. Не случайно богослужение и многие обряды отправляются в храмах (церковь, синагога, мечеть, пагода и т. д.).

«Действия толпы, — писал В. М. Бехтерев, — в значительной мере обязаны внушению и взаимовнушению, часто даже сводящемуся к простому подражанию»¹⁰. В минувшие века в периоды массовых религиозных воодушевлений, когда верующие были проникнуты фанатической потребностью чуда, жаждали божественных откровений, фантастические представления, возникшие у кого-нибудь одного или у немногих, лавиной охватывали окружающих и порождали всеобщие галлюцинации. Галлюцинации весьма заразительны. Так, во время религиозных празднеств в Сарове Тамбовской губернии многие богомольцы начали видеть в заброшенном колодце предмет своего поклонения — отца Серафима. Видели его так, как он изображался на иконах. Некоторые заметили даже движения руки. Видение продолжалось несколько минут, пока подошедшая богомолка, не осведомленная о предмете видения, не сказала, что ничего на дне колодца нет, кроме камней и мусора¹¹. Массовые галлюцинации прекратились. Не напоминает ли это сказку Г. Х. Андерсена «Новое платье короля»?

Вот какой необъятный диапазон конформности. Возникла она, естественно, не на пустом месте, она имеет свою предысторию. Подражательные рефлексy, вообще, характерны для животных, ведущих групповой образ жизни. Такая форма поведения имеет много биологических выгод и закрепилась эволюцией. Стадность сокращает сроки обучения потомства. А. А. Фирсов установил, что методом подражания обезьяны

осваивают полезные навыки в десять раз быстрее, чем способом проб и ошибок.

Стадное существование повышает шансы выжить при нападении врага. Сотни зорких глаз скорее его заметят. Возрастает во много раз и эффективность обороны. И тут-то без подражания не обойтись, надо следовать примеру опытного вожака, времени для обучения нет.

Человек, только выделившийся из животного мира, тоже вел стадный образ жизни. Люди объединялись в первобытные человеческие стада. Об образе жизни людей на заре человечества К. Маркс и Ф. Энгельс отмечали уже в «Немецкой идеологии». «Начало это,— писали они,— носит столь же животный характер, как и сама общественная жизнь на этой ступени; это — чисто стадное сознание, и человек отличается здесь от барана лишь тем, что сознание заменяет ему инстинкт, или же,— что его инстинкт осознан»¹². Именно осознание инстинкта и изготовление каменных и деревянных орудий (дубины, рубила, рогатины), а позднее и освоение огня все дальше уводили человека от животного мира на дорогу обретения самосознания и выделения собственного «Я».

Однако как бы далеко человек ни отошел от животного стада, ему не избавиться от биологических корней своего происхождения. Конформность, конечно, существенно отличается от стадности, но где-то в глубине они имеют общие корни.

Итак, три психологических феномена участвуют во внушении: эмоциональное воображение, психологическая установка и конформность. Они неравнозначны. Соединение воображения с сильной эмоцией — это заводной механизм внушения. Само же внушение — производное от воображения. Без последнего внушение не состоится (рис. 2).

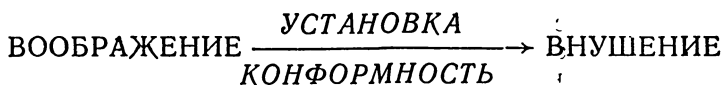

Рис. 2. Психологические факторы внушения

Психологическая установка и конформность содействуют внушению. Поэтому на рисунке условно, для наглядности, они расположены по обе стороны стрел-

ки, ведущей от воображения к внушению. Психологическая установка — главное условие, необходимое для принятия внушения. Она располагает к внушению потому, что выражает потребность, которую внушение может удовлетворить. Конформность же, хотя и повышает восприимчивость к внушению подогреванием эмоций, однако не всегда является безусловно необходимой. В ней больше нуждаются лица, которые без подражания не могут развить воображение до необходимой для внушения степени.

Все названные факторы внушения применяются служителями культа для укрепления религиозной веры. Воображение прихожан усиливают проповеди, обряды, церковный интерьер. Обостряются религиозные чувства, люди объединяются общим настроением, потребностью веры в сверхъестественное. Они «заражают» друг друга, образуя единую по настроению и установкам массу. Недаром религиозные психические эпидемии начинались в церковных храмах.

Внушение бывает прямым, опосредованным и косвенным.

При прямом внушении информация, переданная речью, непосредственно адресуется к системе управления психической, чувствительной или телесной функцией. Например, внушается прекращение головной боли, и тут же она проходит. В церкви прямое внушающее действие оказывает проповедь священника.

В случае опосредованного внушения устранение боли достигается применением посредника. Пациенту предлагается принять обезболивающую таблетку. Он не знает, что в действительности таблетка не обладает обезболивающим действием, скажем, это просто витамин «С». В такой ситуации витамин выполняет функцию посредника — проводника обезболивающего внушения.

Знахарь, выдавая обычную воду за целебную, пошептав и осенив ее крестным знаменем, применяет опосредованное внушение. К такому же способу можно отнести врачевание путем рукоприложения.

Опосредование осуществляется физическими, химическими, биологическими, психологическими факторами, ритуальными действиями. Все они используются в церковных обрядах.

Выделяют еще адекватный и неадекватный виды внушения. К первому относятся внушения, которые

правильно отражают реальную действительность и отвечают потребностям человека, подвергаемого внушению. Адекватным внушением могут быть привиты действительные знания, некоторые спортивные, профессиональные навыки и т. д. Все внушения, которые направлены на совершенствование человека, адекватны.

Неадекватными являются внушения иллюзорные. Они информативно искажают реальную действительность. Если человеку предложить стакан воды и внушать, что это сладкий фруктовый сироп, такое внушение будет неадекватным. Причащение с приемом хлеба и вина под видом тела и крови Иисуса Христа тоже относится к неадекватному внушению, так как противоречит действительности.

Неадекватное внушение в бодрствовании ведет к раздвоению личности. Раздвоение смотрится более рельефно при внушениях, которые требуют действий. Навязанные влечения вступают в конфликт с требованиями других норм поведения в данной обстановке. Человек испытывает мучительную борьбу двух мотивов: один побуждает к действиям, адекватным внушению, а другой требует поведения, соответствующего реальной ситуации.

Приведем такой пример. В бодрствовании человеку внушается, что через две минуты у него появится неодолимое желание открыть краны над умывальником, который находится в другом конце комнаты. Отчетливо видна борьба желания и сопротивления ему. Исследуемый то пристально смотрит на краны, то отворачивается, то корпусом подается в их сторону, то отклоняется назад, то привстает, то садится. В конечном итоге побеждает наиболее сильный мотив.

Обычно внушение противопоставляется убеждению, которое обозначается как воздействие на другое лицо силой логики и непреложных доказательств. Убеждение обращено к рассудку, сознанию, критическому мышлению. Вводимая идея преломляется через сознание субъекта, его мировоззрение, знания, опыт, нравственные позиции. Поведение субъекта подконтрольно сознанию и соответствует реальной ситуации.

Внушение неразлучно с эмоциями, адресуется к бессознательным механизмам психической деятельности и управления функциями организма. Человека, страдающего кошмарными сновидениями, убеждением

освободить от них нельзя, а внушением можно. Если у кормящей грудью женщины недостаточно молока, убеждением нельзя активизировать его секрецию, а внушением можно. Внушением можно управлять самыми глубинными биологическими процессами нашего организма. Эти особенности внушения успешно используются в медицинской практике.

И все же пропасти между внушением и убеждением нет. Внушение в бодрствовании часто достигает подсознательного через сознание. К примеру, больной или спортсмен являются к психотерапевту потому, что они своим сознанием стремятся один к исцелению, а другой — к повышению спортивного мастерства. Оба сознательно прибегают к самовнушению (аутогенной тренировке), прежде чем у них включаются биологические механизмы, функционирующие в автономном режиме и неподконтрольные сознанию. Итак, внушение идет рядом с убеждением, они проникают друг в друга, граница между ними может быть неуловимой, они самостоятельно существуют только в идеале, на полюсах своих проявлений.

Когда эрудированный педагог читает лекцию с эмоциональным подъемом, он воздействует на аудиторию не только убеждением, но и внушением, которое порождается преклонением перед его авторитетом. Слушатели не только убеждаются, но и верят. Вместе с тем многое зависит от подготовленности слушателя, достаточно или недостаточно у него знаний для критического отношения к предлагаемой идее. Одна и та же информация одних убеждает, а другим внушает.

Внушение — явление биопсихосоциальное. Оно биологическое по отношению к мозговым механизмам, психологическое по форме, социальное по содержанию и общественной направленности. Внушения, ведущие к раскрытию, совершенствованию человеческой личности, и внушения, связанные с религиозными верованиями, имеют одинаковый биологический механизм, подвержены таким же физиологическим закономерностям, но существенно отличаются по психологической направленности и идейно-мировоззренческому содержанию.

Мы коснулись психологической стороны внушения. А как оно соотносится с деятельностью мозга? Ведь в основе механизмов внушения лежат физиологические процессы, хотя сводить внушение только к ним было

бы упрощенчеством. Содержание психической деятельности — это продукт человеческой истории, общественного бытия, оно социально детерминировано.

В раскрытие физиологической природы внушения неоценимый вклад внес советский физиолог академик И. П. Павлов. Его представления о внушении складывались из экспериментальных исследований гипноза на собаках и наблюдений больных в неврологической и психиатрической клиниках. И. П. Павлов установил, что психической разобщенности, наблюдаемой при внушении, соответствует физиологическая разобщенность функции коры головного мозга, разорванность функциональных связей между отдельными ее частями. Как возникает такая разорванность?

Понять это помогает теория функциональных систем, основанная учеником И. П. Павлова, также физиологом, академиком П. К. Анохиным. Прежде чем приступить к какой-либо деятельности, в мозгу человека строится информационная модель поэтапного и окончательного результата действия. Если мы решили взять со стола карандаш, то об успешности наших действий в головной мозг поступают сигналы из зрительной, тактильной и мышечно-суставной систем. Если мы не достигли цели, промахнулись, в головной мозг поступает информация о рассогласованности, и тут же в наши действия вносится поправка. Такую сравнивающую мозговую модель П. К. Анохин назвал акцептором действия, а другой советский физиолог Н. А. Бернштейн — мозговой моделью «потребного» будущего.

При внушении создаются особые условия. Мозговая информационная модель оказывается изолированной от действительности. К ней не поступают сигналы о рассогласовании. Скажем, человек ест хлеб, а ему внушили, что это шоколад. Для того чтобы он мог опровергнуть нелепость внушения, в мозг должна поступать информация, что во рту не шоколад, а хлеб. А она не поступает, заблокирована торможением. Значит, ничто не сообщает об обмане, и мозг остается обманутым.

Построение изолированно действующей функциональной системы возможно при сильных эмоциях. Вот почему для реализации внушения необходимо соединение воображения с эмоциональным напряжением. Приведенный пример отображает крайне выраженную

степень внушенности. Чаше встречаются промежуточные ступени, в которых противоборствуют состояния, отвечающие содержанию внушения, и состояния, адекватные реальной ситуации. В таких случаях отчетливо выступает психическая раздвоенность личности: «Знаю, что ем хлеб, а чувствую шоколад».

Функциональное раздвоение личности во внушенном состоянии встречается не только в лабораторных условиях. На сцене его испытывал великий Ф. И. Шаляпин и стремился преодолеть. «Когда я пою,— писал он,— воплощаемый образ передо мною всегда на смотру. Он перед моими глазами каждый миг. Я пою и слушаю, действую и наблюдаю. Я никогда не бываю на сцене один... На сцене два Шаляпина. Один играет, а другой контролирует... Бывает, конечно, что не овладеешь собственными нервами. Помню, как однажды в «Жизни за царя» ...я почувствовал, как по лицу моему потекли слезы. Я испугался и сразу сообразил, что плачу..., слишком интенсивно почувствовал горе Сусанина... — и я мгновенно сдержал себя, охладел. Нет, брат,— сказал контролер,— не сентиментальничай. Бог с ним, с Сусаниным. Ты уж лучше пой и играй правильно»¹³.

В этом эпизоде в противоборстве персоны и персонажа берет верх персона.

Внушение осуществляется с помощью речи. Даже если в нем участвуют физические, химические, биологические или другие факторы, их действие опосредуется речью. Например, человек получает инструкцию, что фиксация зрения на блестящем предмете вызовет сон. Действует здесь речевая инструкция, а блестящий предмет является лишь ее проводником. Так как во внушении обязательно участие речи, оно присуще только человеку.

Развитие речи связано с потребностью в общении в процессе организации трудовой деятельности. Уже в раннюю пору становления человеческого общества труд был разделен между его членами. На долю одних выпадало поддержание огня и обработка на нем пищи, на долю других — добывание самой пищи. В коллективной охоте одни преследовали зверя, другие — поджидали его в засаде и нападали. Для координации действий необходимы были развитые средства общения. Таким средством стала членораздельная речь. Итак, «сначала труд, а затем и вместе с ним членораз-

дельная речь явились двумя самыми главными стимулами, под влиянием которых мозг обезьяны постепенно превратился в человеческий мозг, который, при всем своем сходстве с обезьяньим, далеко превосходит его по величине и совершенству»¹⁴.

Слово — это не только «чудо», порожденное совершенным артикуляционным аппаратом, но и продукт усложненной деятельности человеческого мозга. «Язык так же древен, как и сознание; язык *есть* практическое, существующее и для других людей и лишь тем самым существующее также и для меня самого, действительное сознание, и, подобно сознанию, язык возникает лишь из потребности, из настоящей необходимости общения с другими людьми»¹⁵.

Речь, возникнув из потребности, связанной с трудовой деятельностью, вместе с трудом вывела человека в люди, подчинила его законам социального бытия. Слово — нить, идущая от человека к человеку, скрепляющая настоящее, связывающая нас с ушедшими поколениями и тянущаяся к потомкам. Слово — способ кодирования реальной действительности, средство общения, установления отношений между «Я» и другими, инструмент сознания мысли, выражение обобщенного (абстрактного) отражения действительности. Мыслей, свободных от языкового материала, не существует.

Слова могут производить глубокие изменения во всем организме. Им подвластны и телесные функции. Китайский писатель Ло Гуань-Чжун в романе «Троецарствие» описал такой эпизод: «Вот взглянул я на спелые сливы, — и мне припомнился прошлогодний поход против Джан-Сю. В пути не хватало воды; люди страдали от жажды. И вдруг у меня родилась мысль, указывая плетью в пространство, я воскликнул: «Глядите, перед вами сливовая роща». Эти слова у всех вызвали слюну, и люди избавились от жажды»¹⁶. А ведь это и есть условнорефлекторное воздействие на телесные функции, оказанное словом.

Слово — не просто сочетание звуков. Сила его — в заряде информации, которую оно несет, а также в необходимости в ней. На сообщение о том, что в музее выставлена «Герника» П. Пикассо, по-разному реагируют ценители живописи и равнодушные к ней. Вероятно, читателю теперь нетрудно убедиться, что все люди внушаемы.

Внушение может выполнять свою функцию в общении людей потому, что внушаемость присуща каждому человеку. С этим не все соглашаются и в качестве аргумента приводят, например, такой факт, что даже знаменитые гипнотизеры, выступая перед большой аудиторией, обычно влияют только на небольшую группу людей.

Противоречий здесь нет. Степень податливости внушению у людей не одинакова. Как мы уже знаем, внушаемость в значительной мере зависит от психологической установки, то есть психоэмоциональной готовности принять внушение. Одним и тем же человеком одни внушения принимаются, а другие нет. Все дело в том, что одни речевые воздействия побуждают к эмоционально напряженному воображению, а другие эмоционально индифферентны. Стало быть, внушаемость — особенность весьма относительная. Она относительна и потому, что не все внушения принимаются, одни осуществляются полностью, а другие лишь в восприятиях. Внушаемость изменчива. Все люди подвержены внушению, но различаются диапазоном и глубиной внушаемости. Внушения, которые отвечают потребностям человека, как правило, принимаются.

Нам уже известно, что у одних лиц во внушение вовлекаются восприятие и телесные функции, а у других внушение ограничивается восприятием. Это указывает на разную глубину внушаемости. У первых она глубже. Приходится часто наблюдать, когда одним человеком внушение принимается, а другим нет. Применяя стандартные пробы для определения внушаемости, легко установить, что разные лица отвечают внушением на разное число проб. Эта особенность и является мерой диапазона внушаемости.

В предпринятых нами исследованиях диапазона внушаемости приняло участие более 3000 человек разного пола и возраста.

При большом числе лиц, участвовавших в исследовании, складывается отчетливое представление о внушаемости в зависимости от возраста и пола (*рис. 3*).

У мужчин (*М*) диапазон внушаемости с возрастом прямолинейно понижается, у лиц женского пола до 15-летнего возраста он ниже, чем у мужчин, а в 16—20 лет повышается, незначительно превышая мужской. С возрастом диапазон внушаемости жен-

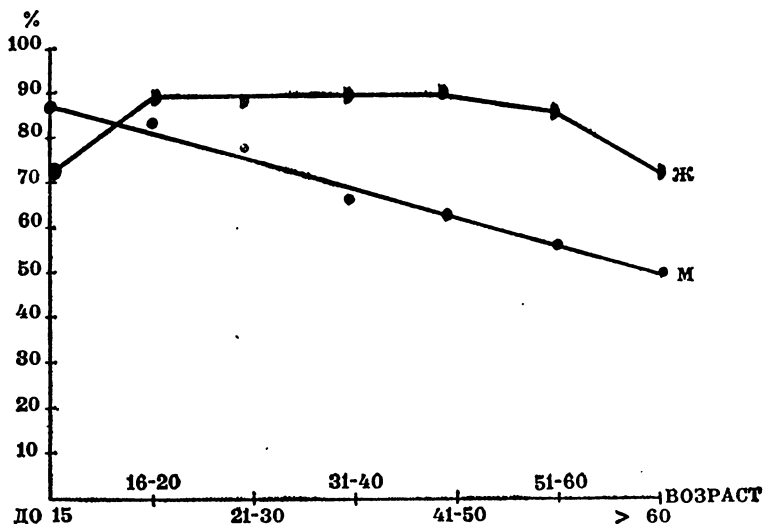

Рис. 3. Зависимость внушаемости от возраста и пола

щин (Ж) понижается, как и у мужчин, но менее интенсивно и не прямолинейно. Поэтому начиная с 16—20 лет диапазон внушаемости у женщин по сравнению с мужчинами выше. С возрастом разница увеличивается.

Однако независимо от внушаемости «тестовой» внушаемость терапевтическая, а также связанная с повышением спортивного или профессионального мастерства всегда оказывается высокой. Возможно, подобное относится и к религиозной внушаемости у верующих. Объясняется это выраженной психологической установкой, подчеркнутой готовностью к принятию такого рода внушений, повышенной потребностью в них.

Широкий диапазон внушаемости детей и ограниченность собственного опыта надо учитывать в педагогике. В мир взрослых ребенок приходит из страны детства. В ней маленький человек воспринимает мир скорее чувствами, чем разумом, наделяет его своеобразными красками, звуками, запахами. У детей свои законы веселья и печали. И от того, как прошли детские годы, кто был рядом с ребенком, чем наполнил его воображение, зависит, каким он войдет во взрослую жизнь.

Если воображение ребенка наполняется религиозными фантазиями, ему трудно будет впоследствии от них освободиться. Какие ответы получит ребенок-почемучка на многочисленные «почему», таковым и будет образ его мыслей. Правильно поется в песне: «Родительский дом — начало начал...»

Если «Кто ты?» — плод взрослой твоей сущности, то «Какой ты?» — отражение твоего детства.

Как внушение относится к гипнозу? — спросит читатель. Нередко оба явления идентифицируются. Давайте вместе разберемся в этом вопросе.

Перед нами несколько человек. Все находятся в состоянии бодрствования. Одни после внушения не могут разжать кулак, другие отворачивают голову от стакана с водой, так как им внушили, что в ней нашатырный спирт, третьи «едят» внушенный шоколад, хотя в руках ничего нет, четвертые погружаются во внушенный сон.

Нет такого физиологического явления или состояния, которое нельзя было бы воспроизвести внушением. Не составляет исключения и сон. Внушенный сон называют гипнозом (от греч. *húpnos* — сон). В наше время понятие «гипноз» значительно расширилось. Оно обозначает неполный, частичный сон. Примером частичного сна могут быть дремотные состояния, когда человек слышит, что вокруг происходит, но сам не включается в события.

Гипнозом именуется также сон внушенный. Однако внушение, как мы имели возможность убедиться, не ограничивается гипнозом, оно гораздо шире. Внушением вызываются не только сон, но и другие физиологические состояния. Поэтому формулу нансийцев (о них пойдет речь в следующей главе) «Гипноза нет, есть только внушение» следовало бы перефразировать: гипноз — это внушенный сон, одно из бесконечно возможных внушенных состояний.

Во внушенном сне объединяются в одно целое гипноз (частичный сон) и внушение (его источник). Естественно, внушенный сон сочетает в себе особенности внушения и частичного, дробного сна. В клинической практике гипноз используется как фон для других, вторичных, внушений. Этим мы ограничим ознакомление с гипнозом, так как в религии и повседневной жизни внушение осуществляется в бодрствовании.

На тернистом пути познания

Однако есть ли что милей на свете,
Чем уноситься в дух былых волнений
И умозаключать из их работ,
Как далеко шагнули мы вперед.

И. В. Гете

С внушением человек был знаком уже на заре своей истории, однако о его существовании он ничего не знал, ибо владел им стихийно. Особенность первых этапов существования внушения — тесное переплетение его с мифологическим сознанием и религией. Внушение и религия очень долго шествовали вместе. Внушение и самовнушение вплетались в повседневную практическую деятельность человека, взаимодействовали, по существу, с большинством форм духовной жизни первобытных людей, включая их мифологию и религию. Существовало внушение в нерасчлененном единстве с воображением и фантазией, проявлялось в ритуальных действиях, закрепляло и практические навыки, и нормы морали, и фантазии религиозно-мифологического характера.

Гносеологической основой взаимодействия внушения и религии было незнание, непознанность человеком мира, его жизненно важных для человеческого рода особенностей и закономерностей. В те архаические времена сознание было наполнено фантастическими представлениями о мире, их и внушали люди друг другу и сами себе. Убеждение, основанное на точном знании, занимало скромное место. Для него нужны были действительные знания, а человечество еще не накопило их. Объективные закономерности природы и место человека в ней нашему прапращуру были неведомы. Мир для него был полон загадок.

Эмоционально-психологической основой взаимодействия внушения и религии в первобытные времена был страх. Наш далекий предок зависел от капризов природы, был почти беспомощен перед ее стихией. Его одолевали болезни, растерянность перед уходом из жизни себе подобных, незащищенность перед стихиями (раскаты грома, сверканье молнии, проливные дожди, разливы рек, лесные пожары, засуха и т. п.);

он опасался хищных зверей. Все это держало первобытного человека в постоянном безудержном страхе, оказывавшем двойственное воздействие: с одной стороны, он склонял к переживанию опасности даже там, где ее не было, а с другой — побуждал к ритуальным действиям, которыми опосредовалась внушаемая психологическая защита, чаще всего — мнимая. Вследствие этого внушаемость, надо полагать, была высокой из-за ограниченного критического мышления. В состоянии страха она еще более возрастала.

Житейно-бытийной основой исторического взаимодействия внушения и религии выступала неразвитость социальной практики родового общества, низкий уровень развития производительных сил первобытного человека. Мировоззренческой причиной такого взаимодействия являлось господство религиозно-мифологического мировоззрения в духовной жизни. Вот почему внушение, как один из основных трансляторов социально значимых идей, способствовало распространению религиозных иллюзий и мифологических представлений.

Ощущавшаяся человеком в условиях неразвитости практическо-приспособительных и защитных механизмов зависимость от господствовавших над ним неподвластных сил природы и общества вела к поискам механизма психологической стабилизации и защиты. Испытывая состояние незащитности и страха, человек нередко продуцировал фантастические иллюзии и галлюцинации. Очень часто они производились его сознанием.

Содержание ложных видений и слуховых обманов отвечало психологическим установкам людей. «Видели», «слышали», «осязали» то, чего боялись. Первобытный человек в свою повседневную жизнь вплетал иллюзии. Для удовлетворения потребности выжить страх побуждал его к поискам информации о складывающейся ситуации и к созданию средств защиты. Реальные возможности были ограничены. Первобытному человеку только и оставалось искать воображаемых покровителей и защитников в фантазиях. Так происходило иллюзорное восполнение неудовлетворявшей человека действительности. Иллюзорные продукты фантазии удерживались и закреплялись механизмами внушения. Именно поэтому внушение сыграло заметную роль в функционировании первобытного синкре-

тического сознания — слитного, нерасчлененного, интегрировавшего самые различные элементы — реалистические и фантастические, иллюзорные. Однажды возникнув, иллюзорно-фантастические представления удерживались в синкретическом сознании с помощью комплексного механизма, в котором значительное место принадлежало внушению.

Именно внушение способствовало усвоению и закреплению в сознании индивидов, отдельных членов рода и важнейших религиозно-мифологических мироощущений, для которых в высокой степени характерными были антропоморфизм, олицетворение природы, ранние анимистические представления. Трансляция внушением первоначальных антропоморфных представлений была процессом естественным, поскольку познать мир для первобытного человека значило сравнить его с самим собой, своим родом, представить организацию мира по типу организации самого рода и взаимоотношений между соседними родами. Познать мир — значило сравнить его с тем, что было лучше всего и что было единственно известным. А наиболее известным был свой род. Поэтому мир и познавался в рамках представлений и подходов именно родового сознания.

В то время человек еще не мог себя выделить из природы, не осознавал своего «Я». Он не представлял себе иной жизни, чем та, которую он непосредственно знает как человеческую жизнь. В его представлении растения говорят, чувствуют, наслаждаются и страдают, животные сознательны, владеют речью и волей. Воображение древнего человека олицетворяло окружающий мир, заселяло все сущее добрыми и злыми духами. Леса, степи, горы, пастбища, реки, моря, океаны воспринимались живыми существами, обладающими человеческими качествами. Для древнего человека мир неодушевленных предметов просто не существовал. Все воспринималось как продолжение человека, его радостей и страданий, надежд и опасений.

Однако по мере распада первобытного синкретического сознания и выделения из него морали, мифологии, религии, элементов реалистических знаний о природе и обществе внушение начинает играть преобладающую роль именно в функционировании религии (особенно магии) и обрядово-ритуальной сферы социально-культурной деятельности человека. Эти две сферы и были, пожалуй, основными сферами функциони-

рования внушения. Ведь религия по мере развития и упадка родового общества, сопровождавшегося кризисом мифологического мировоззрения, стала господствовать в духовной жизни людей. И в силу своей иррациональности она нуждалась в такой форме распространения знания, которая обходилась бы без доводов разума. Именно такой формой и было внушение.

Что касается культуры доклассового общества, то степень ее ритуализации была очень высока. Знаково-символическая природа обрядовых ритуалов связывает их не так с логическо-абстрактным уровнем сознания, как с эмоциональным, художественно-образным, в котором роль механизмов внушения необычайно велика.

Выделившаяся из первобытного сознания религия разделила мир на естественный и сверхъестественный, выработала идеи души и бога, их олицетворение. Она стала не чем иным, как «фантастическим отражением в головах людей тех внешних сил, которые господствуют над ними в их повседневной жизни,— отражением, в котором земные силы принимают форму неземных»¹, — писал Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге».

В передаче иллюзорных форм фантастического отражения господствовавших над человеком сил участвовало внушение. Наиболее зримо проявлялось действие суггестивных механизмов в магии. Магическими танцами, заклинаниями первобытный человек стремился призвать на помощь добрых духов, умиловить их, изгнать или не допустить враждебные силы. В то же время магическими действиями человек сбрасывал с себя эмоциональное напряжение и подавлял страх.

Раскопки палеонтологов показали, что охотники раннего неолита заостренным камнем рисовали на стенах пещеры зверя, которого намеревались убить, и запускали в рисунок дротики. В их воображении животное действительно оказывалось сраженным, если дротики попадали в цель. Это повышало эмоциональный настрой, внушало уверенность, смелость, умножало силы и ловкость во время реальной охоты.

О большой роли механизма внушения и самовнушения во время магических действий свидетельствовал английский этнограф и социолог Б. Малиновский. Жители одного из островков, затерянного в бескрайних просторах Тихого океана, уже в совершенно недавнем прошлом совершали сложнейшие магические ритуалы

при сооружении лодки, выдалбливаемой из огромного цельного ствола дерева. Естественно, возможны случайности на любом этапе работы: одно неосторожное движение — и пробежавшая по стволу трещина сведет на нет результат многодневной работы. Чтобы предотвратить подобные неприятности, выполнялись сложные магические действия, объективно лишь настраивавшие на предельную осторожность и предусмотрительность в работе. Примечательно, что подобных действий никогда не совершали при выполнении тех операций, где значение случайной ошибки не так велико, например, при сооружении хижины. Внушение здесь под видом функционирования магических, религиозных идей способствовало передаче трудового опыта, навыков, что адекватно не осознавалось его участниками.

Внушение действовало и в функционировавшей системе тотемистического культа. В седую старину наш пращур верил в сверхъестественную родственную связь человеческого рода с каким-нибудь животным или растением. Стремясь подчеркнуть это, человек присваивал себе их имена или названия — «ворона», «кенгуру», «змея» и т. п.

Животные или растения, которые воспринимались человеком как родственные ему, называются тотемами. На языке североамериканских индейцев оджибве слово «тотем» означает «его род». Тотемы почитались как предки, от которых зависит благополучие не только одного человека, но и всего рода. Их нельзя было убивать или потреблять в пищу. Верили, что гибель тотема может повлечь смерть человеческого двойника. В своих ритуалах люди подражали их повадкам, стремясь к достижению взаимопонимания и единения с природой.

Тотемизм является древней формой религии. Однако в наш просвещенный XX век он еще встречается среди отсталых народов Азии, Африки и Океании. Описан случай, когда абориген Австралии, разглядывая свою фотографию, утверждал, что на ней изображен кенгуру².

Внушающий механизм действовал и при распространении в человеческом обществе анимистических идей. Например, проявлялся он при ранних попытках объяснения сновидений, смерти, интуиции и т. п. Внушающее воздействие оказывало религиозно-мистическое истолкование снов. Люди еще не отличали

сновидения от реальности, смерть от жизни. Во сне они видели умерших братьев, разговаривали с ними, принимали их как пришедших из другого, неведомого мира.

И ныне некоторые отсталые народности принимают сновидения как реально происходившие события. Немецкие путешественники и этнографы Пауль Вирц и Ганс Неверман, изучавшие традиции и быт папуасов маринд-аним, проживающих в западной части острова Новая Гвинея, рассказывают, как к чиновнику администрации явился папуас с девочкой-подростком на руках и пожаловался, что сосед убил и съел его дочь. При этом он показал на девочку и сказал:

— Вот она, моя мертвая дочь.

Утверждение, что девочка выглядит живой и здоровой не произвело на него никакого впечатления.

— Я сам видел, как он выел у нее внутреннее мясо, — настаивал жалобщик, — и теперь она мертвая.

Он был возмущен, что соседа тут же не схватили и не наказали.

Легко обнаружить эффект внушения и в магических заклинаниях, производившихся нашими предками. Заговоры и заклинания — выражение веры в магическую силу слова, способную противостоять козням сверхъестественных сил и отворотить зло.

Заговоры и заклинания прошли через языческие верования и воплотились в молитвы. Воины-русиичи встречали набеги хазар не только оружием, но и заклинаниями. И вот одно из них:

От света солнца палящего,
от яркой молнии разящей,
от грома Перуна * —
пропади, рассыпся!
Силой Сварога ** скованный,
силой Перуна наостренный
я держу меч.
Крепко железо кованное,
крепко железо каленное,
в руке внука Дажьдобжьего ***.

* Перун — один из главных богов древних славян до введения христианства на Руси. По своим социальным функциям — воинский бог. (Подробнее см.: Попович М. В. Мировоззрение древних славян. К., 1985.)

** Сварог — древнеславянское солярное божество, покровитель небесного огня. Согласно мифу сбросил с небес кузнечные клещи и «поча люди оружие ковати».

*** Дажьдобг — солярный воинский языческий бог. Внук Дажьдобжий.

Уйди в землю, сгори в огне,
утони в воде, развейся в ветре.
На твою силу у меня бóльшая сила,
на твою хитрость — бóльшая хитрость.
Мой меч в твоём сердце,
в твоём сердце.

В заговорах и заклинаниях обнаруживается особая разновидность самовнушения словом, будто отвращающим зло. Главное значение во всех примерах самогипнотизации принадлежит внушению, опосредованному созерцанием. Древним народам была известна техника сомовнушения. Например, египетские жрецы приводили себя в гипнотическое состояние фиксацией взгляда на каббалистические (таинственные) знаки, изображенные на дне блестящего блюда, кельтские друиды и альтруны достигли этого, прислушиваясь к журчанию ручья, монахи Афонской горы — созерцанием своего пупка.

Однако заговоры и заклинания известны исторически не только в религиях, но и в народном врачевании, до недавнего времени субъективно осознававшимся исключительно в религиозно-мистической форме. Этому способствовало и то, что встречавшиеся отдельные случаи «исцеления» священнослужители объявляли чудесными. Теперь нам понятно, что все дело в лечебном действии внушения, которое сегодня успешно применяется в официальной медицине. Между тем в так называемых чудесных исцелениях естественное влияние внушения на человека было наиболее очевидным. Быть может поэтому воссоздаваемая история стихийного и осознанного овладения внушением разворачивалась на путях истории медицины.

Письменные сведения, которые с позиций сегодняшнего дня можно отнести к внушению во врачевании, имеются в папирусе Эберса, составленном примерно за 2000 лет до нашей эры. Папирус назван так по имени немецкого ученого, нашедшего его в одной из фиванских гробниц.

В папирусе для лечения различных недугов содержатся рецепты снадобий, употребление которых предписывалось обязательно сочетать с возложением рук и заклинаниями, слова при этом следовало произносить четко и повторять несколько раз. Приведены тексты магических заговоров.

При археологических раскопках дворца ассирийского царя Ашшурбанипала, правившего в VII веке до нашей эры в Ниневии, найдено множество плиток с клинописными текстами, на которых зафиксировано около 1000 способов лечения заболеваний. Известно, также, что еще до составления текстов библейский царь Соломон исцелял от многих недугов наложением рук на больного.

В V веке до нашей эры древнегреческий историк Геродот сообщал, что в наиболее развитой ассирио-вавилонской медицине приему снадобий сопутствовали заклинания, магические формулы, сожжение фигурок демонов. «Магическим» словом, как считалось, изгонялись злые духи, которые по преданию были виновниками болезней. Заклинаниями и возложением рук на голову больного врачевали халдейские и египетские жрецы, персидские маги, индусские брамины и йоги.

Римские писатели Марциал, Агриппа, Апулей и Плавт поведали об усыплении прикосновением руки, сопровождаемом заклинаниями. Апулей утверждал, что прикосновением, заклинаниями и запахами можно так усыпить человека, что он освобождается от своей грубой телесной оболочки и возвращается к чистой, божественной бессмертной природе.

Исцеляя некоторых больных внушением, служители религиозного культа демонстрировали свое могущество, «чудодейственную» силу. Народ в страхе повиновался им. Исцеление проводилось жрецами в храмах, возведенных в честь бога медицины, который именовался Эскулапом в Древнем Риме, Асклепием в античной Греции, Сераписом в эллинском Египте. Особенно прославились святилище Асклепия в Эпидавре, названное асклепийоном, Мемфийский и Александрийский храмы, названные серапеумами. Все это были «храмы-лечебницы».

Лечение в асклепийоне начиналось с разработанной системы внушения. Само здание беломраморного храма поражает воображение паломников своей величественностью. В центре святилища возведена огромная статуя бога Асклепия. Здесь совершались пышные ритуалы, во время которых происходили беседы со жрецами, жертвоприношения, курение благовоний, принятие ванн, молебны. На стенах храма были развешены памятные доски, оставленные исцеленными в знак благодарности.

Имелось специальное помещение для сна — абатон. Больных укладывали на шкуру принесенного в жертву дикого кабана и усыпляли. Неудивительно, что кому-то из жаждущих снилось, будто сам бог указывает ему средства исцеления. Вся обстановка асклепийона внушала подобного рода сновидения. Они принимались как предписание для дальнейшего лечения. Сейчас некоторые психотерапевты тоже заказывают (внушают) пациентам сновидения с лечебной целью.

Предание гласит, что в 60 году I столетия двум больным — одному слепому, а другому с парализованной рукой — во сне явился бог Серапис, который открыл им, что они будут спасены императором Веспасианом. Слепой прозреет, когда Веспасиан плюнет ему в глаза, рука другого начнет действовать, после того как царь потопчет ее ногой. И вот в Александрии во время религиозного праздника при большом скоплении народа император провел этот сеанс врачевания. «Тотчас же рука расслабленного стала действовать, а для слепого воссиял день. Те, которые были при том, и теперь свидетельствуют об этих исцелениях» — писал в своей «Истории» римский историк Тацит. Древнегреческий писатель и историк Плутарх рассказал, что царь Эпира Пирр на рубеже IV и III столетий до нашей эры исцелял больных, погружая их в глубокий сон прикосновением стопы.

Лечебная магия была распространена и в Древней Руси. Ею владели шептуны и ведуны. «Немощь волшебными лечат», — говорили они. Лекарь, применявший заговоры, заклинания, обретал кличку «бай» (от древнерусского «байять» — говорить) или «враль» (от древнерусского «врати» — заговаривать). В дальнейшем «враль» преобразовалось во «врач». Этот этимологический экскурс показывает, что лечение словом (внушением) издревле входило в арсенал русской народной медицины.

Исцеляющую силу приписывали норвежскому королю Олафу II Святому (начало XI столетия). Короли Англии и Франции наделялись способностью одним лишь возложением рук излечивать зоб и другие болезни. В XVII столетии на этом поприще прославились английские короли Карл I и его преемник Карл II. Они хорошо владели техникой внушения. От них и пошло изречение «Король к тебе прикоснется, а бог излечит».

Возложение королевских рук входило в ритуал короны.

Обряд возложения рук существовал во всех древних религиях. Верили, что рука, как и слово, обладает колдовской силой. От тех далеких дней восходит к нашему времени церковный обычай: при посвящении в духовный сан епископ возлагает руки на голову претендента, а затем совершает молитву. Он якобы чудесным образом передает посвящаемому на всю жизнь особого рода благодать. Если «возложение» заменить более прозаичным словом «прикосновение», то им повседневно пользуются в суггестивной психотерапии нынешние врачи. Так опосредуется внушение.

По мере развития классового общества, где религия становится средством поддержания идеологии эксплуататоров, началось сознательное и целенаправленное использование механизма внушения в целях защиты ее как духовной опоры господствующего класса. Неравенство нуждалось в идеологическом оправдании. Эту функцию начала выполнять религиозная организация. Появляются служители религиозного культа, специалисты по отправлению обрядов, объявившие себя посредниками между богом и человеком. Они владели в большей или меньшей степени техникой внушения, хотя не осознавали этого. Свое умение преподносили как сверхъестественный дар, отпущенный всевышним. Еще в рабовладельческих государствах возводятся храмы или святилища для совершения коллективных религиозных обрядов и подогревания религиозных чувств. Внушаемость в коллективе повышается — действует взаимное подражание и заражение. Внушающий эффект коллективной молитвы и самовнушающее влияние молитвы индивидуальной в полной мере используют церковники.

Молитва существенно не отличается от заклинания. Она представляет собой обращение священника или самого верующего к богу, сверхъестественным силам о ниспослании блага и отвращении зла. Как и заклинания, молитва снимает эмоциональное напряжение, тревожность, утешает в горе, выводит из психоэмоционального кризиса. Верующий относит это на счет снисхождения божьей благодати, якобы помогающей переносить трудности.

В действительности эмоциональная разрядка объясняется действием внушения, которое содержится в

вере в магическую силу молитвы. Молящийся рассчитывает на милость всемогущего божества. В самом же деле молитва приобретает значение способа психоэмоциональной саморегуляции, то есть психотерапевтического самовоздействия (самовнушения). Для этого имеются все необходимые предпосылки: воображение, стимулируемое эмоцией, психологическая установка в форме ожидания божьей милости, конформность в коллективных молитвах.

Христианство имеет немалый опыт использования внушения. Уже первые христиане прибегали к методам внушения в культовой практике. В состоянии перманентного религиозного экстаза (греч. *extasis* — исступление, восхищение) у них стиралась грань между желаемым и действительным.

Сильное суггестивное влияние оказывали коллективные культовые действия — крестные ходы, выносы особо чтимых в католицизме скульптурных изображений, в православии — икон, мощей и т. п. В обстановке искусно подогревавшихся церковью религиозных эмоций крепла вера в сверхъестественное, в якобы целительную силу благодати, мощей, способность духовенства устранять недуги, исцелять страждущих.

Использовались в церковной практике и элементы самовнушения. Такую роль в православии играла, например, «сладчайшая Иисусова молитва», произносившаяся в особой позе (почти такой же, какая применяется в аутогенной тренировке) с сосредоточенно-погруженным вниманием на произнесении слов молитвы в определенном режиме дыхания.

Без внушения религиозная вера, в силу своей иррациональности, существовать не может. «Человек, для которого *чувственный мир* превратился в *голую идею*, — писали К. Маркс и Ф. Энгельс, — превращает, обратно, голые идеи в *чувственные существа*. Призраки его воображения принимают телесную форму. В его представлении образуется мир осязаемых, ощущаемых призраков. В этом именно заключается тайна всех благочестивых видений, это есть в то же время общая форма безумия»³.

Внушение занимает едва ли не ведущее место в религиозной психологии. Оно необходимо в тех пластах религиозного сознания, где велика роль мистического мироощущения, где оттесняются на задний план

всякие логические аргументы, рационалистическое отношение к действительности.

Таким образом, внушение весьма искусно использовалось и используется в церковной практике. В силу этого обстоятельства церковь на протяжении длительного времени противилась развенчанию окутывавшей внушение загадочности.

Безусловно, на пути познания внушения как явления нашего сознания были немалые трудности. Это прежде всего трудности объективного характера, связанные с неясностью, сложностью для исследования духовных и психических явлений вообще. Отсутствие научной методики познания деятельности головного мозга долгое время сдерживали попытки разума проникнуть в тайны внушения. Главное же — не было общественной потребности его познания, заинтересованного социального субъекта. Субъекта, заинтересованного не в обмане с помощью внушения, не в манипулировании человеческим сознанием, а в познании с целью оздоровления человека, то есть в подлинно гуманистических целях.

Духовенство оберегало таинство, которым пользовалось в своих целях. Вначале церковь не могла препятствовать развитию научных знаний о внушении, так как уровень знаний о мозге и его назначении был низок, недостаточен для решения вопросов психической и эмоциональной жизни. И церковь имевшимися в ее распоряжении средствами боролась против разгадки тайны. Характерной в этом плане является ее отношение к одному из первых научных «прорывов» в тайну внушения, предпринятого ученым по интересам и священником по положению аббатом Х. К. Фариа. Во время публичных психологических опытов к Фариа церковники подослали актера, который притворился спящим и сорвал демонстрацию. Фариа обвинили в шарлатанстве, заставили отказаться от врачевания и покаяться. Свой жизненный путь он завершил в нищете.

Через тернии пробивало себе дорогу знание. Шло время. Сложились условия и возможности для разгадки тайны. Появились исследователи, заинтересованные и способные по-научному подойти к объяснению природы и использования внушения в интересах человека, его здоровья, подлинных духовных потребностей. Одним из первых среди них был французский

философ и писатель Мишель де Монтень. Он выступил с критикой теологии, схоластики и церковного догматизма. Религия, говорил просветитель, не выдерживает суда разума. В книге «Опыты» Монтень высказал мысль о воздействии воображения на психические, эмоциональные и телесные функции человека.

Мы уже убедились, что приводным ремнем всеобъемлющего влияния воображения является порожаемое им внушение. Но в то время люди были еще далеки от самого понятия «внушение». Только во второй половине XVIII столетия к нему начал приближаться австрийский врач, швейцарец по происхождению Франц Антон Месмер. Он был одаренным, универсально образованным человеком — изучал философию, теологию, право и медицину. Месмер рано стал доктором философии, а в 32 года защитил диссертацию «О влиянии планет на человека». В ней утверждалось, что планеты действуют на человека посредством особой магнетической силы и человек, овладевший этой силой, способен излучать ее на других людей, благотворно влияя на их организм, излечивая от болезней.

Так, в 1774 году через Вену проезжал знатный англичанин. Неожиданно у его жены появились рези в животе. Иностранец обратился к патеру и астрологу Максимилиану Геллю с просьбой изготовить для лечения магнит. Желание было исполнено, и вскоре больная избавилась от боли. Об этом патер поведал своему другу Месмеру. Воображение ученого было потрясено, и он сам начал врачевать магнитами. Он считал, что магнит — это кусок метеорита, оторвавшийся от звезд. Поэтому-де и действует подобно звездам.

Ложные представления о том, что магнит вытягивает болезнь, побудили Месмера усилить действие магнетизма: он ставит больному по два магнита, сам носит на шее магнит; натирает магнитом — «магнетизирует» домашнюю утварь (посуду, одежду, кровати, зеркала, музыкальные инструменты); «магнетизирует» воду, предлагая больным пить ее и купаться в ней. Наконец, конструирует большой деревянный чан, где размещает два ряда бутылок, наполненных магнетизированной водой. Бутылки сходятся к стальному стержню, от которого провода подводятся к больным, рассаженым вокруг чана.

В саду Месмер «магнетизировал» деревья, под которые собирались жаждущие исцеления немощные люди. Вероятно, он долго бы еще так врачевал, если бы не вмешался случай. Господин случай не однажды открывал человечеству сокровенные тайны природы. Как-то Месмер пришел к больной и обнаружил, что забыл магнит. Не желая огорчить пациентку, он провел свой сеанс, делая вид, что при пассах* держит в руке магнит. Вскоре женщина уснула. А когда проснулась, болезнь отступила.

Месмер задумался. Вывод напрашивался сам собой: дело не в магните. Но тогда в чем? Сегодня нам ясно: в психологическом механизме явления, которое именуется внушением. Однако к такому заключению Месмер не пришел. Не будем его судить слишком строго: интеллектуальный климат еще не позволял выйти на правильный путь. Месмер пошел по ложному пути — он объявил, что магнетизм концентрируется в нем самом. Такой особенностью, утверждал он, обладают исключительно одаренные люди, она дает им могущество и власть над другими людьми. Магнетическая сила будто бы передается через невесомую эфироподобную жидкость — «магнетический флюид» (от лат. *fluidis* — текущий), которым заполнена вся Вселенная. Через него небесные тела влияют друг на друга, воздействуют на неодушевленные предметы и живые организмы. Пасса́ми передаются целебные магнетические флюиды от людей одаренных.

Прошел всего один год, а слава о чудо-исцелителе распространилась далеко за пределы Австрии. К Месмеру стекаются толпы паломников — от простолюдинов до придворной знати, приезжают доктора перенять опыт, о нем пишут в газетах. Баварская академия в 1775 году на торжественном собрании избирает его своим сочленом.

Головокружительный успех! Однако недолгий. В марте 1776 года, спустя четыре месяца после триумфального собрания, Месмер сообщает академии о гонениях, интригах, шантаже со стороны коллег по отношению к нему. Коллеги оставили Месмера. Они в нем видели шарлатана и добивались указа императрицы «положить конец этим обманам».

* (фр. *passes*) — плавные движения рук гипнолога вдоль тела пациента.

В 1778 году Месмер переезжает в Париж. Проходит несколько месяцев, и молва о чудо-лекаре облетает всю Францию. Страждущие стремятся хотя бы прикоснуться к его одежде, раскупают маленькие намагнетизированные ушаты, чтобы лечиться на дому; сотни человек под намагнетизированным деревом ожидают «кризиса».

Газеты пестрят статьями под сенсационными заголовками «Весь Париж у ног Месмера», «За здоровьем спешите к Месмеру» и т. п. Придворная знать открывает кумиру путь в Бурбонский дворец, ему покровительствует принцесса австрийская и королева Франции Мария-Антуанетта.

Месмер обладал огромным талантом психического и эмоционального воздействия на людей. Его система врачевания прекрасно описана австрийским писателем Стефаном Цвейгом в биографической повести «Франц Антон Месмер».

К научному толкованию месмеровских исцелений мы обратимся позже. Сейчас только заметим: дискуссия вокруг них достигла такого накала, что король Людовик XVI в 1784 году подписывает указ, обязующий королевское медицинское общество и французскую Академию наук рассмотреть, существует ли магнетически-жизненный флюид. Среди хулителей Месмера был великий драматург Бомарше.

Специально выделенная комиссия изучает представленный Месмером доклад. В состав комиссии входили именитые ученые: физик и государственный деятель Бенджамин Франклин, химик Антуан Лоран Лавуазье, астроном и мэр города Жан-Сильвен Байи, ботаник Антуан Лоран Жюсье. Медицину представлял доктор Жан Гильотен, известный изобретением гильотины и впоследствии испытавший это адское изобретение на себе.

И вот авторитетная комиссия проверяет существование животного магнетизма. Больного подводят к дереву. Он не знает, что дерево не подвергнуто воздействию магнетизма. Через короткое время наступают конвульсии.

Другой больной принимает обычную воду, которую ему подносят под видом намагнетизированной, — и опять конвульсии. И наконец, соприкосновение с «намагнетизированными» предметами лиц, ничего не

знавших о способностях Месмера, конвульсий не вызывало.

11 августа 1784 года было оглашено заключение комиссии:

«После того как члены комиссии признали, что флюид жизненного магнетизма не познается ни одним из наших чувств и не произвел никакого воздействия ни на них самих, ни на больных..., после того, как они доказали, что и воображение без магнетизма может вызвать судороги, а магнетизм без воображения ничего не в состоянии вызвать, они единогласно постановили, что ничего не доказывает существование магнетически-жизненного флюида и что, таким образом, этот непознаваемый флюид бесполезен, что разительное его действие, наблюдавшееся при публичных сеансах, должно быть частично объяснено прикосновениями и возбуждаемым ими воображением..., которое против нашей воли побуждает нас повторять действия, воспринятые нашими чувствами... Зрелище таких кризов опасно в силу вложенного в нас стремления к подражанию»⁴.

Поразительно верные слова! Именно воображение и подражание составляют психологическую основу внушения. Безграничная вера в исцеление избавляла людей от недугов. Действовали опосредованные внушения в бодрствовании. Установка на исцеление в сознании людей связывалась с ритуалами, которые принимались как необходимость. Большое значение имело подражание.

Так выглядит заключение в современном прочтении, когда воображение и подражание стали предметом глубокого изучения. А около двухсот лет назад, когда происходили упомянутые события, психология как наука еще не сформировалась. Тогда эти явления считались не заслуживающими серьезного внимания. Заключение комиссии звучало приговором, магнетизм потерял для публики привлекательность. Недоверие привело к неудачам в лечении. Поверженный Месмер был вынужден покинуть Францию. Впоследствии он жил в Швейцарии, продолжал заниматься «магнетическим» лечением, пользуясь огромной популярностью среди больных, стал, по выражению О. Бальзака, «знаменитым швейцарским врачом».

Будем справедливы к Месмеру. Взгляды его, конечно, наивны. Но техническая сторона его искусства

внушения во многом и сегодня не потеряла значения. В наше время также используется опосредованное внушение, и многие психотерапевты применяют пассы.

Месмер обессмертил свое имя прежде всего тем, что его усилиями внушение стало достоянием официальной медицины. Он был первопроходцем осознанной психотерапии, так как впервые, пусть даже примитивно, попытался объяснить «животный магнетизм», не прибегая к сверхъестественным силам. Для него флюид не скрывал в себе ничего сверхъестественного, в нем усматривался гипотетический проводник всемирного тяготения.

Месмер сопровождал сеансы музыкой, быть может интуитивно понимая, как важен при внушении определенный эмоциональный настрой. Он, наконец, впервые применил коллективные формы опосредованного внушения и притом — в бодрствовании.

С именем ученого начинается история науки о внушении. Сведения, полученные до него, составляют предысторию. Отнесемся к ним тоже почтительно, ибо без предыстории нет истории, наука не может начинаться с нуля. Месмер не был принят официальными кругами, потому что переступил барьер времени.

Обратим внимание на то, что Месмер проводил внушения в бодрствующем состоянии. Методы внушения во внушенном сне (гипнозе), известные в древности, просто были напрочно забыты. И опять-таки случай привел к вторичному открытию забытого метода.

В 1784 году к ученику Месмера магнетизеру-любителю маркизу Шастенэ де Пюисегуру обратилась за помощью группа больных. Граф-филантроп, следуя учителю, старается вызвать у своих больных бурные кризы. Но вдруг он изумляется. Молодой пастух, по имени Виктор, вместо того, чтобы ответить на магнетические пассы подергиваниями, конвульсиями, мирно засыпает под его поглаживаниями. Пюисегур пытался расшевелить увальня. Но тщетно! Пюисегур кричит на него, однако тот не двигается. Он трясет его, но крестьянский парень продолжает спать. Внезапно, когда маркиз вновь приказывает встать, парень действительно встает и делает несколько шагов с закрытыми глазами. Он держится совершенно, как наяву, как человек, владеющий всеми чувствами, хотя пребывает во сне. Среди бела дня он впал в сомнамбулизм, начал бродить во сне. Смущенный Пюисегур

пытается говорить с ним, предлагает ему вопросы. Молодой пастух, продолжая спать, отвечает вполне разумно на каждый из них. Маркиз, взволнованный этим своеобразным явлением, повторяет опыт. И действительно, ему удается вызвать состояние бодрствования во сне и у ряда других лиц. Неожиданное открытие воодушевляет его. С удвоенным усердием он продолжает исследования. Маркиз предлагает находящемуся во сне выполнять ряд действий после пробуждения и достигает успеха. По возвращению нормального сознания, больной выполняет все приказания, которые были внушены ему во сне. Позднее это назовут постгипнотическим внушением, а пока еще не существовало и слова «гипноз».

Пюисегур открыл феномен, который назвал магнетическим сомнамбулизмом. Спустя два столетия это явление будут именовать внушением в гипнозе, внушенным сомнамбулизмом. Внушение в гипнозе знаменовало также открытие раппорта — возможности общения с гипнотиком во внушенном сне. Внушенный сон Пюисегур отнес к состоянию патологическому. Он был пионером и в проведении прямого словесного внушения, не опосредованного какими-либо ритуалами. Тем самым утверждалось два способа внушения — прямой и опосредованный.

И все же маркиз не был свободен от веяний времени. Он не устоял от соблазна приписать пациенту в вызываемом состоянии способность ясновидения: читать закрытыми глазами, предвидеть будущее, предсказывать день смерти и т. д. Слухи об этих чудесах так распространились, что Французская медицинская академия целых 15 лет занималась вопросом, существует ли ясновидение, и назначила премию тому, кто с закрытыми глазами прочитает книгу. Однако премию выдать не пришлось.

Прямое внушение широко применял и аббат Хосе Кустодио Фариа, тот самый Фариа, который упоминается Александром Дюма в романе «Граф Монте-Кристо». Он был примечательной личностью. Отказавшись от духовного сана, Фариа участвует в Великой французской революции как командир батальона санкюлотов (революционеров-простолюдинов).

Подвергаясь преследованиям, Фариа бежит из Парижа в Марсель. Там преподает в лицее и становится профессором Марсельской академии. За поддержку

бунта учащихся переводится в Ним помощником преподавателя. Среди учащихся он пропагандирует идеи своего друга — видного французского мыслителя и революционера Гракха Бабефа. Фариа выследили и как опасного политического преступника заключили в мрачные казематы крепости Иф. 15 лет просидел он в одиночестве. В 1816 году после крушения наполеоновской тирании был освобожден. Поселяется в Париже и открывает зал магнетизма, где занимается лечебным внушением и читает лекции по теории магнетизма.

Фариа, как и Пюисегур, при помощи внушения достигал сна, однако относил его ко сну нормальному. Усыпление проводилось повелительным приказом: «Спите!» Сон явился фоном для других внушений. Например, пациенту предлагалось пить воду, а внушалось, что это вино. Гипнотик приходил в состояние опьянения. Проводились и многие другие экспериментальные внушения. Фариа первый понял, что не в магнетизере тайна магнетического состояния, а в магнетизируемом, в его воображении. Верь и надейся, если хочешь подвергнуться магнетизму, и ничего сверхъестественного в этом состоянии нет.

В 1819 году в Париже Фариа издает книгу «О причине ясного сна, или исследование природы человека, написанное аббатом Фариа, брамином, доктором теологии». Это была его лебединая песня. В 1819 году Фариа скончался. На его родине в Индии близ Панаджи, главного города штата Гоа, ему поставлен бронзовый памятник: священник склонился над женщиной, и вот-вот с его уст слетит властное «Спите!».

Среди магнетизеров действительно встречалось немало шарлатанов. Рядились они в черные одежды, на голову надевали чалму, как знак принадлежности к индийским факирам или йогам. На сцену вызывались желающие, и начинались «чудеса». На одном из таких представлений в Англии — в Манчестере — присутствовал Ф. Энгельс. Выступал известный магнетизер Спенсер Холл. «Это был,— писал Ф. Энгельс,— самый обыкновенный шарлатан, разъезжавший по стране под покровительством некоторых попов и проделывавший над одной молодой девицей магнетическо-френологические опыты, имевшие целью доказать бытие божие, бессмертие души и ложность материализма...»⁵.

Первые же попытки научного обоснования интересующих нас явлений относятся к деятельности хирурга из Манчестера Джеймса Брэда. Поначалу он не принимал внушение всерьез. Будучи в Женеве, Брэд решает изобличить Лафонтена (внука известного баснописца), нашумевшего своими магнетическими опытами. 13 ноября 1841 года Брэд присутствует на публичном выступлении магнетизера. Увиденное поразило его воображение, особенно когда Лафонтен внушил дородному докеру исчезновение болевой чувствительности. Докер не испытывал боли, когда толстой иглой ему прокалывали кисть. С сеанса гипноза Брэд ушел с твердым намерением применить психологический метод обезболивания в хирургии.

Словесное усыпление врач сочетал с фиксацией взгляда пациента на каком-нибудь предмете. Это могла быть обыкновенная пробка, привязанная ко лбу больного, или блестящий предмет (ланцет, ложка), расположенный на некотором расстоянии от его глаз. Брэд обнаружил, что фиксация взора и без внешнего внушения также приводит ко сну. Это было открытием опосредованного самовнушения. Оно опосредовалось ритуалом фиксации взора на те или иные предметы. Вместе с тем наблюдения стали еще одним доказательством того, что дело не в вымышленных магнетических флюидах, каких-то внешних силах, а в явлениях, происходящих в самом субъекте. Главное — в сконцентрированном внимании, в поглощении разума одной идеей. Опыты Брэда способствовали укреплению мысли о решающей роли воображения в явлениях, называемых магнетическими. Прямым словесным воздействием врач достигал такой глубины потери чувствительности, что без боли стал проводить ряд хирургических операций — удаление зубов, вскрытие абсцессов, ортопедические операции и т. п.

В 1843 году Брэд выпускает книгу «Неврология, или Трактат о нервном сне, рассматриваемом в его отношениях к животному магнетизму, со включением многочисленных успехов применения его к лечению болезней». Внушенный сон Брэд назвал гипнозом* (от греч. *hypnos* — сон). Термин быстро привился и вытеснил популярное в то время слово «магнетизм».

* В древнегреческой мифологии — божество, олицетворяющее сон; сын Ночи.

Но удивительное дело, сам по себе термин сыграл и отрицательную роль. Сложилось так, что гипнозом начали называть не только внушенный сон, а и другие внушения, которые ничего общего со сном не имеют. В результате этого гипноз слился с внушением вообще, хотя является только одним из множества его проявлений.

Мы уже знаем, что внушать можно и в бодрствовании, между тем внушение больше исследуется в рамках гипноза. Если до Брэда научная история внушения была связана с врачеванием, то теперь она была уже связана и с гипнозом. Это тем более удивительно, что сам Бред проявлял интерес к внушению в бодрствовании. Он не был тверд в мысли, что гипноз тоже результат внушения, потому в происхождении этого явления определенное место отводил «животному магнетизму». Над Бредом довлел авторитет Месмера.

Пройдет почти 75 лет после введения термина «гипноз», и знаменитый И. Бернгейм скажет: «Сон не является необходимостью, чтобы создать феномены внушаемости. Можно было бы обнаружить эти феномены наяву, не проходя через необязательный посредник — провоцированный сон, и тогда не появилось бы слово «гипнотизм».

Во второй половине XIX века центром изучения внушения становится Франция. В небольшом университетском городке Нанси, близ Парижа, сельский врач Амвросий Август Льебо применял прямое словесное внушение для лечения больных. Он привлекал феномен подражания. Прежде чем подвергнуть пациента лечебному усыплению, Льебо усыплял его в присутствии других лиц. Врач вводит в обиход само понятие «внушение». В 1866 году Льебо выпускает книжку «Сон и подобные ему состояния, рассматриваемые прежде всего с точки зрения влияния разума на тело». Отметим, что тема «Влияние разума на тело», за которую взялся сельский врач, необъятна. Она далеко еще не исчерпана и в наше время.

Льебо разделяет взгляды Брэда о гипнозе как о разновидности сна. Но он добавил к этому, что гипноз — сон внушенный. Это значит, что физические факторы (фиксация взгляда, пассы и т. п.) оказывают гипнотическое действие лишь постольку, поскольку несут идею сна. И все же Льебо не был до конца последователен. Наряду с внушением он допускал существова-

ние животного магнетизма. В 1883 году он изложил свои взгляды в книге «Очерк о зоомагнетизме», а затем пошел дальше по ложному пути — начал врачевать «магнетической водой».

Профессор из университета Нанси, заведующий кафедрой терапии И. Бернгейм, стремясь прояснить для Льебо истину, предлагает сравнить эффект так называемой магнетической воды с водой обычной, преподносимой под видом магнетической. Результаты оказались идентичными. Значит, все дело во внушении. В 1887 году Льебо отрекся от веры в магнетический флюид. Но какова ирония судьбы! Уже после этого, в 1890 году, в 77-летнем возрасте он избирается почетным председателем Общества восточных районов Франции по изучению психики, объединившего флюидистов.

Наиболее последовательным среди нансийцев оказался Бернгейм, он был твердо убежден в том, что все проявления гипноза сводятся к внушению. Его признают главой нансийской школы. Так усилиями Бернгейма «столько раз проклятая наука о внушении», по выражению Льебо, получает права гражданства.

Одновременно в Париже в стенах Сальпетриерской психиатрической больницы формируется другая научная школа, названная сальпетриерской. Ее возглавил метр неврологии того времени, член Французской медицинской академии и Парижской Академии наук Жан Мартен Шарко.

В изучении внушения и гипноза нансийская и сальпетриерская школы пошли разными путями. Первоначальные расхождения чисто методического характера впоследствии переросли в гораздо более серьезные. Бернгейм проводил исследования со значительным количеством здоровых людей. Шарко — с двенадцатью больными истерией, которые одновременно находились на лечении в больнице. Бернгейм достигал гипнотического состояния прямым словесным внушением (подобно Пюисегуру и Фариа), Шарко пользовался опосредованным внушением, воздействуя на органы чувств физическими факторами: друммонов огонь, удары литавр или тамтама, вибрация камертона, тепло, пассы и т. п.

Все это привело к разному пониманию представителями школ сущности гипноза. Бернгейм главную роль отводил внушению, гипнотическое действие физических факторов либо вовсе отрицалось, либо они все принимались им как вспомогательные. Девизом

нансийцев стала крылатая в то время фраза: «Гипноза нет, есть только внушение».

Шарко впервые в широком масштабе применил гипноз как метод лечения истерии. На передний план он выдвигал физические воздействия, внушению он отводил второстепенную роль. Для такого категорического вывода у него не было достаточных оснований. Находясь совместно в клинике, больные, естественно, общались между собой и влияли друг на друга. Этого, как мы знаем сегодня, вполне достаточно для взаимного внушения, особенно у больных истерией, отличающихся обостренной внушаемостью и склонностью к подражанию. Конечно, и сильные физические раздражители могли вызвать гипноз как защитную реакцию.

Бернгейм относил гипноз к явлениям нормальным, свойственным здоровому человеку. Шарко же настаивал на том, что гипноз — это проявление искусственно вызванного истерического припадка. Многие годы обе школы вели горячую дискуссию. Льебо напрасно призывал их к примирению.

Взгляды нансийцев были более прогрессивными. Они привлекли к себе много сторонников как во Франции, так и за ее пределами. И все же нансийцы не были едины во взглядах. Традиция рассматривать внушение в рамках гипноза тяготела над многими исследователями, хотя Бернгейм сообщил о больших возможностях внушения в бодрствовании, то есть внушения без гипноза.

От нансийской школы отошел именитый швейцарский психиатр П. Дюбуа. Он считал безнравственным воздействие на человека внушением. При этом психиатр упускал из виду, что люди, хотя бы они того или нет, стихийно воздействуют внушением друг на друга и на себя с незапамятных времен. Что касается нравственности, то это зависит от самого человека, как он распорядится внушением — в нравственных или безнравственных целях.

Интерес к гипнозу во Франции был так велик, что в 1882 году гипнотизм восторженно признается многократно отвергавшей его академией наук. С 1886 года начинает выходить журнал «Гипнотизм экспериментальный и терапевтический», а в 1889 году в Париже созывается I Международный конгресс по экспериментальному и терапевтическому гипнотизму. Среди его участников был молодой, но уже известный русский

профессор, заведующий кафедрой психиатрии Казанского университета Владимир Михайлович Бехтерев.

На конгрессе проходила страстная дискуссия между нансийской и сальпетриерской школами. Нансийцы вышли победителями. Мы же, спустя столетие, скажем, что обсуждалась только одна грань многосторонней проблемы: внушение принималось во внимание лишь в рамках гипноза, а его необыкновенно широкое участие в поведении человека не рассматривалось.

Тем не менее и школа Шарко, и школа Бернгейма сыграли выдающуюся роль в науке. Их усилиями под внушение и гипноз начали подводить научно обоснованную психологическую и физиологическую базу.

В конце XIX — начале XX века во Франции формируется еще одна школа, названная неонансийской. Ее основателем стал добродушный аптекарь Э. Куэ. Решающее значение во внушении он придавал воображению. Вспомним об ударе, нанесенном Месмеру авторитетной комиссией, которая объяснила его врачебное искусство воображением. Как резко изменился интеллектуальный климат! Для этого потребовалось почти полтора столетия.

Внушение действует через самовнушение, говорили неонансийцы. Нет внушения, утверждали они, есть только самовнушение. Куэ прослыл глашатаем лечения самовнушением. Свой метод он описал в книге «Овладение собой путем сознательного самовнушения». Издавалась она почти во всех европейских странах и в Америке.

Вскоре, однако, интерес к самовнушению стал ослабевать. С новой силой он возродился лишь спустя десятилетия. Именно от Куэ берет начало аутогенная тренировка, технику которой в 1932 году предложил немецкий психиатр И. Г. Шульц.

В России изучение внушения и гипноза имеет свою историю. Большое влияние на развитие этой области науки оказала русская передовая общественная мысль 40—60-х годов XIX столетия. Это был период бурного развития естествознания. Властителями дум прогрессивной интеллигенции и молодежи была замечательная плеяда революционеров-демократов, писателей и философов — А. И. Герцен, В. Г. Белинский, Н. А. Добролюбов, Н. Г. Чернышевский, Д. И. Писарев и др. Они рассматривали естествознание как область знаний, которая неизбежно приведет широкие массы к ре-

волюционному мировоззрению и облегчит переустройство старого мира. А. И. Герцен считал, что без естественного невозможно воспитать действительно мощное умственное развитие.

Материалистические идеи русских революционеров-демократов способствовали развитию многих естественных наук, в частности учения о головном мозге. Основоположник русской физиологии Иван Михайлович Сеченов в знаменитой работе «Рефлексы головного мозга», вышедшей в 1863 году, решительно объявил, что материальной основой психики являются рефлексы. Это была дерзкая мысль, если учесть, что рефлекторный механизм в те годы признавался только для деятельности низших отделов нервной системы: спинного и ствола головного мозга.

Большую роль в формировании научных представлений о материальной основе психической деятельности человека сыграло также открытие И. М. Сеченовым торможения в центральной нервной системе. До этого были известны только раздражительные процессы. Работы И. М. Сеченова явились крупнейшим вкладом русской физиологии в мировую науку. Позже И. П. Павлов их охарактеризовал как «гениальный взмах сеченовской мысли». И. М. Сеченов не занимался внушением. Однако его взгляды способствовали становлению научных представлений о природе этого феномена.

В период дискуссии между сторонниками сальпетриерской и нансийской школ внушение и гипноз в России особенно увлеченно изучали профессор Харьковского университета В. Я. Данилевский (первым исследовавший гипноз у человека и животных) и ученик прославленного психиатра, основоположника московской психиатрической школы профессора С. С. Корсакова, ординатор психиатрической клиники А. А. Токарский. Физиологическую основу внушения и гипноза они усматривали в рефлекторных механизмах и при этом подчеркивали, что структура психорефлексов намного сложнее, чем рефлекторных реакций низших уровней нервной системы.

В 1889 году на Пироговском съезде русских врачей внушение и гипноз явились предметом оживленной дискуссии. Знаменательно, что съезд созван в том же году, в котором в Париже проходил I Международный конгресс по экспериментальному и терапевтическому гипнозу.

Много внимания физиологической природе гипноза уделил В. Я. Данилевский. Гипноз связывался им не только с рефлекторными механизмами, но и с эмоциональным состоянием. Ученый полагал, что гипноз — это эмоциональное, чисто рефлекторное торможение мышления и воли. Гипнотизация человека, утверждал он, сводится к принуждению, сосредоточению внимания и угнетению воли. Свои взгляды В. Я. Данилевский изложил в двух книгах: «Единство гипнотизма у человека и животных», вышедшей в 1891 году, и «Гипнотизм», изданной в 1924 году. В. Я. Данилевский понимал, что наука его времени имеет слишком мало фактических данных для того, чтобы можно было говорить уверенно о физиологии гипноза. Требуется еще много экспериментальных исследований в этой области.

В первые годы XX века в Москве было создано научное общество гипнологов. Возглавил его академик В. М. Бехтерев, ученый неустойчивой энергии, самобытного, неповторимого дарования, энциклопедических знаний. Он сочетал в себе высокую эрудицию психолога, психиатра, психоневролога, невропатолога, нейроморфолога и физиолога. Был не только блестящим клиницистом, но и искусным экспериментатором.

Одновременно В. М. Бехтерев вел значительную общественную работу. Когда в 1925 году в США был затеян знаменитый своим мракобесием «обезьяний процесс», направленный против преподавания в школах эволюционной теории Ч. Дарвина и его учения о происхождении человека, В. М. Бехтерев откликается статьей «Борьба за науку», в которой бичует фанатиков церкви и американских шовинистов.

Быть может, исключительный интерес В. М. Бехтерева к внушению и гипнозу возник не без влияния Шарко, с которым его свела судьба в стенах Сальпетриерской больницы. Французский метр демонстрировал молодому В. М. Бехтереву удивительные явления гипнотизма. Семя падало в плодородную почву. На всю жизнь В. М. Бехтерев сохранил привязанность к внушению и гипнозу, хотя не стал сторонником Шарко. Ему ближе была нансийская школа Бернгейма. Бехтерев впервые вывел практическое применение внушения за пределы медицины, предначертая пути его использования в педагогике. В 1890 году он разработа-

тывает систему самовнушения, которую успешно применял в лечении больных алкоголизмом.

Несколько десятилетий В. М. Бехтерев посвятил глубокому клиническому и экспериментальному изучению внушения. Он заложил фундамент исследования социально-психологического значения внушения. В 1897 году на актовом собрании Военно-медицинской академии ученый выступил с речью «Внушение и его роль в общественной жизни». Впервые было проанализировано значение внушения в межличностных отношениях и в происхождении психических эпидемий.

В докладе, прочитанном на I Всесоюзном съезде невропатологов и психиатров в декабре 1927 года, Бехтерев сообщил о методах и преимуществах коллективного внушения. Через 32 часа после этого выступления В. М. Бехтерева не стало. Крупный немецкий невролог Копш короткой, хотя и шутливой, фразой блестяще охарактеризовал его значение: «Знают прекрасно устройство мозга только двое: Бог и Бехтерев»⁶.

Ученик В. М. Бехтерева, энтузиаст психотерапии профессор К. И. Платонов рассматривал внушение и гипноз с позиций учения И. П. Павлова о высшей нервной деятельности. Написанная им книга «Слово как физиологический и лечебный фактор» стала настольной для всех, кто интересуется внушением и гипнозом. Она выдержала несколько изданий.

Внушение оказалось полезным в различных сферах человеческой деятельности. Большую популярность, например, приобрела аутогенная тренировка. Ее главный элемент — техника самовнушения. Основные принципы самовоздействия предложены в 1932 году немецким психиатром И. Шульцем. Аутотренингом достигаются сдвиги различных физиологических процессов. В эксперименте и клинике они наблюдались советскими учеными А. М. Святошем, М. Н. Валуевой, А. С. Роменом и другими. И все же научную историю постижения внушения мы связали только с медициной, потому что другой истории еще нет.

Отцы церковные не занимались познанием сущности внушения. Они в этом не были заинтересованы. Сущность остается одна, независимо, в какой сфере человеческой деятельности она изучается. Различны только цели, которым служит этот удивительный феномен — добру или злу.

И дня нет без внушения

Большинство форм общения людей представляют собой своеобразные акты внушения.

Г. Лозанов

Герой Мольера был однажды очень удивлен, когда узнал, что всю жизнь говорил прозой. Так и не занимавшийся специально психологией читатель будет удивлен, узнав, что внушение необычайно распространено в нашей повседневной жизни и просто в человеческом общении. Если бы оно было связано только с гипнозом, так полагают многие, его значение оказалось бы весьма ограниченным, прикладным. Ведь внушение как один из механизмов общения играет известную культурную роль, ускоряет овладение духовными ценностями, знаниями и опытом человечества¹.

В. М. Бехтерев пришел к выводу, что «пути для передачи психических состояний с помощью внушения гораздо более многочисленны и разнообразны, нежели пути для передачи мыслей путем убеждения. Вот почему внушение в общем представляет собою более распространенный фактор, нежели убеждение»². Конечно, сказанное верно лишь для межличностного, intersubъективного обмена психическими состояниями, а не всей сферы духовной жизни. В высказывании же выдающегося русского ученого при вполне понятном гипертрофировании предмета, вызванном полемической увлеченностью, схвачено главное — незаметная, не всегда фиксируемая сознанием огромная распространенность внушения в общении между людьми.

Диапазон влияния внушения на человека неограничен — от простых актов коммуникации до явлений социальной значимости. Внушение может участвовать в ощущениях, восприятиях, поведении отдельной личности, больших и малых социальных групп (семья, учебный класс, спортивная команда, рабочая бригада, религиозная община и т. д.). Члены коллектива взаимно суггестивно влияют друг на друга. В процессе такого влияния создается общая целевая психологическая установка, появляется специфический психологический климат, формируется коллективное сознание. Так, супруги перенимают друг у друга особенности по-

ведения, привычки, черты характера, манеру держаться и говорить. Не замечая того, мы заимствуем образ мышления и даже манеры героев произведений литературы, полюбившегося учителя, авторитетного лица, находимся во власти обаяния любимого человека. Часто невольно подражаем понравившимся нам людям, многое незаметно для себя копируем. Мы поддаемся под влияние обычаев, традиций, нравов, настоячивых восхвалений, предвзятых идей, общественного мнения, наставлений родителей, врачей и наставников, патетических речей ораторов, рекламы, броских витрин, слухов и т. п. Даже в период застоя не проходили бесследно для нас императивные обращения пропаганды, если они касались наших интересов.

Из поколения в поколение передаются разнообразные трафаретные, привычные формы поведения. Неписанные поведенческие стереотипы именуются обычаями. Они являются средством стабилизации утвердившихся в данном обществе отношений. Прививаются бессознательно подражанием как нечто само собою разумеющееся: «Раз так действовали наши предки, значит, это хорошо, значит, и мы должны заимствовать устоявшиеся образцы поведения». Обычаи складываются в любой сфере деятельности: трудовой, бытовой и т. д. Существуют и религиозные обычаи, требующие соблюдения бытовых и нравственных норм поведения, предписанных религиозным вероучением.

Обычаи легко прививаются в детском возрасте, когда эмоциональность и предрасположенность к внушению, некритичность восприятия, доверие к родителям особенно велики. В дошкольном возрасте в процессе социализации ребенка они передаются больше внушением, чем убеждением. Благодаря этому ребенок усваивает нормы честных поступков раньше, чем начинает понимать содержание понятия «честность». В религиозных семьях дети начинают совершать, например, крестное знамение, не понимая его значения.

Большое внушающее влияние оказывают на людей слухи. Обычно они распространяются при дефиците информации. Неведение вызывает тревогу, эмоциональное напряжение. Именно это создает необходимые условия для восприятия внушения. Если потребность в информации не удовлетворяется официальными средствами, то люди снимают коллективное напряжение собственными домыслами, которые, передаваясь из уст

в уста, молниеносно распространяются. Чаще они оказываются ложными, искаженными.

В отдаленные от нас времена, например в эпоху средневековья, информация передавалась больше слухами. Монахи-странники, пилигримы, «калики переходящие» и просто бродяги брели по городам и деревням, сообщая, что где случилось, что где появилось. Эффект таких сообщений был велик в силу внушающего воздействия.

Слухи эмоционально переживаются, потому что передаются непосредственным контактом людей и касаются жизненно значимых ситуаций. Для человека, передающего информацию,— это способ самоутверждения, а слушающий получает удовлетворение от приобретенных новостей. Эмоциональная окраска слухов оставляет печать субъективности на содержащейся в них информации, которая интерпретируется субъективно, редактируется, преувеличивается, чрезмерно расцветчивается и чем дальше передается от одного к другому, тем больше искажается (подобно игре в испорченный телефон).

Распространение слухов возможно на стихийной основе, но встречается их целенаправленное продуцирование и распространение. Например, реакционные круги капиталистических стран нарочито распространяют слухи для дезинформации в психологической войне, которую они ведут против стран социалистического содружества и прогрессивных режимов развивающихся государств. Специалисты по идеологической подрывной деятельности особенно охотно прибегают к оружию слухов в ситуациях с запаздывающей или неполной информацией (например, в случае с аварией на Чернобыльской АЭС). Опыт наших пропагандистов по ликвидации последствий такого рода слухов показывает, что их легче предупредить, чем нейтрализовать. Человеку вредна не полнота информации, а ее отсутствие или усеченность. Объективность, полнота и оперативность социально значимой информации — мощное противодействие возникновению и распространению слухов с их внушающими эффектами.

Действие механизма несознательного внушения прослеживается и в подражании, уподоблении. Так, мы поддаемся «эпидемии» увлечений (коллекционирование, мода и т. п.). В основе вспыхивающих увлечений лежит именно внушение. Таковы увлечения аэробикой,

новыми диетами, необычными методами лечения болезней и т. п. Чуть ли не каждый из нас сталкивался с тем, что ему прекрасно помогали новые дефицитные лекарства. И часто их эффективность слабела по мере увеличения доступности. Участие внушения в действии лекарственных препаратов известно было давно. Аптекари по опыту знали, что никакой бальзам, никакое снадобье не покажется больному истинно целебным, если на фарфоровой баночке синими буквами не будут начертаны не всем понятные латинские слова. Даже при назначении распространенных медикаментов их эффективность несет на себе знак внушения. В зависимости от того, как преподносится лекарство, его действие может быть усилено, ослаблено или извращено.

Легко увлекает многих людей всякая новая вымышленная целительная панацея. И в этом случае внушение сказывается на сознании масс. Быть здоровым — естественная потребность человека, особенно сильна она у болеющих. Вспомним массовые увлечения «омолаживающими» содовыми ваннами, «всеисцеляющими» перепелиными яйцами, голоданием, вдыханием валерианы, японскими браслетами. А ныне в моде «всемогушие» экстрасенсы. Однако наследив запущенностью болезней, обострениями хронических заболеваний, невротизацией и психопатизацией больных, модная панацея уходит, уступая место новым увлечениям.

Безотчетно и как бы необъяснимо увлекают человека редко встречающиеся явления природы. Ему хочется быть причастным к новой загадке. Причем своего интереса к такого рода явлениям личность чаще всего объяснить не в состоянии. Интересно — и все тут. А почему интересно, ради чего — над этим индивид, как правило, не задумывается.

«Таинственные» явления, пока еще не получившие научного объяснения, становятся приманкой для любителей сенсаций, авантюры и порождают новые суеверия. Людям нашей планеты вот уже четыре десятилетия кружат голову слухи о «летающих тарелках». Их называют еще НЛО — неопознанные летающие объекты. Кое-кто утверждает, что это — посланцы инопланетных сверхцивилизаций.

Объявилось много очевидцев «летающих тарелок», представлены их фотографии. Однако беспристрастная проверка материалов учеными показала, что в абсолютном большинстве они представляют собой заблуж-

дения или просто авантюру. На самом деле за «тарелки» принимались раскаленные осколки сгоревших летательных аппаратов земного происхождения, оптические или электрические явления природы (например, шаровая молния), аномальные явления в атмосфере (АЯ), иллюзии, галлюцинации, порой массовые, когда желаемое принималось за действительное. Нашлось немало авантюристов, которые разжигали веру в НЛО подделанными фотографиями, выдавали за объективные свидетельства дефекты кино- и фотопленки.

Американский исследователь Ф. Клосс, написавший книгу «Объяснение НЛО», пообещал 10 тысяч долларов каждому, кто представит убедительные доказательства посещения Земли инопланетными летательными аппаратами. Этих денег еще никто не получил.

Массовые галлюцинации с видением «летающих тарелок» напоминают историю со шведским исследователем Арктики Саломоном Августом Андре, который в 1897 году при попытке достичь на воздушном шаре Северного полюса погиб со своими двумя спутниками. Уже после гибели путешественников из разных концов Северного полушария шло бесчисленное множество телеграмм об увиденном шаре. Люди не могли примириться с гибелью отважного экипажа, они хотели его видеть живым и видели во внушенных самой общественной атмосферой галлюцинациях.

Апостолы веры в летающие тарелки даже создали своеобразную мистическую гипотезу — евангельский спаситель человечества Иисус Христос выступает представителем сверхразумной цивилизации. В нашей стране этот миф популяризовался в 60—70-е годы читинским доцентом Зайцевым.

До чего распаляется воображение у земных поклонников инопланетян, показывает случай, описанный англичанином Иоганнесом Бутлером в книге «Феномен НЛО». «В парке на участке одной тщательно огороженной виллы в предместье Лондона каждое утро с первыми лучами солнца появлялись шесть хорошо сложенных девушек и опускались в шезлонги с Библией в руках. Как только солнце скрывалось, они молча одевались и покидали парк. Ночью их места занимали другие девушки, тоже в костюмах Евы и тоже с Библией, которые купались в лучах лунного света. В чем же причина столь странной процедуры? Оказывается, леди Р. пришла к убеждению, что таким

способом можно добиться зачатия от космических существ, нисходящих на Землю в лучах дневного и ночного светил. К сожалению, столь блестяще задуманный эксперимент не удался». Механизм внутригруппового внушения сработал здесь в полную силу.

Когда психологическое ожидание достигает невыносимо высокого напряжения, тогда потребность в удовлетворении жизненно важного интереса кажется ее осуществлением, желаемое действительным, возникают иллюзии или галлюцинации, в которых фантом (призрак) принимается за реальность. Так, путник, изнывающий в пустыне от жажды, видит в каждом неясном очертании почвы воду. Несбывшиеся жизненные мечты, ностальгические воспоминания также могут включить механизм воображения, имеющий силу внушения. А. Черкасов в романе «Хмель» рассказал о мичмане Лопареве, участнике декабрьского восстания 1825 года. Его осудили к двадцати годам каторги и вечному поселению в Сибири. После трехлетнего заключения в Петропавловской крепости осужденного, закованного в цепи и кандалы, по этапу препроводили в Сибирь. В пути следования стражник уснул. Лопарев воспользовался этим и бежал. Оказался он один в знойной голой пустыне. Трое суток скитался, изнывая от жары, голода и жажды. И вдруг в мареве увидел Санкт-Петербург, Сенатскую площадь. «Та самая! И Медный всадник, придавив копытами чугунно-черную гадюку, простирал руку к реке, указывая колоднику на золотой шпиль Петропавловского собора и на крепость, стену которой омывали прохладные воды Невы.

— Боже, боже...— простонал он, привстав на колени...— Я вижу, вижу!.. Неву вижу. Шпиль вижу. Крепость!

Вот она — Нева, северная жемчужина славян, счастье водное. Вот она, совсем рядом. Иди же, колодник, и утоли жажду. Забудь, что ты затерялся в пустынной равнине за Каменным поясом — Уралом. Нева, Нева! Ты слышишь, колодник, как плещутся ее благодатные волны?..

Мираж постепенно отдалялся и таял в жарком полуденном мареве»³. Крушение жизненных надежд, революционных идеалов на фоне физических страданий активизировало продуктивно-внушающую силу воображения.

В эпоху Великих географических открытий мореходы в рискованном и длительном плавании в безбрежных просторах океана терпели многочисленные бедствия (недостаток пищи, воды, капризы водной стихии, психологическая несовместимость членов команды, ностальгия по родине и др.). Люди не переставали мечтать о земле и нередко видели ее отчетливо в своих галлюцинациях, которые нередко становились массовыми.

Каравеллы Христофора Колумба в 1492 году в поисках западных морских путей из Испании в Индию около двух месяцев плыли в никому еще неизвестной стихии Атлантического океана. Матросы истосковались по земле. В страхе перед неизвестностью они впали в апатию. И тут капитан одной из каравелл громко закричал с мостика: «Земля, земля!» Он показывал на юго-запад, где на горизонте виднелась темная черта. Началась общая радость. Колумб упал на колени. Команды судов затянули хвалебную молитву. Плыли всю ночь, а на утро, когда встало солнце, видение земли испарилось вместе с предрассветным туманом. Перед глазами отчаявшихся людей простиралась та же бескрайняя водная равнина. Индивидуальная галлюцинация через механизм внушения благодаря обостренной психологической установке на достижение долгожданной суши породила даже массовую галлюцинацию.

Известны порожденные механизмом самовнушения вполне добросовестные (хотя и ошибочные) свидетельства некоторых мемуаристов; описывающих свои несуществовавшие встречи с известными историческими деятелями, случаи, когда те советовались с очевидцами перед принятием исторических решений и т. п. В их основе лежит превращение продуктов индивидуального воображения в отчетливо осознаваемое личностное убеждение. Чувствовать маленький человек начинает очень рано, еще до появления у него способности понимать. Не случайно ребенок живет в мире эмоций, неразвитость его сознания располагает к внушению, значение которого в жизни детей огромно. Без внушения невозможно создание игровой обстановки. Воображением насыщены игры и фантазии ребенка. Дети постигают реальность через вымысел. Фантазируя, играя, они открывают для себя реальный мир, укрепляют волю, раздвигают границы

воображения, приобретают навыки, необходимые в будущем. Игра — своего рода спектакль для самовыражения ребенка. В ролевой ситуации малыш перевоплощается. Создаваемые им образы достигают вещной убедительности.

К. И. Чуковский в книге «От двух до пяти» рассказал о ребенке, который любил сочинять сказки. «То выдумает, что к нему в комнату приходил с визитом красный слон, то будто у него есть подруга — медведица Кора, и, пожалуйста, не садитесь на стул рядом с ним, потому что — разве не видите — на этом стуле медведица»⁴. Дети чувственно реально воспринимают мир, который сами сочиняют. Поэтому к воображаемому относятся как к реальному.

Народный артист РСФСР И. Соловьев описал такой эпизод из своего детства: «Помню, как в Аткарске на елке брат Петр выворачивал тулуп, садился под елку, загребал «лапами», клал на них голову в большой бараньей шапке и спал. Он был медведь. А мы, ребята трех-четырёх лет, подбирались и чем-нибудь кидали в него; он с рыком вскидывался на нас, а мы бросались наутек. Великолепно помню ужас, который меня охватывал. Я знал, что это Петя, и всячески уговаривал себя в том, что это Петя, и все-таки всякий раз приходил в ужас. Я знал, что это брат, а чувствовал, что это медведь»⁵.

Степени реального восприятия воображение порою достигает у художников. Английский художник Джошуа Рейндольс писал портреты, глядя на пустой стул. Если кто-нибудь загоразживал стул, художник просил отойти, так как ему «не видно» натурщика.

У талантливых писателей внушение проявляется в их отношении к героям своих произведений. Сопереживание, вчувствование в духовный мир персонажей иногда так велики, что автор сливается с вымышленной личностью и живет ее чувствами, ее духовным миром.

Известный французский писатель Жорж Сименон в интервью для «Литературной газеты» сказал о себе: «Я жил «в шкуре» своих персонажей... Я все чувствовал так же, как мой персонаж: если он болел, мне тоже было плохо, если он сутулился или хромотал, я копировал его походку... Плакал я... над судьбами, придуманными мною. Я переживал много жизней, полных страданий, загубленных, неудавшихся»⁶.

Бывает соучастие, сопереживание своим героям у выдающихся мастеров пера так велики, до того эмоционально ярки, что сопровождаются телесными изменениями. М. Ф. Андреева, жена А. М. Горького, вспоминала, что когда Алексей Максимович, работая на Капри над повестью «Городок Окуров», описывал эпизод, в котором муж в припадке ревности убивает свою жену, она вдруг услышала, как писатель вскрикнул и упал на пол. Она вбежала в кабинет. «На полу около письменного стола во весь рост лежит на спине, раскинув руки, Алексей Максимович. Кинулась к нему — не дышит! Приложила ухо к груди — не бьется сердце! Что делать? Расстегнула рубашку, чтобы компресс на сердце положить, и вижу: с правой стороны от соска вниз тянется у него на груди розовая узенькая полоска... Полоска становится все ярче и багровее...

— Больно как! — шепчет.

— Да ты посмотри, что у тебя на груди-то.

— Фу, черт... Ты понимаешь, как это больно, когда хлебным ножом крепко в печень!..

Несколько дней продолжалось у него это пятно. Потом побледнело и совсем исчезло. С какой силой надо было пережить описываемое?»⁷. Такова сила рожденного воображением талантливого художника внушения.

На сопереживание рассчитывает и художник в надежде, что его творение не будет равнодушно принято. Художник через литературу и другие виды искусства протягивает невидимые нити к психоэмоциональному состоянию человека. И опять-таки это возможно потому, что произведение искусства воплощает в себе воображение, чувства, восприятия и переживания художника. Все это в совокупности обретает могучую силу внушающего воздействия на душевное состояние зрителя, слушателя или читателя. Лев Николаевич Толстой назначение литературы и искусства видел в «заражении чувств других людей». А это и есть внушение через «заражение чувств».

Мастерство и воображение художника, писателя, композитора, исполнителя соединяются с воображением зрителя, слушателя, читателя. Николай Любимов, переводчик белорусского писателя Василя Быкова, пишет об авторе: «Он поражает меня своим необыкновенным, почти толстовским реалистическим показом

войны в повседневном, будничном героизме наших солдат и офицеров. Его «Сотникова» я читал и плакал, как плакал над книгами только в детстве»⁸.

Всмотримся в картину И. Репина «Иван Грозный и сын его Иван». Лицо царя исполнено ужаса от содеянного в состоянии аффекта (бурная кратковременная эмоция). Глаза широко раскрыты и выпучены, черты лица заострены и выражают душевную боль (все же сын). Поза сына выражает протрацию. Эмоциональный тон трагедии передан до того выразительно, что не оставляет равнодушным зрителя.

Надо ли удивляться теперь участию самовнушения в сценическом искусстве. Оно вводит актера в роль, перевоплощает его в персонаж, прививает ему чужую жизнь, чужие поступки, помыслы, волнения, темперамент. Внушающая сила воображения стала одним из оснований знаменитой системы Станиславского. В соответствии с ней перевоплотиться в персонаж — значит сделать все поступки, помыслы, волнения, темперамент изображаемого лица своими.

Прославленная народная артистка СССР Верико Анджапаридзе преображалась в роли Маргариты Готье в «Даме с камелиями» А. Дюма. Как-то психолог профессор Р. Г. Натадзе попросил актрису написать письмо Арману (персонажу той же пьесы) от имени Маргариты Готье. Анджапаридзе мгновенно изменилась, глаза налились слезами, лицо побледнело, стало взволнованным. Крайняя взволнованность потерявшей равновесие женщины чувствовалась и в письме⁹.

«Не могу описать, что происходит, когда открывается занавес, как ребенок, забываешься и вдруг уходит все, что реально существует... На сцене ты начинаешь жить совершенно иной жизнью. Иллюзия становится реальностью»¹⁰, — рассказывает о себе народная артистка СССР И. Чурикова.

Даже телесные функции актера приходят в соответствие с эмоциональным состоянием персонажа. Характерно свидетельство В. Анджапаридзе. «Когда я умирала в «Даме с камелиями», — пишет она, — у меня слушали пульс перед тем как дать занавес. Если он был слабый, я радовалась, сегодня хорошо сыграю... На сцене я не чувствую себя как на сцене. Я совершенно забываю о зрительном зале. Просто я живу как-то иначе...

Может быть, так сказывается опыт прожитой жизни на сцене и не на сцене? Нет. Здесь что-то более серьезное, что я пока объяснить не могу... Но кажется, первый раз в жизни мне хочется понять, что со мной происходит...»¹¹.

Такого рода самовнушение происходит потому, что продукт эмоционально насыщенного воображения переживается как реальность. Вот и воспринимается оно как сама реальность, приводя в соответствие помыслы, чувства и телесные функции исполнителя.

Участникам театрального действия необходимо участие зрителей. Театр возникает в контакте со зрителем. При лучших спектаклях в результате взаимного внушения актеров и зрителей происходит истинное волшебство: рушится барьер между зрительным залом и сценой, все происходящее на подмостках воспринимается зрителями как отзвук собственных мыслей, чувств и стремлений. Чувства зрителя не одиноки. Если их разделяет весь зал, они становятся более интенсивными. Тут действует психологическое заражение. Под его воздействием хорошая игра актера внушением «заражает» зрителей, и мы искренне беспредельно верим в ту вымышленную жизнь, которая показывается нам. Мы испытываем сопричастность и, словно замороженные, следим за спектаклем. Занавес опускается, а мы еще долго находимся во власти могучего очарования.

Глядя на игру народного артиста СССР Е. Лебедева в «Холстомере» (по повести Л. Н. Толстого), забываешь, что на сцене актер. Все внимание приковано к прекрасному грустному животному — лошади. Воистину театр — это волшебство!

Искусство рассчитывает на сопереживание, сострадание зрителя (слушателя). Подобные чувства присущи лишь человеку, способному эмоционально ярко представить себе душевное состояние ближнего. Когда мы смотрим спектакль или кинофильм, судьбы героев нас волнуют потому, что мы, зрители, заражаемся их мыслями и чувствами. Актеры и зрители настраиваются на одну волну. Весело персонажу — весело и зрителю, плачет персонаж — плачет зритель. И это волшебство распространяется не только в направлении сцены — зрительный зал, но и как бумеранг возвращается обратно, повышая тем самым эмоциональный заряд актеров. Каждому известно, что артист с большим

подъемом играет, если чувствует созвучие в зрительном зале, когда есть контакт со зрителем.

Если сопереживание позволяет зрителю хотя бы на короткое время забыть, что он участвует не в настоящей, а в изображаемой жизни, то это происходит опять-таки благодаря непроизвольному внушению. Ведь сопереживание — это воображение с очень высоким эмоциональным накалом и яркой суггестивной направленностью.

Предельно эмоциональное сопереживание передано в современной американской былине о ковбое, который на спектакле «Отелло» выпустил в интригана Яго целую обойму пуль из своего «кольта», за что был казнен. Похоронили актера и зрителя в одной могиле. На памятнике высекали слова: «Лучшему актеру и лучшему зрителю».

Играют не только дети и актеры. Игра в повседневной жизни — характерная особенность человека. Человек не только персона, но и персонаж. Ролевое поведение есть форма приспособления к социальной среде. Рассказывая какую-нибудь историю, мы невольно перевоплощаемся в тех, о ком идет речь, — используем несвойственные нам жесты, манеру говорить, характерные выражения. Мы становимся персонажами.

Рассказывая о ребенке, мы невольно перевоплощаемся, копируем его повадки, речь, мимику. Все направлено на то, чтобы и собеседник «увидел» такого ребенка. Это пример бытовой ситуативной игры.

О насыщенности социальной жизни обилием социальных ролей, создаваемых нами игровых ситуаций, переживании жизни как игры свидетельствует поэт В. Перфенов:

Жизнь —
 это пьеса.
Сцена —
 целый мир.
И каждый сам
Актер,
И зритель,
И Шекспир.

В ходе социализации человек, осваивая требуемые от него обществом социальные роли, с молодых лет надевает то одну, то другую маску, и сбрасывает ее чаще всего, только оставшись наедине с собой. Тогда он и действует, и выглядит не так, как на людях.

А. М. Горький случайно подсмотрел, как вели себя А. П. Чехов и Л. Н. Толстой наедине с собой.

«...А. Чехов, сидя в саду у себя, ловил шляпой солнечный луч и пытался — совершенно безуспешно — надеть его на голову вместе со шляпой. И я видел, что неудача раздражает ловца солнечных лучей...

Л. Н. Толстой тихонько спрашивал ящерицу:

— Хорошо тебе, а?

Она грелась на камне в кустах...

— А мне — нехорошо» ¹².

Возможно, именно поэтому у человека имеется потребность к периодическому уединению, он устает от игры, от оценок и наблюдений за другими. Как важно побыть с самим собой, определить самого себя, переработать ранее полученную информацию и продумать программу последующей деятельности.

Уединение необходимо сочетать с общением. Без общения человеку тоже трудно. Люди, которые длительное время проводили в одиночестве, в условиях социальной депривации (изоляции) — заключенные в одиночную камеру, «робинзоны», спасшиеся при кораблекрушении, добровольцы, пустившиеся в длительное одиночное плавание, исследователи-спелеологи, изолировавшиеся в пещерах — не имея реального собеседника, внушали его себе. А. Бомбар, пересекая в одиночку Атлантический океан, нуждался в человеке, с которым можно было бы поговорить. Он был ему необходим. Бомбар нашел выход в персонификации (очеловечивании) куклы. «Маленькая куколка, которую подарили мне друзья.., — писал он, — превратилась для меня почти в живое существо. Я смотрю на нее и уже заговариваю с ней. Сначала односложно, а потом во весь голос, рассказываю ей обо всем, что собираюсь делать. Ответа я не жду, пока еще это монолог. Ответить она начнет позднее» ¹³.

В этом случае самовнушение направлено на обретение психологической компенсации. Одиноким религиозные люди удовлетворяют потребность в общении, обращаясь с молитвой к богу. Это не значит, что они не общаются с другими людьми, но бог для них — высшее существо, перед которым они не лгут, не кривят душой, а вполне откровенны.

Человек нуждается в разумном сочетании общения и одиночества. Соотношения между тем и другим индивидуальны.

Изучение истории религии показывает, что религиозные обряды, особенно с большим числом участников, обладают немалым внушающим воздействием на верующего человека, особенно глубоко влияющим на детей. Воспроизводящаяся сегодня религиозность в немалой степени обязана произвольному внушению.

Нам уже известна необычайно высокая внушаемость детей. Так вот, для детей взрослые, и прежде всего родители, всегда кажутся умными, авторитетными. Ребенок доверяет взрослым. Поэтому внушающее действие на них старших, особенно родителей, очень велико. Если внушаются, даже произвольно, религиозные ориентиры, они закрепляются надолго. Люди склоняются в религиозную веру легче и чаще в детском возрасте. Подавляющее большинство молодых верующих сегодня — не обращенные в религиозную веру неверующие, а воспитанники религиозных семей, в повседневной жизни которых огромную роль играют произвольное и целенаправленное внушение, подражание и конформность.

Высокая эмоциональность детей обуславливает их невероятно большую внушаемость. Имея в виду детскую эмоциональность, В. М. Бехтерев писал: «Наше воспитание вообще основывается в значительной мере на внушении и вызывании подражания как неизбежных способов воздействия родителей и вообще старших лиц на детей и подростков»¹⁴.

Наряду с опорой на подражание в детском воспитании активно используется вербальное воздействие воспитателя. Оно помимо информационного имеет немалое внушающее воздействие. Этот эффект слова, обращенного к ребенку, во многом определяет качества будущей личности. Например, одна из моих пациенток, женщина 32 лет, боялась темноты, не решалась оставаться одна в квартире. И все потому, что в детстве бабушка ежедневно пугала ее домовыми, которые в темноте якобы подбирают непослушных детей.

Подражательные и суггестивные механизмы в полной мере используются (пусть даже и неосознанно) в религиозном воспитании детей в семьях фанатичных и убежденных верующих. Например, в старообрядческих семьях и сегодня ребят приучают к культовым действиям, внушают «страх божий» с первых дней сознательной жизни. Как только младенец начинает совершать первые движения, рукой матери его пальчики

складываются в двуперстие для выполнения древнего крестного знамения. Ребенок чуть подрос, а его уже «ставят» перед иконами и выполняют его ручонкой крестное знамение. Как только он начинает произносить «мама», его учат словам «бог», «душа», «грех», «ад» и т. п. Изю дня в день ему внушают, что он грешник, что денно и нощно должен молиться, чтобы избежать «вечного кипения в смоле на том свете». Когда ребенок начинает осмысливать окружающий мир, задает бесконечные «почему?», ему рассказывают религиозные мифы, сказания о страданиях за веру, толкуют, что «можно» и что «нельзя» с точки зрения религии¹⁵. То же самое с учетом конфессиональной специфики наблюдается и в других религиозных семьях.

Особая податливость детей к внушению обусловлена тем, что ребенок еще не готов к осмыслению своего поведения. Он может ориентироваться в сложном социальном мире, лишь подражая взрослым, и прежде всего родителям. Если образом жизни старших диктуется приверженность религиозному культу, то подсознательно воспринимаемые ребенком образцы богоугодного поведения становятся привычными, естественными, сами собой разумеющимися, автоматическими, неосознанными регуляторами поступков. Поэтому очень важно, кто и во имя чего использует внушение: во имя высоких, истинно гуманистических целей или во имя групповых или индивидуально-эгоистических интересов.

Историками религии, этнографами уже многие десятилетия фиксируется впечатляющая сила внушения, проявляющаяся в институте табу, нарушение которого приводило его адептов не к мнимой, а к вполне реальной болезни и смерти. Сила внушения в этом случае обращена явно во вред человеку. Между тем возможности внушения все чаще используются во имя блага человека. В последние десятилетия к внушению проявляют интерес в различных сферах деятельности человека: в педагогике, спорте, физическом и умственном труде. Широкие возможности внушения в управлении психоэмоциональным и физическим состоянием привлекли внимание к нему в отраслях, которые нуждаются в высокой творческой активности, в надежности действий человека.

Необходимость в этом остро ощущается всеми нами, поскольку наши дни знаменуются повышенными

скоростями, дефицитом времени, большим потоком информации, расширяющимся кругом трудовой деятельности в экстремальных условиях. Внушение теперь все шире используется как способ достижения гармонии в системе «человек — объект его деятельности».

В последние десятилетия внушение начали применять в авиации и космонавтике, профессиональном обучении, в экстремальных условиях работы и т. д. Этому способствовали ученые И. Вельвовский, В. Рожнов, А. Филатов, Г. Лозанов и другие.

Западными учеными внушение рассматривается главным образом в плане психоаналитическом, за основу взяты концепции пансексуализма, всеобщей врожденной агрессивности, предложенные З. Фрейдом.

В наше время проблема внушения развивается больше вширь, чем вглубь. Для более глубокого знания психофизиологической сущности внушения нужна новая «сумасшедшая идея». Она еще не стучится в дверь. Ее время не пришло. Сведений о глубинных механизмах работы головного мозга накоплено пока недостаточно. Надо продолжить поиски связей психической и физиологической сторон деятельности головного мозга.

Мы рассмотрели некоторые стороны психической и эмоциональной жизни человека, в организации которых участвует внушение. Охватить все проявления этого феномена невозможно, ибо они столь же многообразны, как и жизнь каждого из нас. Конечно, не нужно представлять себе, что люди только тем и занимаются, что внушают. У людей масса других занятий и форм деятельности. Для понимания сущности внушения и его особенностей мы рассмотрели основные сферы его проявления. Те же механизмы внушения — и в функционировании религиозной веры. Проявления внушения в религиозном сознании не есть нечто специфическое по своему психофизиологическому механизму. Оно отличается только фантастическим содержанием и иллюзорной направленностью.

Своими руками глаза не закрой

Товарищ,
 подымись!
Чего перед богом сник.
В свободном
 нынешнем
 ученом веке
Не от попов и знахарей —
 из школ,
 из книг
Узнай о мире
 и о человеке.

В. Маяковский

Личностную религиозную веру, случаи религиозного обращения богословы объясняют как призыв свыше, как дар божий, как результат промысла. Религиозность объясняется ими как ответ личности на трансцендентный призыв, как нечто таинственно-мистическое, совершенно непознаваемое. Социальные факторы воспроизводства религиозных верований богословами совершенно не учитываются. Вне сферы их внимания остаются и социально-психологические аспекты религиозности. Марксистско-ленинский атеизм четко и убедительно раскрыл социальную природу религии, осветил роль психологических механизмов функционирования религиозности. Анализ современной религиозности показывает, что формирование и воспроизводство религиозных верований, чувств, представлений, взглядов и понятий происходят под давлением внушения, как целенаправленного, так и неосознанного. Оно является неотъемлемой составной частью религиозной психологии. В структуру последней входят все элементы, на которые опирается внушение: эмоционально выраженное воображение, психологическая установка и конформность. Внушение оказывает влияние также на религиозные эмоции и чувства, усиливая их.

Восприятие окружающего мира и самого себя, отношение к фантастическим образам религии, живущим в воображении верующего, подчинены религиозным чувствам. Ими охвачено переживание любви, ненависти, гнева, восхищения и др. «...Чувства в сфере религии

играют важнейшую, первостепенную роль»¹, — пишет Д. М. Угринович.

А что есть чувства вообще? Чувства — это отчетливо выраженные устойчивые эмоциональные переживания, в которых проявляется отношение к конкретному или обобщенному объекту (чувство любви или ненависти, эстетическое чувство, чувство коллективизма, чувство долга и др.). Религиозные чувства имеют ту же природу, отличает их только направленность на религиозный объект, и связаны они с религиозными представлениями, понятиями, образами и т. п.

Само зарождение религии на заре человеческой истории было связано с одним из самых сильных чувств — со страхом, располагающим к внушению. Наряду с естественными явлениями, порождающими страх, религия антагонистических классовых обществ создала множество иллюзорных представлений, питающих в свою очередь чувство страха: греховность человечества, муки, ожидающие грешников в аду, страшный суд, конец мира и т. п. Справедливо сказал Д. Дидро: «Отнимите у христианина страх перед адом, и вы отнимете у него веру»².

Однако не всякий страх побуждает к психологической установке, выражающей готовность к восприятию религиозной веры, а только страх перманентный, устойчивый. Случайная опасность не прокладывает путь к религии.

В капиталистическом обществе страх порождается социальными условиями жизни трудящихся масс, неуверенностью в завтрашнем дне, обусловленными стихийностью неуправляемого капиталистического рынка. В. И. Ленин писал: «Страх создал богов». Страх перед слепой силой капитала, которая слепа, ибо не может быть предусмотрена массами народа, которая на каждом шагу жизни пролетария и мелкого хозяйчика грозит принести ему и приносит «внезапное», «неожиданное», «случайное» разорение, гибель, превращение в нищего, в паупера, в проститутку, голодную смерть, — вот тот *корень* современной религии, который прежде всего и больше всего должен иметь в виду материалист...»³.

Однако было бы преувеличением сказать, что страх неведом людям, живущим в социалистическом обществе. Что же питает страх в обществе, свободном от эксплуатации и угнетения, неуверенности в завтрашнем

дне? По нашему мнению, это прежде всего житейские ситуации, связанные с грозными проявлениями природных стихий, еще не подвластных человеку, угроза термоядерной войны, катастрофы и аварии в промышленности и на транспорте, страх перед ухудшающимися экологическими условиями существования (озоновая дыра, растущее загрязнение гербицидами и промышленными отходами), незащищенность некоторых людей перед социально опасными действиями отдельных индивидов, связанными с правонарушениями и т. п.

Вспомним роман А. Рыбакова «Дети Арбата» и вникнем в душевное состояние Софьи Александровны, переживающей арест оклеветанного сына в тридцатые годы. «Окоченевшая, угнетенная сознанием своего бессилия, она возвращалась домой, в пустую комнату, и там, одинокая и страдающая, возносила молитвы богу, которого давно покинула, а сейчас молила, чтобы дух добра и милосердия, вездесущий и всепрощающий, смягчил сердца тех, кто будет решать Сашину судьбу». Героиня романа обратилась к иллюзии, потому что в реальной жизни никто в то время ей помочь не мог.

Общее для всех этих явлений то, что они не связаны с природой социалистического общества, не происходят из сущности социализма, являются как бы внешними по отношению к нему. Поэтому справедливы слова Д. М. Угриновича, что «психологические корни религии в социалистическом обществе сохраняются главным образом на индивидуально-психологическом уровне...»⁴. Они связаны не с социалистическими общественными отношениями, а с дисгармонизацией условий индивидуально-личностного существования.

Наряду с этим в религиозной среде чувство страха культивируется искусственно. Нередко страх возникает из богобоязненного воспитания в семье, когда с раннего детства ребенку внушается страх перед всевышним. «Не гневи бога — он покарает тебя», — твердят ему религиозные родственники. Покорность и страх, стремление к продолжению семейных религиозных традиций входят в психологию формирующегося человека. Во взрослой жизни он продолжает соблюдать усвоенные в детстве стереотипы протекания чувственных процессов. Чтобы «не прогневить бога», верующий станет соблюдать предписания, каноны, заповеди, которые предлагает религия.

Источником религиозности некоторых лиц становится страх перед смертью. И как бы глубоко ни осознавал человек неизбежность смерти, внутри него она всегда останется большой страшной тайной. Так и приznалась одна баптистка: «Я стала верить в бога из-за страха перед смертью. Я боюсь смерти, мне хочется вечно жить, а это можно достичь только верой в бога»⁵.

Что и говорить, мечта о бессмертии привлекательна. Церковь обещает человеку загробную жизнь, но поучает: пока живешь на земле, надо смиренно терпеть и каяться, выпрашивать у бога лучшую долю в жизни загробной, в которой обещаны веселье, слава, блаженство и ликование. Все земное объявляется «суе-той сует».

В романе польского писателя Генрика Сенкевича «Камо грядеши» христианка Лигия противопоставляет отношение к смерти ранних христиан и язычников... «Для нас нет разлуки, нет болезней и страданий, а коль приходят они, то превращаются в радость. И сама смерть, для вас (язычников. — М. Л.) — конец жизни, для нас лишь начало ее и замена меньшего счастья на более полное, счастья тревожного на счастье безмятежное и веское»⁶.

Представим себе, что с Лигией ведет дискуссию о бессмертии А. С. Пушкин. Вот что поэт ответил бы ей:

Когда бы верил я, что некогда душа,
От тленья убежав, уносит мысли вечны,
И память и любовь в пучины бесконечны;
Клянусь! давно бы я оставил этот мир;
Я сокрушил бы сей уродливый кумир
И улетел в страну свободы, наслаждений,
В страну, где смерти нет, где нет предрассуждений,
Где мысль одна плывет в небесной чистоте...
Но тщетно предаюсь обманчивой мечте;
Мой ум упорствует, надежду презирает...
Ничтожество меня за гробом ожидает⁷.

Да, действительно, неземная жизнь — лишь «обманчивая мечта». Вряд ли можно сказать лучше.

В наш цивилизованный век в зарубежных странах, особенно в США, некоторые врачи пытаются обосновать существование потустороннего мира. Они собирают исповеди людей, переживших клиническую смерть. Так именуется терминальное состояние, при котором

отсутствуют видимые признаки жизни (сердечная деятельность, дыхание); угасают функции центральной нервной системы, но сохраняются обменные процессы в тканях. Клиническая смерть длится несколько минут и сменяется биологической смертью, при которой восстановление жизненных функций невозможно.

Люди, возвращенные к жизни после клинической смерти, рассказывают о своих видениях, как якобы «душа отделилась от тела, а потом на глазах у них возникло какое-то доброе существо» (верящие в потустороннюю жизнь в этом существе видят бога).

В нашумевшей книге «Жизнь после жизни» американец Р. Моуди сообщает, что его пациенты, возвратившись к жизни, оказались способными описать приключившееся с ними после остановки сердца. Моуди ставит вопрос: не означает ли это, что душа, отделившись от тела, по-прежнему мыслит, чувствует, воспринимает?

Однако хаотическая деятельность умирающего мозга не может быть свидетельством реальности загробной жизни. Страдающий от асфиксии (недостатка кислорода) мозг продуцирует самые невероятные, буйные фантастические картины, иллюзии и галлюцинации, видения постепенно «сворачивающиеся» и затухающие. Потому умирающему что-то мерещится. Важно понять, как ставятся вопросы. Они могут быть поставлены так, что содержат в себе ответ, необходимый вопрошаемому.

Слабые духом склоняются к религии в критической ситуации, из которой сами не находят выхода. Это может быть трудно излечимая болезнь, утрата близких, неразделенная любовь, переживание несправедливости, внезапное крушение надежд, устремлений или другие обстоятельства, перед которыми человек остается незащищенным. В религии порою ищут смысл жизни, если дисгармония условий существования препятствует осуществлению идеалов личности.

Определенную часть верующих составляют лица мало инициативные, неуверенные в себе, мнительные, склонные к самокопанию. Они нуждаются в защитниках, покровителях, наставниках. В лоне религии люди подобного склада чувствуют себя уютно. И. П. Павлов относил таких людей к слабому типу.

Анализируя причины воспроизводства религиозности, убеждаешься в глубине мысли, высказанной

К. Марксом: «Религия есть самосознание и самочувствование человека, который или еще не обрел себя, или уже снова себя потерял»⁸. Отчаявшийся человек в религии находит утешение, на какое-то время восстанавливает душевное равновесие. Но благополучие это эфемерно, оно не решает возникших проблем, не выводит его из объективных и субъективных трудностей, ослабляет волю, обрекает на пассивность.

Однако среди чувств, подпитывающих религиозность, находятся и те, которые положительно эмоционально окрашены. В религиозной среде и вере верующий может обретать чувства надежды, ожидания, просветления, удовлетворения, в ходе культовых действий он может испытывать ощущение разрядки, облегчения. Иными словами, любые сильные чувства, имеющие сверхъестественную окраску, могут питать индивидуальную религиозность в условиях дисгармонизации бытия.

Наряду с фантазией сильные, устойчивые чувства составляют предпосылку успешного действия внушения. Одним из средств, располагающих к внушению, является культовое искусство. Его эмоционально-психологическое воздействие огромно. Оно потрясает воображение, касается самых сокровенных человеческих желаний и порывов, прокладывает кратчайший путь от человека к человеку, своим эмоциональным воздействием располагает к внушению, грезам, отречению от земного.

В силу этого стараниями многих поколений церковников творениям искусства широко распахнуты врата всех храмов. Наглядно-образное представление религиозных сюжетов направляет настроения и помыслы людей к возвышенной неземной жизни. Изобразительными средствами усиливается и корректируется религиозность прихожанина.

Различные религии по-разному подходили к использованию искусства в своем культе. Иудаизм и ислам не приемлют изображения божества, дескать, нельзя передать духовную, возвышенную сущность бога земными средствами, запрещают изображать человека как особое творение бога. Обе религии разрешили переступить порог религиозного храма лишь орнаменталистике, пению, музыке, ювелирному и каллиграфическому искусствам.

Раннее христианство тоже противилось искусству, избегало почитания икон, усматривало в этом языческое идолопоклонство. Борьба иконоборцев (противников икон) с иконопочитателями (защитниками икон) достигла наивысшего накала в VIII—IX вв. в Византии. Победу одержали иконопочитатели. Они стояли за использование творений искусства для подогревания религиозных чувств. Настенная роспись призвана была донести божественные «истины» до безграмотной паствы. Икону рассматривали как окно в «мир горний».

Произведения искусства допускались в церковь при условии соблюдения жестких ограничительных канонов. Искусству предназначено направлять ум и чувства молящихся в сторону сверхъестественного, склонять к смирению, покорности, всепрощению, погружать в мир несбыточных идей и грез, побуждать к аскетическим идеалам, низводить к «греховности» естественные чувства, возносить помыслы и чувства к богу. Именно на это направляются все виды искусства, которые использует и современная церковь. Зодчество, скульптура, живопись, музыка и песнопения — неотъемлемая часть христианского богослужения.

Чем ярче выражена образность, непосредственность, тем надежнее путь к чувствам, а через них — к внушению. «Церковь прекрасно понимает,— писал А. В. Луначарский,— что искусство дает ей возможность вовлекать людей в ее заманчивые сети, создавая пышную, привлекательную и сладостную обстановку, которая заставляет приходить в церковь уже только потому, что здесь получают эстетическое наслаждение».

Самые знаменитые зодчие и художники привлекались для возведения и росписи божьих храмов. Прославленные композиторы писали церковную музыку. Устремленная в небо архитектура церковных храмов, внутреннее убранство, фрески на библейские сюжеты, иконостасы с ликами святых, музыка, песнопения, полумрак, мерцание свечей, модуляции голоса и театральные движения служителей создают обстановку таинства, покоя и религиозного благоговения, стремления к мечтательности и грезам. Все это ограничивает критическое мышление и располагает к внушению — к безоговорочному принятию проповеди священника.

И все же преодолеть противоречивость религии и культового искусства отцам церкви не удалось. Искусство и религия обращены к человеку, к его эмоциям, чувствам, воображению. В художественном же творчестве воображение (фантазия) помогает понять реальный мир, произведения не выдаются за нечто другое, чем они есть. Даже облаченное в фантастическую форму, подлинное искусство несет в себе земное начало, элементы жизненной правды. Искусство гуманно по своей природе, поскольку предназначено для человека. Религиозная же фантазия уводит человека в мир призрачный, иллюзорный, утверждает могущество вымышленного бога.

В творениях великих мастеров через богословские схемы прорывается реальная жизнь. Произведения большого искусства выражают присущие народу свободомыслие и жизнеутверждающий пафос. Все произведения, дошедшие до нас, объединяет два начала: библейские легенды или вымысел о житии святых и образное отображение земного бытия. На этом перекрестке религия и искусство встречались и сталкивались в противоборстве.

Всмотримся в церковную роспись великих мастеров Джотто ди Бондоне, Сандро Боттичелли, Леонардо да Винчи, Рафаэля, а также многих других. Реальную жизнь воплотили они в мистические сюжеты. И не удивительно, ведь передать сверхчувственный мир нельзя, можно только лучше или хуже изобразить земную жизнь. Но это уже зависит от одаренности художника.

Когда великий флорентинец Джотто ди Бондоне изображал святых, ему позировали простые люди: пастухи, ремесленники, послушники монастырей. В росписи верхней церкви Сан-Франческо в Ассизи Джотто прорывает с условной церковной символикой. Он пишет кистью поэтическую повесть о молодом Франциске — «апостоле нищеты», призывая к братству и единению. Призыв, конечно, был нереальным, никакого единения между нищими и имущими быть не может. Особое внимание прихожан привлекал эпизод «Отречение от богатства». Художник изобразил драматическое событие, разыгравшееся на городской площади. Богатый отец призвал своего сына Джованни и в присутствии городских властей и епископа потребовал дать ему от-

чет о деньгах, которыми он без разрешения одаривал бедных и больных. В ответ юноша снял одежду, положил ее перед разгневанным отцом и сказал: «До этого дня, Пьетро Бернадоне, я называл тебя отцом, теперь же я принадлежу отцу небесному». Растроганный епископ прикрыл его наготу своей мантией. Горожане исполнились сострадания к сыну. Кто-то удержал руку отца от резкого жеста, которым он, быть может, хотел проклясть непокорного. Двое мальчишек с подолами, полными камней, застыли в нерешительности, хотя один из них уже держал в руке камень, но бросить его в ослушника не решался.

Церковники упрекали Джотто за эту бытовую деталь. Джотто отказался что-либо изменить.

— Поймите,— говорил он,— ведь в церковь придут простые жители Ассизи. Подобное событие могло бы произойти и в наши дни. Я думаю, что такие же мальчишки теперь приадумаются, прежде чем бросить камень в какого-нибудь нищего или собаку.

Пусть теперь сам читатель решит, какое начало оказывает большее внушающее действие — земное или неземное!

К реалистическому началу искусства Древней Руси устремлялась живопись Феофана Грека, Даниила Черного, Дионисия, Симона Ушакова и др. Но с наибольшей смелостью земное бытие высвечивает в иконах и фресках инока Андронникова монастыря Андрея Рублева. Потустороннему, иллюзорному великий мастер уделял то же внимание, что и истинно человеческому, мыслящему, которое, переступив столетия, продолжает жить, действовать, вдохновлять и возвышать человека.

Особую власть над человеком имеет музыка. Никакой другой вид искусства не касается таких глубинных чувств, какие пробуждаются музыкой. В церкви она призвана воспевать бога и побуждать к размышлениям, далеким от земной жизни. В журнале евангельских христиан-баптистов «Братский вестник» говорится: «Музыка... имеет силу утешать скорбящие души, возвышать и очищать наши сердца. Но горе нам, если мы подпадаем под власть музыки, не направленной на прославление Господа. Она может привести нас к вратам ада»¹⁰. И на музыку накладываются вероучительные ограничения.

И все же церковная музыка великих композиторов переступала через канонические барьеры, несла в массы жизнеутверждающий пафос. Оратории Г. Генделя, хоралы И. С. Баха, «Ave Maria» Ф. Шуберта, заупокойные В. А. Моцарта и Г. Берлиоза, «Литургия» П. Чайковского пробуждают чувства ненависти к рабству, призывают к свободе, подвигу во имя высоких гуманных идеалов. «Жизнь, смерть, любовь, сострадание — все будет сказано в музыке, ибо в ней, в музыке, мы могли достичь наивысшей свободы, за которую боролись на протяжении всей истории, начиная с первых проблесков сознания в человеке... И лишь музыка, преодолевая догмы всех времен, всегда устремлена в грядущее. И потому ей дано сказать то, чего мы не могли сказать...»¹¹. Так, Чингиз Айтматов в романе «Плаха» видит цепи, разорванные музыкой, воспевающей высшие идеалы человечества.

Требования к церковному искусству в течение почти двухтысячелетней истории христианства неоднократно менялись. Они приспосабливались как к общественным изменениям, так и к сознанию современников. Однако основных принципов использования искусства для пробуждения религиозных чувств реформы не касались.

Известные поправки вносятся и в наше время. Например, на Западе теперь к услугам «пастырей божьих» привлекаются радио, телевидение, кино, грамзаписи. Религиозный аппарат в США и Ватикане достиг гигантских размеров. Ему служит огромный клан радио- и телепроповедников. Только радио Ватикана по 18 часов в сутки заполняет эфир богослужением и церковной музыкой, пытаясь таким образом внушить миллионам людей религиозные идеи и чувства.

За рубежом к строительству и оформлению храмов теперь привлекаются зодчие и художники абстракционистского и авангардистского толка, далекие от реалистического отражения действительности¹². Ощущение нереальности в их искусстве потрафляет религиозному сознанию, обращенному к иллюзорному миру.

В гигантские храмы из стекла и бетона можно въехать на автомобиле. Фасад одной из церквей в Копенгагене имеет форму органа. В Калифорнии возведена церковь треугольной формы. Она символизирует тронцу.

Современные неореалистические течения в искусстве церковники используют в своих целях, чтобы оторвать людей от реального бытия и приобщить к религиозной вере, внушить человеку, что только в ней найдет он ответы на вопросы, волнующие его и общество, раздираемое классовыми противоречиями. Религиозные чувства расцветаются красочными религиозными обрядами, особенно коллективными, которые исполняются в церковных храмах. Религиозные обряды — важнейшее средство эмоционально-психологического влияния на верующих. Они закрепляют веру в сверхъестественное, в чудеса, бессмертие души, загробную жизнь; формируют систему привычных религиозных образов, представлений и культовых стереотипов. Их многократное повторение превращается в привычку, становится потребностью верующего.

Религиозные обряды сопровождают верующего от рождения до смерти и используются христианской церковью как могучее средство внушения евангельских идей. «И в ходе богослужения, и при произнесении проповеди, и в момент исповеди внушение широко используется служителями культа... Для того чтобы человек стал глубоко религиозным, он должен слепо уверовать в истинность религиозных мифов, идей и догматов. Этой цели и служит механизм религиозного внушения»¹³.

Рассмотрим, как достигается внушение в культовых действиях. Религиозные чувства при непосредственном общении значительно усиливаются. Действует конформность. Священнослужители это хорошо знают и используют при культовых отправлениях. Обратимся к такому важнейшему элементу религиозного культа, как богослужение. Его главное назначение — внушить верующим мысль о всеисилии бога и «ничтожности» человека, его зависимости от божьей воли.

Богослужению придается торжественность и красочность. Люди переживают чувство взволнованности, таинственности, эмоциональной приподнятости. Во время богослужения человек чувствует свою незначительность на фоне величественного и сверхъестественного, рождающегося в его воображении.

Во многих христианских обрядах и праздниках инсценируются мифические сюжеты евангельских историй. Литургические действия склоняют прихожан к сопереживанию воображаемым героям. Некоторые

священники отправляют службу, произносят проповедь с удивительным артистизмом, усиливающим внушающее действие.

Вот как, по рассказам биографа, граф Мастаи-Ферретти после посвящения в миссионеры в 1819 году обставлял свою проповедь: «Он исключительно проповедовал ночью при фантастической живописной обстановке, в церкви, погруженной во мрак, кроме кафедры, на которой несколько свечей тускло освещали его бледное вдохновенное лицо. Еще эффектнее были ночные представления на городской площади; тысячи свечей блестели в окнах окружающих домов, толпы восхищенных слушателей кишели у возвышенной платформы, на которой стоял молодой проповедник рядом с громадным распятием, обращая свою вдохновенную речь к черепу с зажженной внутри свечой. Мастаи не проповедовал, а играл. Он играл на кафедре точно так же, как некогда в театре в любительских спектаклях»¹⁴.

Обстановка потрясала воображение, накаляла эмоции до религиозного экстаза и подготавливала почву для внушающего действия проповеди. Мастаи был отмечен католической церковью избранием на папский престол. Он носил имя Пия IX.

Это спектакль с одним актером и толпой зрителей и слушателей! Не спешите удивляться, дорогой читатель, в современных западных странах теперешний проповедник куда более изощрен в способах эмоционального воздействия. Он отлично знает, чем можно воздействовать на воображение, и широко использует всевозможную современную технику.

Многие культовые действа в церковных храмах происходят с участием всех присутствующих. Все они одновременно актеры, зрители и слушатели. Рассмотрим это на примере литургии (греч. *liturgia* — богослужение). У православных она еще называется обедней, а у католиков — мессой.

В литургии мы видим магическое представление биографии «богочеловека» Иисуса Христа по легенде, заимствованной из Евангелий. Как и во всяком спектакле, перед зрителями (прихожанами) изображают образные картины, которые будоражат эмоции и через внушение фиксируются в сознании. При рассмотрении символики литургии можно заметить, что она подобна символике театрального действа. Любой теат-

ральный спектакль без символики не обходится. В трагедии В. Шекспира «Король Лир» король не настоящий, пожар в лесу тоже. Помидор и Редиска в спектакле по сказке Джанни Родари «Чиполлино» тоже символичны. А каков огромный внушающий эффект! Как зритель сопереживает этим символическим образам, видит в них аналогию жизненных коллизий.

Однако возвратимся к литургии и рассмотрим таинство причащения, которое занимает центральное место в этом обряде. Основная его идея — приобщиться к божеству, к «земным» страданиям, смерти и воскресению Иисуса Христа.

Остановимся лишь на некоторых картинах этого сложного представления. Кусочки хлеба и вино мистически превращаются в плоть и кровь Иисуса Христа. Достигается это якобы сверхъестественным путем, после молитвы священника над чашей, в которой находятся кусочки хлеба в вине. Этим хлебом потчуют причащающихся. Вкусив «плоть» и «кровь» Христову, человек как бы приобщается к своему божеству, становится «сотелесником Иисуса Христа». Это до того впечатляет причащающихся, что они порою чувственно воспринимают хлеб и вино как тело и кровь Христа. К. К. Платонов сообщил о девочке, которая во время причащения так искренне вошла в роль сподвижницы спасителя, что видела себя, занимающейся людоедством. Ее начало тошнить¹⁵.

Сильные чувственные переживания вызывают и другие коллективные культовые действия. «Это объясняется тем, что в процессе непосредственного психологического общения молящихся вступают в действие известные социально-психологические механизмы подражания, внушения и взаимного эмоционального заражения»¹⁶.

Религиозные обряды насыщены зримыми символами веры, которые располагают к внушению. Бывало, некоторых прихожан охватывал ужас, когда священник прокалывал один из кусочков хлеба, что символизирует удар копьём, нанесенный согласно евангельской легенде Иисусу римским солдатом. Такое воздействие связано еще и с тем, что причащение несет в себе пережиток древнего тотемического обычая поедать мясо и пить кровь священного животного, принесенного в жертву.

Камлание, к которому прибегали чукчи, якуты и другие народы Севера и Восточной Сибири через своих шаманов, тоже можно сравнить с театральным представлением, пантомимой. Название обряда происходит от слова «кам», шаман — у тюркоязычных народов. Но рамки данного обряда расширяются до коллективного действия, обладающего внушающим эффектом. Камлание складывается из перевоплощения шамана-актера и воздействия его на чувства зрителей. И то, и другое несет в себе заряд внушения.

Одетый в экзотическое платье, шаман неистово стучит в бубен, гремит побрякушками, издает громкие звуки, предается бешеной пляске, доводя себя до предельного экстаза (от греч. *ákstasis* — исступление, восхищение), переходящее в транс (от франц. *transe* — умопомрачение). Возникают галлюцинации, в которых он «видит» и «слышит» своих духов-покровителей. Шаман (от тунгусск. — возбужденный, исступленный) спрашивает у них благополучие, здоровье, плодородие людям и животным, удачный промысел, якобы узнает будущее человека, сопровождает души умерших в загробный мир, насылает порчу на врагов.

Обряд камлания будоражит воображение зрителей. Состояние, в котором находится главный исполнитель, «заражает» окружающих. Они поддаются впечатлению и становятся соучастниками культа: подпевают шаману, пляшут, дополняют свои действия криками и возгласами. Обстановка располагает к внушению. Этому способствует необычайно высокое эмоциональное напряжение, вплоть до умопомрачения с резким сужением сознания, когда о критическом мышлении говорить не приходится. В этих условиях естественно ожидать и повышения внушаемости. Рассудку здесь места нет. Немалое значение приобретает и взаимное подражание (конформность).

Так создается шаманский спектакль. И «когда нынешний режиссер,— пишет В. Н. Басилов,— в порыве творческих исканий предлагает как дерзкий вызов старым канонам широкое общение с публикой, мы можем сказать себе: это уже давно было»¹⁷. Неспроста опытные шаманы были искусными гипнотизерами, иллюзионистами, певцами, поэтами и сказителями. Многие из них страдали особой формой истерии с сумеречным сознанием, именуемой в Сибири мэнериком.

Мысль об участии внушения в обряде камлания высказывалась многими видными этнографами (Л. Я. Штернберг, С. А. Токарев, Н. А. Алексеев и др.). Оно действительно присутствует во всех спектаклях.

Наиболее распространенным каждодневным способом воздействия на психическое и эмоциональное состояние верующих является самовнушение. Основные его средства — молитва и медитация. Молитва носит характер магического заклинания, с которым верующие обращаются к богу или святым со своими просьбами, нуждами, жалобами, выпрашивают у них благосклонность. Однако в действительности молитва адресована самому себе, своему «Я», «супер-Я», то есть общение происходит только внутри самого субъекта. Для многих, прежде всего одиноких, людей молитва — еще своеобразное средство общения, пусть с нереальными собеседниками, но все же средство общения, в котором, как нам уже известно, человек испытывает потребность.

На самовнушении во многом построено и христианское таинство исповеди, покаяния. Церковь в своих целях использует естественную потребность человека в освобождении от мучительных душевных противоречий, в сочувствии, сопереживании ближнего. Исповедуются обычно другу, который сохранит доверенную тайну.

Наиболее близким другом религиозному человеку представляется бог. Исповедуются носителю его благодати — священнику. Открыв грех священнику, кающийся надеется на прощение самого господа. Он внушил себе, что всевышний простит его. В надежде на божью милость покаявшийся ищет душевное равновесие. Такой акт самовнушения завершается внушением священника, сопровождающимся наложением епитрахили, рук священника и формулы отпущения.

Внушение выполняет здесь две функции. Сначала оно становится причиной душевной тревоги, страха перед божьим наказанием, а затем — средством избавления от этого психоэмоционального состояния (своеобразная психотерапия).

Очень хорошо самовнушение видно в религиозной медитации. Понятие это происходит от латинского *meditor* — размышляю, обдумываю. Медитация предполагает умственные действия, направленные на достижение углубленной сосредоточенности, расслабления,

отрешения от внешнего мира, понижение реактивности. В религиях медитация является способом иллюзорного приобщения к сверхъестественному миру. Христианские аскеты и исламские суфии лишениями, напряженным созерцанием, постами и молитвой укрощали плоть во имя слияния духа с божеством.

Медитация особо актуальна в восточных религиозно-этических, религиозно-мистических системах (йога, дзен-буддизм, даосизм и др.). Ею будто бы достигается просветление, озарение, господство духа над телом, постижение высших истин. Для этого требуется владение специальными физическими и психическими состояниями, строгое соблюдение режима самоограничения и следование жестким этическим нормам. Наибольшее распространение получила индийская религиозно-идеалистическая 8-ступенчатая система йога. Основателем ее принято считать индийского мудреца Патанджали, жившего в конце III века до н. э.

Согласно учению йогов в человеке воплощаются две субстанции — пракрити и пуруша, то есть материя и сознание. Пуруша стремится освободиться из-под власти пракрити (душа желает покинуть тело). Человек этому содействует введением себя в состояние самадхи — сосредоточение, поглощение ума объектом созерцания. Это могут быть геометрические фигуры (янтры), картины (даяты), отдельные слова или выражения (мантры) или другое. В ходе такого созерцания через некоторое время нарушаются связи с внешним миром.

Известны несколько систем йоги, но самой распространенной является раджа-йога в ее первой ступени — хатха-йога. Во всем, что нас окружает, в живых организмах — от амебы до человека — содержится «мировая сила», или «абсолютная энергия» (прана), утверждают сторонники этого направления. Человек, дескать, получает ее из воды, пищи, воздуха и космоса.

Самое большое внимание хатха-йога уделяет контролю за дыханием, ибо оно непосредственно связано с психическими функциями. Тренировкой дыхания, по мнению йогов, достигается неограниченная власть человека над телом. Предписывается дышать редко, 3—4 дыхания в минуту (вместо 15—16 привычных), задерживая воздух на вдохе (скумбхака). При этом поглощается больше праны. Природа, видите ли, глупа, не научила нас правильному дыханию. Естественный от-

бор как движущая сила эволюции, открытый Ч. Дарвином, не принимается во внимание.

Что же в действительности происходит?

Значительное урежение дыхания приводит к гипоксии (недостаточности кислорода) мозга и повышению содержания в организме углекислоты. Функция мозга нарушается, сознание становится сумеречным. Психическое самовоздействие, самосозерцание сродни уже знакомому нам самовнушению, самогипнозу. На фоне сумеречного сознания йоги вызывают красочно переживаемые иллюзии и галлюцинации, которые принимаются как постижение высших истин. Как видим, ничего сверхъестественного в «озарении» йогов нет.

Предаваясь аскетизму и внутреннему созерцанию, йоги разрывают связь с реальным внешним миром, не участвуют в общественной жизни. Самосозерцание, медитация являются сегодня одним из основных звеньев сторонников «сознания Кришны».

Насколько глубоко может влиять внушение, показывают обряды самобичевания, выполняемые религиозными фанатиками — мусульманами-шиитами в поминальный день ашура. Этот день скорби установлен в память о «мученической кончине» имама Хусейна, сына халифа Али ибн Абу Талиба и внука пророка Мухаммеда. В этот день фанатичные шииты совершают театрализованные шествия с песнопениями и с выражением высшего блаженства предаются жесточайшим самоистязаниям.

А. М. Горькому довелось быть очевидцем такого ужасного зрелища в старом Тифлисе. В одном из своих произведений он рассказал, как «пестро одетые люди, с бритыми досия черепами... стали маршировать, взмахивая ножами, ярко блестящими в воздухе... Дружное пение постепенно начинало принимать характер болезненного вопля, ножи равномерно взлетали в воздух и, опускаясь вниз, почти касались плеч и голов, а на лицах явилось выражение дикого экстаза, с хрипом вырывался из их грудей громкий единодушный крик: — Али! Хус-сейн.

И вот один из фанатиков... замахнулся кинжалом над своей головой и легким, ловким ударом рассек себе лоб... В колонне было около ста человек, но уже менее чем через пять минут в ней не осталось ни одной головы, не окрашенной кровью. Правовверные, не принимавшие участия в этом самоистязании, подходи-

ли к окровавленным людям и, благоговейно касаясь руками их ран, мазали кровью у себя за ушами, под скулами, груди и лбы... Но вот... выходит... еще одна колонна шиитов... В руках у них толстые сыромятные ремни более аршина длиной, на одном конце которых прикреплены квадратные куски кожи объемом в ладонь. У некоторых эти кожаные квадраты представляют собою мешочек, в который насыпана дробь или положены острые куски кварца, у других — в кожу воткнуты мелкие гвозди. Третьи... прикрепили к концам ремней кисти из медной проволоки... Их страшные плети, свистнув в воздухе, с лязгающим звуком падают на обнаженные спины и рвут мышцы...

Люди... поют и возглашают имена святых. Безумие исступления все возрастает, и пытки становятся все более утонченными, люди жаждут мук, ищут острейших страданий...»¹⁸.

Клинический опыт говорит о возможности такого состояния, возникающего под влиянием самовнушения и психического заражения (подражания). Известно же, что внушением можно достичь обезболивания.

В наше время истязают сами себя фанатики-шииты в Ираке, Иране, Пакистане и в других странах мусульманского мира. В Советском Союзе согласно постановлениям правительств Азербайджанской, Грузинской и Туркменской ССР с 1929 года ритуальные шествия с самоистязанием запрещены.

Представление о «приближении духом к богу» путем укрощения плоти — удел всех религий. Не избежали этого и христиане. Они тоже подвергали себя самоистязанию. Фанатики носили вериги (тяжелые цепи, причинявшие физические страдания), вели аскетический образ жизни, жили отшельниками в пещерах. Даже материнское чувство у религиозных фанатиков подавляется внушением. В древнем Карфагене в случаях военной опасности знатные граждане, чтобы умилостивить бога Молоха, приносили ему в жертву своих детей.

И все это освящалось именем бога. Именем бога человек удерживает эмоции и чувства в узком русле религиозности, именем бога истязает тело. И все это происходит с участием внушения, направленного во вред человеку.

Отбрось суеверия, Homo sapiens!

Суеверие является самым страшным бедствием рода человеческого. Оно опустошает простодушных, преследует мудрых, сковывает народы и несет повсюду страшные беды.

П. Бомарше

Существует легенда о том, как однажды древние римляне перед битвой слышали карканье вороны с правой стороны и проиграли битву; в другой раз — с левой стороны, и выиграли битву. Дело казалось ясным, совпадение неслучайно: карканье вороны с правой стороны приносит войску гибель, а с левой — победу.

Все суеверия зиждутся на такой превратной логике. Основное ее положение гласит: «После этого — значит, по причине этого». Если второе явление наблюдается после первого, значит первое породило его. Наивность и ошибочность таких суждений ясна каждому из его повседневного опыта, но тем не менее суеверные представления живут в головах наших современников — людей конца XX века. Почему?

Здесь необходимо обратить внимание на второй важный постулат этой псевдологии или вторую координату суеверного мышления — элементы веры в сверхъестественное, которые могут быть разными: признание действия неких сверхъестественных сил, явлений, предметов, вера в стоящие где-то вне нашей реальности существа и т. п. Но ни одно суеверие не существует без веры — более или менее четко выраженной — в сверхъестественные существа или силы, способные якобы предопределять будущее человека. В соответствии с этим всякое суеверие есть ни что иное как не обоснованная наукой или практикой вера в существование явлений, событий, предзнаменующих будущее. В «Философском словаре» предлагается такое определение суеверия: «Суеверие — вера в то, что некоторые явления и события представляют собой проявление сверхъестественных сил или служат предзнаменованием будущего».

Вера в приметы в суевериях занимает главенствующее место. Они якобы имеют предопределяющее значение (разбилось зеркало — быть беде, беседуешь с кем-нибудь по разные стороны порога — быть ссоре и т. п.). Однако суеверие, вырастающее из веры в сверхъестественное, охватывает совершенно особый круг примет. Оно не касается примет, являющихся отражением и обобщением реального житейского опыта людей: наблюдений за погодой, сменами времен года, факторами урожайности и т. п. Суеверие, отражая тот пласт практического опыта, в котором слишком велика доля случайности, непредсказуемости событий, зависимость человека от стихийных или непознанных сил природы и общества, неподвластных человеческому вмешательству или контролю, выражает стремление человека хоть как-то овладеть негативными явлениями и повлиять на них. Но не имея реальных возможностей отвести непонятные и неподвластные явления, человек обуздывает их в своем воображении, фантазиях. А для их объяснения прибегают к вере в сверхъестественное, полагаясь на иллюзии, домысливая фантастические факторы или фигуры, дополняя ими в своем воображении не подчиняющуюся человеку действительность.

Вера в существование сверхъестественных сил роднит суеверие с религией. Они имеют общую религиозно-мистическую природу. По сути суеверие — это явление религиозного порядка. Оно связано с иррациональными представлениями, ставит веру выше разума, вызывает специфические переживания, побуждает к действиям, направленным на предотвращение зла магическими средствами.

Близость суеверий с верованиями в развитых религиях признается не только научным религиоведением, но и защитниками традиционных религиозных течений. В суевериях они усматривают неофициального, грозного соперника в борьбе за сердца и привязанности верующих. Поэтому столетиями церковники объявляли суеверия ложными постыдными верованиями, боролись с ними, старались отделить, оттолкнуть их от «подлинных» религий. Само слово «суеверие» означает — напрасная, зряшная, «ненастоящая» вера. Настоящей, подлинной верой объявлялась лишь проповедуемая церковью.

Несмотря на все усилия блюстителей церковной религиозности, суеверия дожили и до нашего времени, сохранившись преимущественно в бытовой и семейной сферах, в тех интимно-индивидуальных уголках быта, которые чаще всего тщательно затеняются от постороннего взора. Объективной основой суеверных представлений являются случайные, неподвластные отдельному человеку явления, касающиеся важных сторон его бытия. Питают суеверия бытовые, семейные традиции. Передаваемые из поколения в поколение, многие из них архаичны, содержат отжившие стереотипы мышления и чувствования. А механизм усвоения и использования их заложен в психической деятельности человека. Определяющее место среди факторов воспроизводства суеверий, связанных с психической деятельностью человека, принадлежит именно внушению.

Суеверие — родное дитя внушения и самовнушения. Впрочем, при одном условии: если бездействует разум. «Сон разума рождает чудовищ», — сказал Гёйе. У суеверного человека имеется все необходимое для работы механизма внушения — и эмоционально выраженное воображение (хотя и фантастическое), и психологическая установка (готовность верить в сверхъестественное), конформность (подражание суеверным людям).

Эмоционально окрашенное воображение и желание найти какие-то приметы грядущего живут в каждом из нас. Каждый из нас встречается с суеверными людьми, предлагающими «готовый запас» идущих из прошлого суеверных примет, стандартов суеверного мышления. И каждый человек в той или иной мере подвластен внушению, незаметно для себя самого подчас использует самовнушение. Но суеверным становится далеко не каждый. В чем же дело?

Даже общаясь с суеверно мыслящими и чувствующими людьми, человек всегда в силах опереться на разум. Именно он — наш помощник и опора в мире непонятных явлений. Только воплощенное в нем научное материалистическое мировоззрение может помочь нам в выборе ориентиров поведения достойных человека. Высокая мировоззренческая культура и противостоит любому суеверию.

Можно иметь на первый взгляд странные привычки поведения, но все дело в их мировоззренческом наполнении. Одни в предзнаменующих приметах усматри-

вают действие сверхъестественных сил, а другие допускают просто странную привычку, не привлекая ничего потустороннего. Суеверия у таких людей выглядят как привычный стереотип действий, как причуда. Народный артист СССР Евгений Нестеренко искренне признался: «В Большой театр всегда прихожу на спектакль через один и тот же подъезд. Когда-то я вошел в него впервые, имел успех и продолжаю пользоваться тем же самым входом. Рассматриваю свою причуду как особого рода психотерапию, мне комфортнее повторять свой путь на сцену без изменений»¹.

Приметы, в которые человек уверовал, теперь уже сами оказывают на него огромное психологическое и эмоциональное влияние. Они внушают уверенность в успех, повышают эмоциональный настрой. Актеру это помогает входить в роль.

Представим себе, что артист нарушил свой обычай — вошел через другой подъезд. Тогда наступит душевный разлад, станут досаждать сомнения. Это отрицательно скажется на его выступлении. Дело, конечно, не в сверхъестественных силах, а во внушении, которым сам актер, не сознавая того, привязал свою удачу к примете.

Каждый видел такую привязку у учащихся. Сдал успешно экзамен, значит, на все последующие экзамены буду приходить в том же платье, ибо в нем вижу секрет удачи. Но вряд ли кто-либо станет, идя на экзамен, уповать на одно платье.

Образуется как бы двусторонняя круговая связь. Явление, порожденное внушением, само начинает оказывать внушающее воздействие на человека. Все дело — в содержании привычных действий. Одно — привычная стандартизованность реальных, действительно необходимых действий (войти в определенный подъезд, надеть привычную одежду), и совсем иное — совершение магическо-колдовских манипуляций (летчик перед вылетом незаметно для окружающих поплевал на колесо шасси воздушного лайнера, спортсмен мысленно обратился перед разбегом к привычно-необходимому, вроде бы шуточному, амулету-сувениру и т. п.). Это происходит в кругу реалистических (хотя и несколько странных для окружающих) или иллюзорно-фантастических (таких, в которых ни за что никому не признаешься) представлений. Суть — в мировоззренческой позиции — выходит или не выходит из

круга реальности, обращена или не обращена она к потусторонним силам. Вера в зависимость судьбы от сверхъестественного начала является сущностью любой формы суеверия, начиная от пресловутой черной кошки и кончая гороскопами. Участие в нем внушения сказывается на душевном состоянии и поведении суеверного человека.

Суеверия составляют наиболее распространенную форму слепой веры. Во «Всеобщем словаре суеверий», изданном в США, профессор Калифорнийского университета Нэнд привел 400 тысяч вариантов суеверий. Опрос 1300 студентов Стенфордского университета показал, что 84 % девушек и 72 % юношей верят в «дурной глаз».

Наблюдаются пережитки суеверий и среди части населения нашей страны. Данные, полученные в результате конкретно-социологических исследований В. Р. Букина и Б. А. Ерунова, показывают, что 77 % от общего числа верующих и неверующих женщин составляют суеверные. У мужчин суеверность тоже наблюдается и составляет около 24 % ². Опрос религиозного населения Орловской области выявил наличие 84 % суеверных среди верующих ³. Обобщая данные социологических исследований в среде православных верующих, Н. П. Алексеев делает вывод, что «суеверия, с которыми православие вело многовековую борьбу, в религиозном сознании колхозников занимают значительное место и даже превосходят некоторые элементы христианских представлений» ⁴.

Суеверия имеют некоторое распространение и среди людей, считающих себя неверующими, в том числе среди молодежи. Согласно репрезентативному опросу десятиклассников г. Ленинграда, суеверность среди указанной категории в среднем составила 12 % среди мальчиков и 31 % — среди девочек, в то время как религиозность в традиционных формах обнаружилась менее чем у 3 % опрошенных ⁵. Аналогичные результаты получены в медицинском училище г. Подольска, где ни одна студентка в бога не верит, но 30 % верят в силу гаданий, вещих снов, мистических примет ⁶. В. П. Еременко приводит данные, что в Гатчинском педучилище из 217 опрошенных в различные мистические приметы верили 51 человек, в вещие сны — 36, силу гаданий — 15, судьбу — 12 ⁷.

Такая распространенность суеверных взглядов является показателем деградации религии, распада идеи бога. Проявления невероисповедной мистики сегодня объективно поддерживают религиозность, эмоционально «подпитывают» ее.

Вера в судьбу, колдовство, ворожбу, наговоры, сглаз и различные приметы (несчастливое число 13, черная кошка, перешедшая дорогу, рассыпанная соль, разбитое зеркало и т. п.) — это дошедшие до нас осколки древних религиозных верований. Как и религия в ее церковных формах, суеверия во многом порождаются страхом. «Страх есть причина, благодаря которой суеверие возникает, поддерживается и сохраняется»⁸, — говорил Б. Спиноза.

Допустим, человеку перешла дорогу черная кошка. Суеверный забеспокоится, с тревогой подумает о предстоящем деле, о возможной неудаче. Вся наша жизнь состоит из удач и неудач. Но в таких случаях удача забываются, а неудача притягивается к дурной примете и расценивается как сбывшееся предзнаменование. Об этом люди охотно рассказывают друг другу, что еще больше укрепляет веру в приметы у суеверных. Восточного мудреца однажды спросили: «Правда ли, что, когда черный кот перейдет дорогу, то путника будет ожидать неудача?» «Правда, — ответил мудрец. — Но только, если этот путник не человек, а мышь».

С точки зрения здравого смысла суеверия бывают смехотворны. В Древней Греции считалось плохой приметой, если кто-нибудь чихнет с левой стороны. По преданию, однажды суеверный человек сказал философу Диогену: «Я одним ударом размозжу тебе голову». Философ возразил: «А я, чихнув с левой стороны, заставлю тебя трепетать».

У суеверных крестьян были популярны календарные приметы долгосрочных прогнозов погоды. Ведь от погоды во многом зависело благополучие крестьянина, он стремился заглянуть вперед, хотел знать, что его ожидает. В ритуалах, совершаемых для предвидения погоды, порою просматриваются пережитки гаданий. В Западной Европе о погоде гадали по луковицам. В новогоднюю ночь брали двенадцать луковок, каждая из которых обозначала определенный месяц года. Луковицы разрезали и посыпали солью. Утром по выступившему соку судили о том, какой месяц будет дождливым, а какой сухим.

Причинно-следственных связей с дождливым месяцем здесь нет. Все зависит от содержания воды в луковичке. Сок выделяется скорее в той, в которой его больше. Но не исключено, что бывали случайные совпадения. Они-то и поражали воображение крестьян, фиксировались в памяти, передавались из уст в уста, внушая надежность приметы.

Однако далеко не все приметы несут на себе печать суеверия. Народная мудрость, наблюдательность выкристаллизовала приметы, по которым более или менее надежно прогнозируется погода. Такие приметы позволяют человеку ориентироваться. Земледельцу небезразлично, когда сеять, пахать, ждать ли дождей, опасаться ли заморозков. Вот и приметил крестьянин: «Снег глубок — хлеб хорош», «Красный вечер — ясный день», «С утра парит — дождь дарит».

Приметы, в которых сконцентрирован мудрый народный житейский опыт (житейские знания), А. С. Пушкин воспел в стихотворении, так и названном — «Приметы»:

Старайся наблюдать различные приметы:
Пастух и земледел в младенческие леты,
Взглянув на небеса, на западную тень,
Умеют уж предречь и ветер, и ясный день,
И майские дожди, младых полей отраду,
И мразов ранний хлад, опасный винограду.
Так, если лебеди, на лоне тихих вод
Плескаясь вечером, окличут твой приход,
Иль солнце яркое зайдет в печальны тучи,
Знай: завтра сонных дев разбудит дождь ревучий
Иль бьющий в окны град — а ранний селянин,
Готовясь уж косить высокий злак долин,
Услыша бури шум, не выйдет на работу
И погрузится вновь в ленивую дремоту.⁹

Полезные приметы организуют наше поведение, позволяют готовить себя к событиям предстоящим. Это приметы, которые отображают реальный полезный опыт и потому действительно являются ориентирами скрытого настоящего или будущего, когда между приметой и скрытыми или последующими событиями существует прочная связь, подтвержденная опытом. Механизм этой связи либо известен человеку, либо его еще предстоит выяснить средствами науки.

В суевериях такой связи нет, она существует лишь в воображении, родившись чаще всего как результат внушения или подражания.

Установление причинно-следственных связей между реальными приметами (признаками) и последующими событиями позволяет предвидеть будущее. Однако предвидение ничего общего не имеет с истолкованием фантастических примет, которым похваляются суеверные люди. Предвидение грядущего предполагает взгляд на будущее, основанный на точном научном анализе настоящего, использующем жизненный опыт человечества, накопленные знания. Приметы подлинные, позволяющие предвидеть будущее, правильнее называть признаками. Например, К. Маркс и Ф. Энгельс на основе научного анализа общественного развития предвидели неизбежность революционной замены капитализма коммунистическим строем. Жизнь убедительно подтвердила правильность их блестящего научного предвидения.

Суеверия небезразличны для здоровья и жизни человека. Страх перед дурной приметой или колдовством порою достигает такой степени, что у человека нарушается кровообращение, сужаются сосуды, подводящие кровь к сердцу и мозгу. Завершиться все может инфарктом миокарда или инсультом. Такие случаи зачастую происходят тогда, когда редко встречающиеся явления природы понимаются как дурное знамение. Суеверные люди видят в них угрозу жизни или благополучию. Описывая комету, пролетавшую на небосклоне в 1520 году, современник замечал: «Эта комета была так страшна, что повергла людей в ужас, многие умерли — кто от страха, кто от болезни».

Зимой 1584 года Иван Грозный, выйдя на Красное крыльцо, взглянул на небо и среди густой звездной россыпи увидел комету. Лицо царя перекошилось от ужаса. Зашатавшись от слабости, он прошептал: «Вот знамение моей смерти. Вот оно».

Чародейки, привезенные в Москву с Севера, утверждали, что расположение небесных светил неблагоприятно для государя и он умрет 18 марта. Царь пришел в бешенство и повелел в этот день сжечь лживых колдуний. Утром 18 марта он чувствовал себя хорошо и послал боярина Бельского объявить чародейкам, какая ожидает их казнь за ложные предсказания. «Не гневайся, боярин,— отвечали они.— День начался с восходом солнца, а кончится с его закатом».

Между тем царь собрался играть в шахматы. Начал расставлять фигуры, как вдруг упал и испустил

последнее дыхание. Вера в смертное знамение оказалась роковой для безжалостного и мнительного самодержца, очевидно, больного уже к тому времени. Она была подкреплена и усилена внушающим пророчеством чародеек, назначивших дату смерти.

Известный советский историк и этнограф С. А. Токарев рассказывает, что в Австралии некоторые племена насылали порчу, подбрасывая намеченной жертве орудия колдовства — косточки или палочки. Человек, найдя их у себя, понимал, что против него совершен губительный обряд. Вера в порчу была так сильна, что охваченная страхом жертва впадала в депрессию и нередко умирала. Смерть могла наступить от инфаркта или инсульта, возникших в состоянии сильного эмоционального потрясения. Таким исходом еще больше укреплялась вера в колдовство.

А вещие сны? Сбываются ли они?

Расскажу легенду или быль, трудно сейчас сказать. У царя Алексея Михайловича был сокольничий Трифон. Улетел у него любимый сокол самодержца. Сокольничего заточили в тюрьму, пытали. Накануне казни снится Трифону сон, в котором видит он место, где находится сокол. Проснувшись, сокольничий указал место. Там и нашли птицу. Трифона помиловали. После этого он ушел в монастырь.

Могло ли такое присниться? Да, могло. Но ничего сверхъестественного не произошло. Во сне, помимо нашего сознания, в мозгу продолжается поиск ответов на неразрешенные вопросы, которые занимают сознание в бодрствовании. Образно представляются давно забытые явления, лица и т. п. А у Трифона во сне продолжался поиск наиболее вероятного местонахождения сокола. Вот и вспомнил он давно забытое место, где когда-то бывала птица.

А сколько не сбывается так называемых вещих снов? Мы сохраняем в памяти лишь сновидения, в которых успешно завершается поиск проблемы, или те, что случайно совпали с последующими событиями.

Сон является естественной функцией организма, и сновидения отражают запечатлеваемые сознанием отголоски происходящих в организме процессов. Во сне мозг часто улавливает слабые сигналы, свидетельствующие, например, о вяло текущем где-то воспалительном процессе или даже о болевых ощущениях, связанных с опухолью. Столь же естественное объяс-

нение имеют сны, когда ослабленному длительной изнуряющей болезнью во сне привидятся давно скончавшиеся родные. Субъективно суеверные люди воспринимают такие сновидения как «зов с того света». В действительности речь идет об оживившейся в результате болезненных процессов активности глубинных слоев памяти, запечатлевшей давно забытые события и лица.

Подобные сновидения врач не может не учитывать. В некоторых случаях в интересах больного полезно поддерживать его веру в вещий сон, если он окажется союзником врача. Встречаются пациенты, у которых успешное лечение переживается в сновидениях. В связи с этим вспоминается девушка с ослабленными мышцами ног после перенесенного полиомиелита. Сочетая психотерапию с лечебной гимнастикой, в своей врачебной практике я стремился перевести ее с костылей на ходьбу с палочкой.

Однажды она во сне увидела себя, идущей по улице с палочкой. Заветная мечта не оставляла девушку и во сне. Она уверовала в хорошее предзнаменование, и надо было видеть, с какой радостью, входя в кабинет, сказала: «Я брошу костыли, мне снился хороший сон!» Вера пациентки в успешность лечения целенаправленно поддерживалась мною. В итоге она оставила костыли и ныне ходит самостоятельно, опираясь на палочку.

Для успешности психотерапии некоторые специалисты внушением как бы заказывают сновидения, связывая их с эффективностью лечения. Пациенту, у которого было подергивание лицевых мышц (тик), я внушил, что ночью во сне он увидит себя без этого дефекта, это будет означать, что он избавился от насильственных подергиваний. Так и случилось. Несколькими занятиями внушением результат был закреплен.

Таким образом, с помощью внушения сновидения могут использоваться с гуманной целью. Однако у людей суеверных они могут быть источником болезненных внушений. Приведу три случая. У одной больной появился страх перед морем после того, как ей приснилось, что волны захлестывают ее. Видя море на кино- или телеэкране, она переживает панический страх. У другой больной возник страх смерти. Такое состояние было результатом сна, в котором женщина

увидела себя в черном костюме и черном платье, и продолжалось около двух лет. Третья больная пережила сон, в котором ее якобы укусила собака. После этого сна стала бояться собак, опасаясь укуса и заражения бешенством. Душевное равновесие у всех этих людей было восстановлено психотерапевтическим внушением.

Источником заболеваний могут быть и другие суеверия, не связанные со сновидениями — вера в сглаз, порчу, наваждение, дурные приметы и т. п. Приведу несколько примеров из собственной практики. У пациента были жалобы на боли и неприятные ощущения то в одних, то в других частях тела. Объяснял он свое заболевание наговором девушки, с которой долго встречался, затем оставил и женился на другой. Заболевание носило невротический характер. Молодого мужчину мучила совесть и не оставлял в покое «наговор», в который он глубоко верил.

Другая моя пациентка, страдавшая истерическим неврозом с судорожными припадками, так поведала о происхождении своего заболевания: «Когда мне было десять лет, меня сглазила соседка, сказав, что я полненькая. Мама заволновалась: «Не сглазит ли!». С этого времени начались судороги. Все говорят, что это сглаз». Больная была истероидной личностью, воспитанной на суевериях. Вера в сглаз явилась пусковым механизмом заболевания. Заболевание могло не возникнуть, не будь этой веры. Женщина осталась бы просто истероидной личностью, сформированной порочным суеверным воспитанием.

Сознание многих народов находится под влиянием различных суеверных запретов (табу), ограничивающих поведение в быту, в общественной жизни. Нарушение табу тяжело переживается человеком. В связи с этим этнографами описано много трагических историй. Так, вождь одного племени в Новой Зеландии бросил в пути остатки своего обеда. Проходивший юноша съел их. Едва он кончил трапезу, как ему сказали, что им съеден табуированный, то есть запрещенный обед. Юноша был мужественным и здоровым, но, услышав это сообщение, упал на землю, у него начались судороги, и вскоре он умер¹⁰.

Сильные проявления внушения наблюдаются во всех разновидностях мантики и магии. Суеверия тесно связаны с гаданием, когда по приметам стремятся уз-

нать неизвестное или предсказать будущее. Со школьных лет нам памятна баллада В. Жуковского «Светлана». Начинается она так:

Раз в Крещенский вечерок
Девушки гадали:
За ворота башмачок,
Сняв с ноги, бросали;
Снег пололи; под окном
Слушали; кормили
Счетным курицу зерном;
Ярый воск топили;
В чашу с чистою водой
Клали перстень золотой,
Серьги изумрудны;
Расстилали белый плат,
И над чашей пели в лад
Песенки подблюдны.¹¹

Много способов гадания собрано в этом коротком отрывке. Девушки озабочены: выйдут ли замуж в новом году, каков будет суженый-ряженный, откуда явится. Выходили ночью во двор, снимали башмачок и бросали через ворота. Потом бежали смотреть, в какую сторону упал носком — оттуда и жених явится. Если носок показывал на свои ворота, в этом году замужества не жди.

«В светлую ночь снег пололи». Собираются несколько девиц, и когда все укладываются спать, становится тихо, идут за ворота, набирают снег пригоршнями и бросают в ту сторону, откуда ветер дует. Если снег падает скоро и звучно, то быть девице замужем за молодым, если упадет неслышно и криво — за глухим или стариком.

Загадав про судьбу, ходили к своему или чужому дому и «под окном слушали». Какое первое слово услышат, по его значению объясняют свою «загадку».

В роли прорицателей часто выступали куры и петухи. Ночью «кормили счетным курицу зерном», пересчитанным и рассыпанным по полу. Склевала все — один вариант вывода, не все, но четное число — другой, нечетное — третий.

Перед сном «ярый (чистый) воск» растапливали, выливали на блюдо с водой и замечали, какие получились изображения. Развалины дома — дурная примета. Кольцо увиделось — к свадьбе.

Еще гадали, кладя свои перстни, серьги или другие украшения в большую чашу. Сверху закрывали

«белым платом» и «над чашей пели в лад песенки подблюдны». Затем кто-нибудь запускал руку под «белый плат» и наугад вынимал предмет как предвещанье удачи хозяйке его.

Верили, что все гадания в канун нового года непременно сбываются.

Гадали девушки на святки. Ставили перед петухом стакан с водой и зеркало. Если петух пил воду, считали, что будущий муж будет пьяницей, если клюнул в зеркало — щеголем.

Существовало, да и сейчас существует среди людей суеверных много способов гадания: и по зеркалу (свет мой, зеркальце, скажи), и по сожженной бумаге, и на кофейной гуще, и по следам на снегу. Всех способов не перечислить.

Суеверия близки вере в магию или колдовство, то есть в ритуалы и обряды, которые якобы способны чудодейственно влиять на жизнь и здоровье человека, животных, явления природы.

Мы уже сталкивались с магическими обрядами первобытных охотников — людей, которые устраивали ритуальные пляски, изображая поимку зверя, и внушали себе, что животное оказывается сраженным, если стрелы пронзали его изображение на наскальном рисунке. Это так называемая имитативная магия.

Аналогичные магические обряды Дж. Фрэзер наблюдал у индейцев Северной Америки. Когда индеец племени оджибвеев хочет навлечь на кого-то напасть, он изготавливает деревянное изображение своего врага и вгоняет в его голову или сердце иглу либо запускает стрелу в уверенности, что враг почувствует в этой части тела острую боль. Если же он намерен убить врага, тогда куклу сжигает и хоронит¹².

В русских народных повериях вредоносная магия называется ворожбой. Слово «ворожба» произошло от понятия «ворог», то есть враг, и, следовательно, магические действия, направленные против врага, тоже будут враждебны, например, насылание «порчи». Вера в нее существовала у многих народов. Причину болезней рассматривали как вселение в тело человека злых духов, демона или беса. Поэтому душевнобольные говорили, что они одержимы бесами. В России таких людей называли бесноватыми. Считалось, что насылают бесов колдуны и колдуньи.

В «Рождественской сказке» Ги де Мопассана Кузнец принес жене яйцо, найденное в снегу на дороге. Жена подумала, а нет ли в нем чего-нибудь, и стала нерешительно есть. Вдруг взгляд ее стал безумным, и она упала наземь, извиваясь в конвульсиях и испуская страшные крики, причитая, что бес у нее в животе.

У чукчей в прошлом враждовали между собой белые и черные шаманы. Первые поклонялись солнцу, вторые — луне. В романе Н. Шундика «Белый шаман» описан эпизод, в котором белый шаман Пойгин мстит черному шаману Ятчолю за то, что тот убил его гуся.

«Пойгин пристально посмотрел на Ятчоля.

— Отведи глаза, не делай дыры в моей душе! — закричал Ятчолю. — Ну, свернул гуся голову, сердце сожрал. Что я — человека убил?..

— Мочиться ты будешь во сне, как младенец, — едва слышно сказал Пойгин. — Такое я тебе придумал наказание...

На другой день Ятчолю прибежал к Пойгину, трясясь от злости и конфуза. Оказывается, он и вправду обмочился.

— Ты наслал на меня порчу! Я мокрый, мокрый...»¹³.

Действие внушения в более чистом виде трудно себе представить. Суггестивным воздействием обладают и проклятия. Они сказываются на психоэмоциональном состоянии недоброжелателя и адресата. Проклиная, человек получает своеобразную эмоциональную разрядку, ему становится как бы легче, спокойней, устанавливается душевное равновесие. А адресату как? Если адресат в проклятия не верит, его гложет чувство оскорбленности, если верит, то его охватывает страх, тревога, опасения за свое благополучие.

Бывают редкие случаи, когда проклятия, насланные на человека с повышенной внушаемостью при тревожно-мнительном или истероидном складе личности, приводят к функциональному невротическому заболеванию внушенного происхождения. Примером чего может быть упомянутый выше пострадавший Ятчолю.

У меня лечилась больная тридцати шести лет, которой свекровь в порыве гнева сказала: «Не дойти тебе до дома». Расстроенная женщина ушла. По дороге домой почувствовала слабость в ногах, ноги подкосились и она упала. В больнице, куда ее доставила

скорая помощь, был поставлен диагноз: истерический парез (неполный паралич нижних конечностей).

В воображении людей суеверных вредоносной магии противостоит магия защитная, способная отвести козни недругов.

В древности и в средние века народы Севера верили в магическую силу письмен и знаков — рун. Колдуны и ведуны ставили рунический знак на мече, чтобы он был надежным в бою, на челне, чтобы выдержал сильный шторм, и т. п.

Ратные люди средневековой Руси заговорами стремились обезвредить вражеское оружие: «Завяжу я (имярек) по пяти узлов всякому стрельцу немирному, неверному на пищалях, луках и всяком ратном оружии. Вы, узлы, заградите стрельцам все пути и дороги, замкните все пищаля, опутайте все луки, повяжите все ратные оружия; и стрельцы бы из пищалей меня не побивали. В моих узлах сила могуча змеинная сокрыта — от змея двенадцатьглавого»¹⁴.

В старину верили, что некоторые из ратных людей умели заговорами так «завязывать» вражеское оружие, что их не брали ни сабли, ни стрелы, ни пули. Такое мнение сложилось у современников Степана Разина. Вербальные (словесные) формулы заговора не действовали на оружие, однако воинам они внушали храбрость и уверенность в бою.

Усвоенные в ходе традиционного воспитания внушенные мировоззренческие стереотипы ведут к тому, что в состоянии суеверного страха восприятие человека деформируется — это соответствует искаженной психологической установке. В стихотворении А. С. Пушкина «Вурдалак» Ваня на кладбище увидел краснотубого Вурдалака именно потому, что переживал панический страх перед встречей с ним. Обратим внимание на озабоченность Вани необходимостью совершения магических действий, направленных на отвращение зла: «Съест упырь меня совсем, если сам земли могильной я с молитвою не съем». Магические действия, якобы отвращающие зло, сами являются суеверием и обладают самовнушающим эффектом. Например, во избежание сглаза стучат по дереву или плюют через левое плечо. Магическо-охранительные действия имеют фантастический смысл. Плюют именно через левое плечо, потому что, согласно общеевропейскому поверию, с левой стороны заходит дьявол-искуситель,

а с правой — дух-хранитель. По дереву стучат, взывая к Чуру — древнеславянскому духу, охраняющему людей (отсюда заклинание против духов «Чур меня!»).

Для суеверного человека магические действия имеют значение средства регуляции своего психоэмоционального состояния. Постучал по дереву — и достиг душевного равновесия. Ничего здесь сверхъестественного нет, срабатывает механизм самовнушения.

Существуют магии и других назначений: лечебная, промысловая (ритуальные действия для поимки зверя), аграрная (колдовские влияния на урожай), любовная («привораживание» или «присушивающие» избранника, избранницы) и т. д.

В связи с любовной магией вспомним новеллу Проспера Мериме «Кармен». Цыганка Кармен просила солдата, препровождавшего ее в тюрьму:

— Дайте мне убежать... я вам дам кусочек бар мачи, и вас будут любить все женщины.

Бар мача — магнитная руда. По поверию испанских цыган, она «присушивает» (вызывает ответную любовь), если полюбившемуся человеку дать выпить стакан белого вина, в которое натерта щепотка руды.

Специалистами магических обрядов издревле были ведуны, знахари, гадатели, колдуны, шаманы. На более поздних ступенях исторического развития они оттесняются жрецами, священниками, муллами, раввинами и подвергаются жестоким гонениям. Священнослужители тоже прибегали к магическим действиям при молебнах о дожде и урожае, закладке дома и т. п. Многие христианские таинства и сегодня содержат в себе элементы магии. Магической силой, в представлении приверженцев хасидизма — течения в иудаизме, надеялись цадики (святые, праведники), в частности живший на Подолии И. Бешт. Способными к магическим действиям объявляются на уровне слухов и современные знахари, широко использующие внушение.

Вера в силу магических действий на какое-то время успокаивает, снимает напряжение, присущее тревожному ожиданию действительной или мнимой беды. Но подобное утешение иллюзорно, оно уводит от разумного решения проблем, без которых не обходится ни одна жизнь. Временное душевное равновесие достигается, как нам уже известно, внушением, а не изменением тревожащей ситуации.

Суеверия, предрассудки необычайно устойчивы. От них трудно освободиться, так как связаны они не с рассудком, а с внушением. Психофизиологический механизм этого феномена отличается инертностью.

В средневековой Европе суеверия были поводом для массовых психических эпидемий демономании. Бытовало поверие, что все недуги, поражающие человека, причиняются вселившимся в него демоном (дьяволом). Мнимый демон изгонялся экзорцистами — специально назначенными для этого священнослужителями. Проводимые ими при больших стечениях народа обряды сопровождались массовыми истероидными состояниями, экзальтацией собравшихся.

В периоды социальных катаклизмов, военной или эпидемиологической опасности в средневековой Европе вспыхивали неконтролируемые действия толпы, приводившие огромные массы людей в состояние повышенной возбудимости и экзальтированности. Их зачинателями обычно были больные истерией. Затем срабатывал механизм подражания. В условиях всеобщего религиозного воодушевления, которым была отмечена Европа, в экзальтированные действия вовлекались огромные массы людей.

В истории средневековья известны случаи, когда некоторые религиозные центры, за которыми суеверная молва закрепляла славу исцеляющих мест, привлекали к себе толпы больных и здоровых людей среди которых вспыхивали психические эпидемии. Суеверные представления, усиленные суггестивными влияниями, становились основой для вспышек массовых безумий, передававшихся от больных к здоровым.

Пример подобного явления связан с часовней св. Витта в Цаберне (Эльзас), куда в XI—XV веках стекались больные хореей, страдавшие судорогами, напомиравшими движения танца. Суеверная молва, обладавшая огромной силой внушения, срывала с мест людей, жаждавших исцеления от своих недугов.

Тысячи людей бросали работу, оставляли домашние дела, чтобы с песнопениями, криками и возгласами собираться у церквей, на улицах и площадях. Здесь под действием механизма психического заражения, подогреваемого экзальтированными призывами-внушениями клириков, вспыхивали буйства, охватывавшие толпу, в результате чего даже у людей, считавших до того себя здоровыми, начинались судороги,

конвульсии, подергивания, бессвязные выкрики. Вследствие раздувавшегося внушением и подражанием пожара психических эпидемий, похожих чем-то на неистовый танец, их называли из-за этого «пляской святого Витта».

Так, на улицах, площадях и в церквах Аахена в 1374 году мужчины и женщины плясали в диком иступлении. Спустя месяц неистовым, безумным пляскам предались жители Кельна и Меца.

Магия плясок в Италии была названа тарантизмом. Эту болезнь ошибочно объясняли укусом ядовитого паука тарантула, часто встречавшегося в Италии. Магические танцы называли тарантеллами. Согласно поверию они должны были действовать исцеляюще. В наше время тарантелла сохранилась как народный национальный танец Италии.

Разгорались психические эпидемии обычно в местах большого скопления людей — в церквах, монастырях. В 1500 году в бельгийском монастыре эпидемия началась с заболевания долго постившейся монашки. У нее появились галлюцинации, судорожный смех, застывание в различных позах. Болезнь быстро распространилась. Монашки одна за другой «заражались» ею, вплоть до нанесения себе увечий.

В 1610 году вспыхнула эпидемия демономании в Провансе в эском монастыре урсулинок. Большая эпидемия бесоодержимости в 1630 году охватила обитателей монастыря бенедиктинок в Мадриде. Спустя год эпидемия распространилась на обитель урсулинок в Лудене во Франции.

В 1642 году психическая эпидемия овладела монашками в монастыре св. Елисаветы в Лувье. Ее описал богослов, очевидец случившегося. «Монашки обнаруживают во время причастия страшное отвращение к святым дарам, строят им гримасы, показывают язык, плюют на них и богохульствуют с видом ужасного нечестия.

По несколько раз в день ими овладевают сильные припадки бешенства и злобы, во время которых они называют себя демонами. Во время этих припадков они проделывают телом разные судорожные движения и перегибаются назад в виде дуги без помощи рук, так что их тело держится больше на темени, чем на ногах, а вся остальная часть изогнута колесом. Они долго остаются в таком положении и часто вновь

принимают его. Такие кривляния продолжаются иногда в течение четырех часов».

Д. Дидро в своем романе «Монахиня» объяснял такого рода эпидемии ненормальностью быта в монастырях, противоречащего природе человека и насильем над его физиологией. Деформация физиологической и психической деятельности человека делали свое дело.

Психические религиозные эпидемии не щадили и детей. В 1212 году это явление потрясло Западную Европу. Эпидемия проходила под знаменем детского крестового похода. Дети выскакивали из окон, чтобы присоединиться к толпам ровесников, которые шли в Палестину освобождать гроб господен. Они не знали страха перед неизвестностью и не ведали, что ждет их в пути.

В 1669 году эпидемия бесоодержимости овладела малолетними детьми в шведской деревне Мора. Они настойчиво утверждали, что околдованы и связаны с дьяволом. Заблуждение, зародившись у одного ребенка, передавалось другим. Дети в состоянии умопомрачения доносили на своих матерей, будто они ведьмы и ведут своих детей на ночной шабаш. По навету было сожжено 34 взрослых и 15 детей.

Известны случаи, когда очагом психической эпидемии становилась «чудодейственная святыня». Так, в Париже 3 мая 1727 года на кладбище Сен-Менар похоронили дьякона. Перед возложением покойника в гроб, мотальщица шелка потерла о него левую парализованную руку. Возвратившись домой, она стала разматывать шелк обеими руками, так как недуг прошел. Чем объяснить это?

Медицине известны мгновенные внушенные исцеления. Они характерны для больных истерией, у которых заболевание — внушенного происхождения. Несомненно, и у этой женщины паралич был внушенный. Иначе не могло произойти мгновенное восстановление функции руки. Исцеление обязано внушающей вере в лечебную силу совершенных действий.

Исцеление получило большую огласку. На Сен-Менарском кладбище собирались истерические со всего Парижа. Неожиданно у одной из присутствовавших по имени Жанна Фуркруа появились конвульсии. Вскоре они разожгли пожар безумия¹⁵.

Психические религиозные эпидемии не обошли и Россию, хотя и не достигли в ней масштабов Западной Европы. Они заявили о себе в начале XVII века и приняли форму кликушества. Народное поверие связывало заболевание с «порчей», посылаемой колдунами или ведьмами. «Порча» наводилась через пищу или воду, взятых из рук колдуна, через дурной взгляд, проклятие и т. д. Одержимые бились в судорогах, издавали бессмысленные звуки, всхлипывали, подражали голосам животных, икали и выкликивали имена лиц, их испортивших. Выкликивание явилось поводом к тому, что в народе они были названы кликушами. Достаточно было в деревне появиться кликуше, как вскорости их становилось несколько.

Народное поверие о связи кликушества (его еще называли икотницей) с порчей пошло из Перми. В 1606 году властям были поданы челобитные. Два ни в чем не повинных человека обвинялись в напущении икоты на жену и товарища жалобщиков. Обвиняемых пытали и заточили в тюрьму. С этого времени в России кликушество или икотную болезнь начали относить к порче.

Легенды о вселении нечистого духа в человека подкреплялись подчас сказаниями, запечатленными в Ветхом завете и в евангелиях.

Лица, оговоренные в наслании порчи, жестоко карались. По описанию В. М. Бехтерева, эпидемия кликушества, вспыхнувшая в деревне Врачево под Новгородом, прекратилась только после предания костру крестьянки, оговоренной в порче людей. Внушенное поверие явилось причиной начала и конца эпидемии. Это явление талантливо описал Г. Ф. Квитка-Основьяненко в повести «Конотопская ведьма».

Эпидемия кликушества, случившаяся в Московской губернии в 1926 году, описана психиатром Н. П. Бруханским. Эпидемия началась на свадьбе дочери одного крестьянина. Играли свадьбу в доме молодого. Молодых кормили по обычаю в отдельной комнате-коморке, куда никто не должен входить. Пьяный отец обиделся, что дочь его не впускает, и уехал, не простившись. На следующий день отец вспомнил вчерашнюю обиду, начал дочь бранить. Молодая вдруг взвизгнула, упала, стала кричать, визжать, рвать на себе волосы. Вслед за ней в припадке со смехом, чередующимся с плачем, стали «ломаться» две золовки,

а затем другие родственники. Продолжались припад-
ки несколько дней ¹⁶.

В этом эпизоде в один узел связаны невежество, суеверия, порожденное ими кликушество (истерия) со зрительными и слуховыми галлюцинациями. В день свадьбы состояние молодой было аффективным (повышено эмоциональным). Ссора с отцом выводит ее из равновесия. Она разряжается истерическими реакциями, которые видела у кликуши или знает по рассказам. Припадки охватывают поочередно присутствующих как проявление конформности. Решающее значение имели обстановка, социально-бытовые условия и психологические установки в деревенских кругах того времени. Протекало все это, вероятно, на фоне психической неустойчивости с неявными, размытыми признаками истерии.

Вероятно, нашему современнику трудно представить себе невежество людей ушедших поколений, но это так было. Присягая царю Борису Годунову, клялись: «Ни в платье, ни в ином ни в чем лиха никакого не учинити и не испортити, ни зелья лихово, ни коренья не давати... Да и людей своих с ведовством не посылати и ведунов не добывати на государево лико... и наследу ведовским мечтаньем не испортити, и кто такое ведовское дело похочет мыслити или делати... и того поймати» ¹⁷. Ведовство воспринималось вполне серьезно. Сказывалась сила внушенных в ходе воспитания традиций восприятия общественной и духовной жизни.

Массовым истерическим трансом были отмечены молебны в сектантских экстатических общинах. В секте «хлыстов», по описанию Д. Г. Коновалова, коллективный молебен начинался со всхлипывания и слез. «Кое-кто вскрикивает... Все больше и больше наэлектризовываются певцы, кажется, действуют не одним языком, а всем существом своим, и руками, и ногами, и туловищем, приподымаясь и опускаясь — как бы раскачивая себя... Сильнее и сильнее подергивания. Его просто-напросто «трясет». Он не может уже сидеть и привстает, как бы борясь с собой. Его «кидает» в сторону... Стоит выйти одному, как зараза охватит всех, за одним выскакивает другой, третий, четвертый. И все кружатся, прыгают, вертятся на середине в разных направлениях, то по одиночке, то обхватив дру-

гого...»¹⁸. Часто повторяющиеся экстатические состояния ведут к серьезным психическим заболеваниям.

Экстатические состояния отмечаются и во время культовых действий части христиан веры евангельской (пятидесятников), уклоняющихся в нашей стране от принятого порядка регистрации. Говорение на «иноязыках», пророчества, различные галлюцинаторные видения — нередкие явления во время их молитвенных собраний. Такие элементы культовых отправлений вредны для психического здоровья человека.

Религиозный фанатизм нередко был причиной распространения опасных инфекций из-за скопления больших масс людей в так называемых чудотворных местах и исполнения обрядов, противопоказанных в эпидемиологической обстановке.

В старой колониальной Индии в дни религиозного праздника Кумб-Мела, который отмечается раз в 12 лет, миллионы паломников устремлялись к священной реке Ганг. Совершали ритуальные омовения и пили из реки воду. Это неоднократно приводило к вспышкам эпидемии холеры.

В 1831 году эпидемия холеры возникла в Петербурге. Больные отказывались от больниц, родственники их прятали, больницы громили, медицинский персонал и аптекарей убивали. Волнения распространялись на окрестные губернии. Они вошли в историю под названием «холерный бунт».

Знала Россия и «чумной бунт». Во время морового поветрия в 1771 году москвичи скрывали заболевших от карантинных и больниц. Довлел христианский обычай обмывания покойников и обряд последнего целования и проводов до кладбища. Это способствовало распространению эпидемии. Люди искали спасения. Прикладывались к «чудотворной» иконе у Варварских ворот Китай-города.

Среди толпы объявился человек, который сообщил, что во сне ему явилась богородица, сказавшая: «В течение тридцати лет никто не совершал ей молебнов и не ставил свечей. Господь решил в наказание наслать мор». Весть быстро облетела город и еще большие толпы людей устремились к «чудотворной» иконе. Распространение страшной эпидемии ширилось, ежедневно умирало по 400—500 человек. Архиепископ Амвросий был вынужден закрыть доступ к «чудотворной иконе». Доступ закрыли, а вера осталась и даже

укрепилась до такой степени, что стала поводом для «чумного бунта». Конечно, холерный и чумной бунты имели прежде всего глубокие социальные причины. Но для нашего рассмотрения особенно интересны психологические аспекты.

История помнит страшную эпидемию самосожжения, связанную с раскольниковством. И здесь просматривается огромная мощь внушения, очутившаяся в руках религиозных фанатиков.

Для укрепления самодержавия царь Алексей Михайлович рукою патриарха всея Руси Никона в 1653 году провел реформу церкви. Исправлялись богослужебные книги, вносились изменения в культовую практику. В сущности под религиозной оболочкой проводилась политическая акция, направленная на подчинение церкви монархии. В разных слоях общества были недовольные. Оппозицию возглавил протопоп Аввакум. Нововведения воспринимались ею как богопротивная «ересь». Русь заволновалась, пошла по ней смута, названная расколом. Корона и алтарь объединились в жестоком преследовании сторонников старой веры (старообрядцев). Тысячи старообрядцев покрывали огромные расстояния «во спасение от антихриста» в глухих нехоженных лесах и необжитых далях. Их называли «бегунами», «пустынниками» и т. п.

Форму психической эпидемии приняло самосожжение. Десятки людей — стариков и молодых, женщин и детей с пением религиозных псалмов входили в избранное для сожжения деревянное строение, наглухо закрывали за собой дверь, совершали молебен и поджигали строение. В. Д. Бонч-Бруевич писал, что в XVII—XVIII веках самосожжению подвергли себя 20 тысяч старообрядцев. Мученическую смерть они принимали как подвиг, совершаемый ради «спасения души», соединения души «с Христом Иисусом».

Вспомните картину В. И. Сурикова «Боярыня Морозова». В центре полотна — измученная пытками в царских казематах молодая вдова Феодосья Прокófьевна Морозова, активная участница раскола. В крестьянских дровнях, закованная в цепи, она направляется в ссылку в боровскую монастырскую тюрьму. Боярыня высоко взметнула руку с двуперстием — знаменем старообрядчества, призывая столпившийся народ стоять за старую веру. В «Боярыне Морозовой» мы видим, какое сильное внушающее действие на ве-

рующих людей оказывало подвижничество неистовой раскольницы. Под ее воздействием укреплялась вера старообрядцев, закалялась их приверженность старообрядческим обычаям.

В декабре 1896 года до Торгопольских островов, что находятся в устье Днестра, дошел слух о готовящейся Всероссийской переписи населения. Весть приняли с тревогой и негодованием. В народе устоялось поверие, что перепись населения означает пришествие антихриста. Монашка-скитница Виталия посоветовала в знак протеста живьем закопаться всем хутором. И 25 мужчин, женщин и детей добровольно последовали ее совету.

Какова же должна быть внушающая сила слова на фанатически верующих! Отголоски внушаемого в старообрядческой среде фанатизма докатились и до наших дней. В 1982 году газета «Комсомольская правда» сообщила о небольшой семье фанатиков-староверов, найденной геологической группой в таежной горной Хакасии в глухом малодоступном районе Западного Саяна вдалеке от дорог. Более сорока лет «отшельники» были оторваны от мира. В семье Лыковых выросли дети, которые с рождения не видели почти никого, кроме родителей.

Добровольные изгнанники производили впечатление людей допетровских времен, их быт содержал в себе элементы каменного века. Жили в закопченной хижине, освещаемой лучиной. Огонь добывали кресалом. Одеты во много раз латанную домотканую конопляную мешковину. Летом босые, в зимнюю пятидесятиградусную стужу — в обуви из бересты. Не знали сахара и соли. Электричество, радио, спутники были за гранью их понимания. Речь у родившихся в отшельничестве сохранила лексику 300-летней давности. Отношение Лыковых к культуре внешнего мира было во многом негативным, основанным на вековых запретах и внушаемой с детства отчужденности.

Элементы внушения отчетливо просматриваются во многих проявлениях невероисповедной мистики и современной магии, которые расцветают в условиях неудовлетворенности духовных потребностей, тяга человека к таинственному, загадочному порою склоняет его к мистике, к потаенному знанию, которое противопоставит знанию научному. Увлечение мистикой приводит к вере в сверхчувственное общение людей, формирует

установку на непосредственный контакт человека со сверхъестественными силами. Выражается современная мистика не только в традиционных, церковных понятиях. Она вуалируется наукообразностью, жонглирует научной терминологией.

В капиталистическом обществе мистические представления поддерживаются правящими кругами. Для буржуазного мира мистика — один из признаков социальной апатии, морального распада и духовной опустошенности капиталистического общества, ухода от социальной действительности, бегства во внушенные окружением иллюзии.

По данным института Гэллаппа, в США 12 % населения увлекается магией, в стране имеется 300 учебных центров «трансцендентального созерцания», 40 тысяч «ясновидцев» и гадалок. Около 50 миллионов американцев верят в астрологию и приобретают гороскопы у 10 тысяч профессиональных астрологов. Выпускается 30 астрологических журналов, тираж которых превышает 20 миллионов экземпляров. Из 1750 американских газет гороскопы печатают 1200. Американские кружки поклонников дьявола помещают в газетах приглашения на свои шабаши, которые превращаются в оргии.

В Нью-Йорке создана международная ассоциация ведьм и колдовства. Ее члены распространяют самые нелепые суеверия не только с помощью средневекового антуража. Они широко используют ЭВМ, астрономическую и радиотелевизионную аппаратуру и все для того, чтобы средствами внушения привить человеку невежественные, суеверные представления.

Неуверенность в завтрашнем дне, растущая безработица, страх перед угрозой термоядерной войны способствуют распространению в США и в западноевропейских капиталистических странах так называемых нетрадиционных религий мистического, экстатического и спиритического толков. Пастве обещают спасение, духовное обновление, которое якобы можно обрести, не касаясь классовых противоречий. На этой почве возшло «Международное общество сознания Кришны», основанное Ачарья Бхактиведанта Свами Прабхупадой, выходцем из Индии. Он мастерски вводит своих последователей в гипнотическое состояние, обставляя это мистическими ритуалами. Истинное успокоение, учит он, наступает лишь при достижении выс-

шего состояния духа, в котором неземные привязанности преодолены, нет ни желаний, ни страстей¹⁹.

Спекулируя на духовной незрелости части нашей молодежи, удовлетворяя интерес многих людей к овладению техникой медитации, психофизической тренировки, адепты кришнаизма добиваются создания отдельных группок последователей «Международного общества сознания Кришны» и в нашей стране. В практике этих довольно замкнутых группировок огромное внимание уделяется медитации, внушению и самовнушению. В интервью, взятом у бывшего приверженца «общества Кришны», читаем: «Вы бы видели, кто только не появлялся на «киртанах» (ритуальные собрания.— *М. Л.*). Чаще всего просто больные люди. Были желающие, например, установить телепатическую связь с Бабой Ягой... Там все на самовнушении построено и уже не верилось временами, что есть другая жизнь. Сегодня я сам понять не могу, как по призыву «гуру» (духовный учитель из США Роберт Кампаньола, его ритуальное имя Шри Вашнупад.— *М. Л.*) уехал в Абхазию (из Ленинграда.— *М. Л.*) и ждал там начала мировой войны».

На «киртанах» наставники (гуру) внушают введенным в состояние самогипноза слушателям, что истинное успокоение — лишь в отказе от многих обычных человеческих радостей, отрешении от мирской суеты, будущее окажется радостным лишь для овладевших техникой медитации, сливающихся со сверхразумом Кришны. У ряда участников ритуальных сборищ наступали патологические изменения психики, которые проявлялись в уходе в себя, грубости, нетерпимости. Они покидали дом, бросали работу, учебу, целыми днями повторяли мантры (молитвы) «учителя», якобы очищающие ум²⁰. В асоциальном духе сторонники кришнаизма подчас воспитывали детей.

Механизмы внушения отчетливо просматриваются в деятельности новомодных религиозных течений и особенно их руководителей. Например, в сентябре 1986 года в Вильнюсе состоялся судебный процесс над такого рода компанией во главе с Абаем Борубаевым и Мирзой Кымбатмаевым. Они обвинялись в убийстве киноартиста Талгата Нигматулина.

Абай и Мирза не работали, увлекались секретами «мистических откровений», «тайными знаниями», «космическим самопрограммированием». Они объявили

себя «экстрасенсами» и привлекали легковверных большых. Все, что Абай называл биополем, которым якобы он и Мирза одарены, объясняется использованием внушения. Оно осуществлялось во время ритуальных общений, омовений, групповых сексуальных оргий.

Однако легковверными оказались не только большые, но и некоторые ученые. Абай и Мирза сумели войти к ним в доверие и ставили вопрос об организации института по изучению то ли резервных возможностей человека, то ли проблем психорегуляции. Абай возомнил себя будущим директором. Стал именовать себя Великим Учителем, а Мирзу — Великим Дервишем. Но нравственная вседозволенность привела к тому, что они предстали перед судом как уголовники ²¹.

Экстремистские круги используют мистические группировки, существующие под видом «неформальных объединений» для «размывания» советского строя. Поэтому таким важным является разъяснение психологической сущности религиозных верований во всех их проявлениях.

Приверженцы мистических представлений проповедают, что во время экстаза они приобретают способность к «сверхчувственному познанию», слышат «небесные голоса», видят неземные существа, общаются с «посланцами Шамбалы» (мифической страны — хранительницы буддизма) и т. п.

Уход человека в безбрежную мистику располагает его к психическим заболеваниям. В своих попытках обосновать суеверия защитники современного мистицизма стремятся сгладить разницу между реальным и вымышленным. Еще Г. Гегель писал: «Образованный человек не удовлетворяется туманным и неопределенным, а схватывает предметы в их четкой определенности; необразованный же, напротив, неуверенно шатается туда и обратно...» ²². Четкой определенности, логичности, системности мышления иррационализм враждебен. Религиозный вариант иррационализма более чем заслуживает характеристики «христианского скудоумия» ²³. Не будучи способным сыграть положительную роль в познании и практическом переустройстве мира, религиозно-мистический иррационализм оказывается лишним в секуляризованном (свободном от религии) мире. Важнейшей областью его функционирования осталась религия, которая идеалистически объясняет действительность.

Внушение творит „чудеса“

Чудеса — там, где в них верят,
и чем больше верят,
тем чаще они встречаются.

Д. Дидро

Научное объяснение механизма внушения, его влияния на человека позволяет увидеть в истинном свете многое из того, что веками казалось людям таинственным и непостижимым. Человеческому разуму, опирающемуся на научные знания, стало под силу объяснить многие загадочные непознанные явления, которые стали благодатной почвой для развития религии и формирования религиозно-мистического мироощущения. Успехи научного познания позволяют раскрыть сущность явлений, которые в религиозной среде получили название «религиозных чудес». Накопленные наукой данные помогают увидеть важную роль механизма внушения в возникновении веры в сверхъестественное, в так называемые религиозные чудеса.

По религиозным представлениям, чудом обозначаются необыкновенные явления, совершенные по воле сверхъестественных сил, вопреки существующим объективным законам природы. Священнослужители отводят «чудесам» самое почетное место. Вера в сверхъестественное без чуда существовать не может. Она нуждается в зримом, чувственном подкреплении. Чудесами могут быть: редкие явления природы (затмения Солнца, Луны, падение метеоритов, шаровая молния и т. п.) при условии их ложного, произвольного объяснения, так называемые чудесные исцеления (их тенденциозное, ненаучное объяснение), нарочито сфабрикованный обман («обновление икон», «нетленность святых мощей»). Для церкви важно, чтобы человек во все это верил. Слепая, безрассудная вера трансформируясь во внушение, принимается за безоговорочную истину. «Чудесами» религия себя утверждает.

По уверению отцов церкви, бог открывает людям свои истины, творя чудеса, путями, лежащими за пределами научного познания и непостижимыми для человеческого разума. Мнимое чудо преподносится как доказательство существования сверхъестественных

сил, божественной воли. Верующим внушается, что с помощью чуда боги заявляют миру о своем существовании и указывают направление, в каком призвано следовать человечество.

«Чудо», по замыслу священнослужителей, должно будоражить воображение верующих. Их чувства и эмоции, психологическая установка и мировоззрение должны быть подготовлены к восприятию «чуда». Тогда оно становится потребностью. «О чем бы ни молился человек — он молится о чуде. Всякая молитва сводится к следующему: «Великий боже, сделай, чтобы дважды два не было четыре!»¹, — писал И. С. Тургенев. В формировании веры в чудо внушение и самовнушение играют значительную роль.

Наше воображение всегда тянется к еще не постигнутому. Полетом фантазии отмечен современный период научно-технического прогресса. Многих людей увлекает то, что будоражит воображение: так называемые летающие тарелки, Бермудский треугольник, экстрасенсы, «тайны» психики. В каждом взрослом человеке в какой-то степени живет ребенок, жаждущий чуда и верящий в сказку. Человеческая страсть или слабость ко всему сказочному при определенных условиях — питательная среда для религии. «Слабость, — писал К. Маркс, — всегда спасалась верой в чудеса»².

Однако между «чудом» в народной сказке и «божественным чудом» имеется существенная разница. В сказке человек мечтает о лучшем будущем, о покорении стихийных сил, преодолении всяческих трудностей, победе добра и справедливости. Человек труда в сказках всегда выходит победителем, а чудеса, якобы творимые богом, принижают человека, внушают бессилие перед божественной прихотью.

Речениями о чудесах пестрят «священные писания», будто переданные людям божественным откровением. На самом же деле в религиозных книгах запечатлены сказания, легенды, притчи, мифы, страсти, мнения, уклад жизни, нравственные нормы поколений давно минувших эпох.

Ветхий завет (первая часть Библии, принятая иудаизмом и христианством) начинается с «чуда» сотворения мира, на которое понадобилось всего шесть дней. За такой короткий срок бог сотворил землю и небо, отделил сушу от воды, создал солнце и луну,

отделил день от ночи, озеленил землю, заселил ее рыбами, птицами и животными и, наконец, успел даже слепить человека «по образу и подобию своему».

Однако этот ряд «чудес» совершенно противоречит точным научным данным о возникновении Вселенной и жизни в ней. Кроме того, библейские «чудеса», требовавшие безрассудной веры в свою подлинность, противоречат самим устоям человеческого разума.

Известный американский писатель-фантаст А. Азимов совершенно справедливо недоумевает: «...Поскольку бог вечен, этому акту (сотворению мира — М. Л.) предшествовал бесконечно длинный период времени. Чем же бог занимался в течение этого бесконечно длинного периода?» Рассказывают, что когда сей вопрос задали святому Августину, он, негодуя, ответил: «Создавал ад для тех, кто задает подобные вопросы!»³.

Обращен к слепой вере и рассказ о чудесном рождении исламского пророка Мухаммеда. Его рождение якобы было освящено небесным огнем, реки вышли из берегов и во всем мире идола упали с пьедесталов. Родился Мухаммед уже обрезанным. Мудрость его, дескать, божественна, так как в детстве ангел разрезал пророку грудную клетку, вынул сердце, очистил его от скверны, выжал черные капли первородного греха, наполнил небесной мудростью и обратно положил туда, откуда взял. Такова версия, содержащаяся в хадисах — священном предании мусульман.

Не считать «чудес», рассказанных в священных писаниях различных религий. Большинство из них от начала и до конца фантастичны, наивны, не выходят за пределы народных сказок, в которых люди мечтали о благополучии (особенно народ неимущий), бесстрашии, богатырской силе, подчинении природных стихий. Эти народные чаяния отражены в религиозно-мифической форме и в библейских текстах. Тут и уничтожение Илий при помощи молнии отрядов, посланных схватить его; вознесение на небо Илии на огненной колеснице, запряженной огненными конями; рождение Иисуса Христа в результате непорочного зачатия девы Марии; насыщение Иисусом Христом пяти тысяч человек пятью хлебами; хождение Христа пешком по водам и т. д.

В основе всякого чуда лежит внушенная вера. Едва ли не самым распространенным вариантом рели-

гиозного «чуда» есть «чудо исцеления». Сюжетов на эту тему в религиозной литературе великое множество. Их обилие вовсе не говорит об их сверхъестественной природе, скорее эти рассказы свидетельствуют об огромном значении внушающего слова.

Тщательный анализ евангельских источников позволяет увидеть известные науке способы терапевтического внушения в «исцелениях», приписываемых Иисусу Христу. В евангелиях применявшиеся в давние времена приемы психотерапии вложенные в уста Иисуса Христа, мифологизированы и преподнесены как чудо. Так называемые «чудесные исцеления» находят объяснение с точки зрения современной науки и имеют аналоги в практике психотерапевта нашего времени.

Обильный материал для анализа дает Евангелие от Матфея. В писании говорится о том, как приводили к Иисусу всех немощных, одержимых различными болезнями и припадками, и он исцелял их публично (4:24).

«И вот подошел прокаженный и сказал: «Господи! Если хочешь, можешь меня очистить». Иисус, простерши руку, коснулся его и сказал: «Хочу очистить». И он тотчас очистился от проказы» (8:2,3).

«...Принесли к нему расслабленного. ...Тогда говорит расслабленному: встань, возьми постель твою и иди в дом твой. И он встал, взял постель свою и пошел в дом свой» (9:2,6,7).

«...Подошел сотник и просил его: Господи, слуга мой лежит дома в расслаблении и жестоко страдает... скажи только слово и выздоровеет слуга мой. И сказал Иисус сотнику: Иди и, как веровал, да будет тебе. И выздоровел слуга его в тот час» (8:6,7,13).

«Пришел в дом Петров Иисус, увидел тещу его, лежащей в горячке. И коснулся руки ее, и она встала и служила им» (8:14—15).

«...Женщина, двенадцать лет страдавшая кровотечением, подошла сзади, прикоснулась к краю одежды его; ибо она говорила сама себе: если только прикоснусь к одежде его, выздоровею. Иисус же, обратившись и увидев ее, сказал: Дерзай, дочь! Вера твоя спасла тебя. Женщина с того часа стала здорова...» (9:20—22).

«...Слепые приступили к нему. И говорят им Иисус: веруете ли, что я могу это сделать? Они говорят ему,

ей, Господи! Тогда он коснулся глаз их и сказав: по вере вашей да будет вам. И открылись глаза их» (9:28—30).

«...К нему привели многих бесноватых, и он изгнал духов словом и исцелил всех больных» (8:16).

Почти все названные случаи объяснимы с точки зрения современной психотерапии. Такие факты известны в практике народного врачевания, давшего материал авторам Нового завета. Сомнительно только излечение проказы внушением. Заболевание это — инфекционное. Но надо принять во внимание, что в те давние времена, когда составлялась Библия, проказой именовалась большая группа кожных заболеваний, многие из которых ничего общего не имели с этой болезнью.

Сущность такого эффективного врачевания внушением заключена в словах: «вера твоя спасла тебя». А вера — это могучий фактор внушения. Говоря «вера», мы имеем в виду не веру в сверхъестественное чудо, а веру в исцеление, в силу человека, который может избавить от недуга, и чем ярче выражена эта вера, тем успешнее идет лечение.

Выше были описаны больные невротики. Наблюдающиеся у них неврозы успешно поддаются психотерапии и в наше время. В кабинете психотерапевта подобные исцеления привычны и для специалиста выглядят буднично.

Терапевтический эффект в лечении внушением широко используется в современной научной медицине. Метод этот помогает в лечении различных невротических заболеваний и неврозоподобных состояний. Владение им врачом-психотерапевтом снимает покров таинственности с евангельских «чудес» исцеления.

Приведу два примера успешного лечения функциональных заболеваний в наши дни. У меня лечилась девочка, которая потеряла речь при таких обстоятельствах. Мать девочки, преподававшая математику в классе, где училась дочь, как-то предупредила ее, что вызовет к доске первой, и предложила подготовить решение задачи. На уроке учительница изменила свой план, вызвала дочь последней и предложила решить совсем другую задачу. И тут обнаружилось, что девочка потеряла речь.

Как такое могло случиться? Девочка истерического склада, честолюбива, демонстративна в поведении, не

в меру обидчива. Случившееся на уроке для нее было неожиданностью. Длительное время она находилась в состоянии сильного эмоционального напряжения. Когда, наконец, вызвали к доске, снова эмоциональное потрясение — не та задача. И притом, «кто так предал — мать», подумала школьница. От волнения и обиды перехватило дыхание, наступил спазм голосовых связок, появилась мысль: «Не могу говорить». Затем эта мысль всегда предательски появлялась при всякой попытке общения, и девочка не могла произнести ни слова.

Перед нами типичное функциональное заболевание внушенного происхождения у истероидной личности. Авторитарным внушением психотерапевта речь у девочки была восстановлена.

Второй пример. Женщина 36 лет, чертежница, попросила начальника вкрутить лампочку поярче. Начальник находился с ней в конфликтных отношениях, накричал на нее, сказал: «Надо экономить электроэнергию». Тогда женщина сама вкрутила более сильную лампочку, начальник в гневе выкрутил и поставил прежнюю. Крайне взволнованная, она крикнула: «При таком свете я могу ослепнуть!» На фоне сильного эмоционального потрясения слова эти оказали внушающее действие, и женщина перестала видеть. Это тоже случай функционального невротического заболевания, авторитарным внушением зрение было восстановлено.

Оба примера из повседневной практики психотерапевта, и никакого «чуда» они не содержат.

Психотерапия внушением успешно применяется и в лечении некоторых органических заболеваний, которые вызывают структурные изменения тканей. Однако и здесь не происходит чуда. Лечебный эффект достигается за счет повышения активности защитных возможностей организма — активизации иммунобиологических и компенсаторных механизмов.

Сама действительность дает примеры того, как в состоянии эмоционального напряжения потребность в исцелении приобретает исцеляющую силу. Однажды известный танцор Махмуд Эсамбаев, находясь на гастролях в Херсоне, зашел в хореографическое училище, где его познакомили со студентом, который полтора года назад лишился речи. Переходя дорогу, молодой человек попал между двумя грузовыми машинами.

Врачи тщетно лечили парня. Он написал Эсамбаеву записку, в которой спрашивал: «Стоит ли мне танцевать, если я нем?» Танцор ответил: «Безусловно, да, ибо танец — красноречивее слов, его понимают все». Спустя день немой юноша был на концерте Эсамбаева. Во время исполнения «Макумбы» он упал в обморок. Очнувшись в артистической уборной Махмуда, молодой человек, захлебываясь, говорил в течение полутора часов. Многие плакали, увидев, что к нему вернулся дар речи ⁴.

Почему врачи не смогли вылечить парня? Вероятно, причина в том, что они не могли создать такой эмоционально напряженной обстановки, которая потрясла бы воображение юноши. В такой обстановке потребность в исцелении стала внушающим исцеляющим фактором потому, что исчезла сдерживающая психологическая установка: «Ничего из этого не получится». Это характерно для больных истерическим неврозом, которым, очевидно, страдал студент.

На непонимании подлинной сущности случаев исцеления спекулируют священнослужители. Они то и дело толкуют о чудесах. А так как чудеса кто-то должен творить, то наиболее часто их творцами объявляются пророки.

Пророков без «чудес» не бывает. Вот и пошли кружить по миру предания о чудесах, сотворенных Мухаммедом. Тут и солнечное затмение, наступившее по его прихоти, и Луна, севшая на башню священного храма Кааба в Мекке по его повелению, и низкий поклон, отпущенный пророку Луной, и проникновение этого светила в правый рукав его халата и выход через левый.

Кланялись овцы избраннику божьему, деревья и камни встречали его словами: «Благо тебе посланец божий», осел возвещал, что везет на себе величайшего пророка. Одно чудо обгоняет другое.

Надо полагать, что основой для легенд явились галлюцинации, пережитые основателем ислама, судя по всему страдавшему эпилепсией с судорожными припадками и сумеречными расстройствами сознания ⁵.

Многие религиозные «чудеса» основаны на сновидениях (так называемых вещих снах), галлюцинациях или иллюзиях, переживаемых в бодрствовании. Галлюцинаторные видения не так уж редко «посещают» верующих, пребывающих в религиозном экстазе. Во

внушенной галлюцинации им представляется то, что они хотят увидеть и услышать. Зарубежный исследователь Дж. Парт, опросив 1720 верующих, выяснил, что 32,2 % из них слышали голос божий во время молитвы. Массовые галлюцинации, возникающие сразу у многих людей, объясняются общим воодушевлением и повышенной конформностью, которыми особенно было отмечено средневековье. Народ жаждал ободряющих знамений, и люди получали их в своем воображении. Со знамениями галлюцинаторной природы связаны многие «чудеса» святых мест, исцеления в них.

Особенно велика роль самовнушения в возникновении явлений, которые воспринимаются частью верующих как чудо, имеющее сверхъестественный характер. К одним из таких чудес церковники относят стигмы, повреждения на коже, возникающие у страстно верующих с повышенной склонностью к самовнушению, а то и больных истерией.

В XIII столетии в итальянском городке Ассизи, в горах Умбрии, обитал основатель монашеского ордена францисканцев Джованни Бернадонне, известный под именем святого Франциска Ассизского. В 1224 году в церковный праздник страстей Христовых он, размышляя о страданиях Христа, «увидел» шестикрылого серафима с распятием в руке. Когда видение исчезло, у Франциска появились кровоточащие язвы («стигмы Христовы») на местах мнимого пригвождения Иисуса, распятого, согласно евангельской легенде. Слух о «чуде» разнесся в монашеской обители, а затем охватил и всю Италию.

Вскоре стигмы в тех же местах возникли и у других иноков, и при том не только у францисканцев, но и у их соперников — религиозных экстатиков доминиканского монашеского ордена.

В 60—70-х годах XIX столетия подобными стигмами была отмечена Луиза Лотто, дочь бельгийского рабочего из деревни Буа де Булонь. В пятницу, в день распятия Христа по евангельским сказаниям, она переживала религиозный экстаз. Воображение уносило ее на Голгофу, якобы к месту казни «спасителя». В галлюцинациях она видела себя распятой на кресте, на ее руках и ногах, куда по преданию были вбиты гвозди Христу, появлялись кровоточащие раны. Служители церкви преподнесли эти стигмы как чудо. Луизу возили по городам Европы. К ней толпами

устремлялись верующие. Девушкой заинтересовалась Бельгийская академия наук. Для исследования феномена была создана специальная комиссия. Чтобы исключить обман, накануне страстной пятницы на одну из рук Луизы наложили гипсовую повязку и опечатали. Когда в праздник сняли повязку, на руке девушки обнаружили кровоточащую язву.

Аналогичный случай наблюдался и в не столь отдаленное время. В ночь на 28 августа 1935 года недалеко от Львова в религиозный праздник успения богородицы крестьянская девушка Настя Волошина грезила о Христовой руке, прибитой к кресту. Через некоторое время у нее на кисти левой руки появилась рана, как от прокола гвоздем. Церковники преподносили это как великое чудо. Случай расписали в газетах. Девушку поместили в городской госпиталь. Огромные толпы фанатиков тянулись к окнам ее палаты, хотя их плотно занавесили. Любопытно, что некоторые экзальтированные паломники «видели» в окнах божью мать и Иисуса Христа⁶.

Еще ближе к нашему времени по пятницам кровоточащие раны на ладонях, подошвах и на лбу появлялись у баварской крестьянки Терезы Нойман. Она сопереживала страданиям Христа во время казни.

Вот до чего может быть послушно тело мозгу. Вместе с тем это есть доказательство того, что с помощью внушения можно повлиять на процессы, происходящие в нашем организме. Только влиять надо разумно.

С внушением связаны разного рода видения, возникающие во сне и наяву. Обратимся к видениям народной героини Франции легендарной пастушки Жанны д'Арк из Лотарингии. Она была фанатично религиозной, безграмотной девушкой. Не раз под развесистым дубом с жалостью размышляла о тяжелой жизни измученных родителей, односельчан, соотечественников и о несчастной судьбе дофина. С 13 лет ей стали являться видения. Казалось, что видит «богородицу с младенцем Иисусом» на руках и слышит повеление: «Дочь господа, иди, иди, иди — я буду помогать тебе. Иди!».

Однажды перед девушкой явилось облако, из которого донесся голос: «Жанна, небесный царь избрал тебя для спасения Франции...» С этого времени она часто переживала видения. Являлся «архангел Михаил», brave рыцарь, каким он изображался на

иконах. Жанна обнимала и целовала свои видения, ощущала их запах. Позже на суде инквизиции она скажет: «Я видела архангела Михаила и святых, видела собственными глазами. Так же ясно, как вижу вас...»

Воображение Жанны внушает ей, что она божья избранница, спасительница Франции. В 17 лет она добивается аудиенции у короля (дофина) и становится во главе французской освободительной армии. Народ бесконечно верил «божьей избраннице».

Всеми миру известно о блестящих победах, одержанных под предводительством народной героини. Многие оккупированные земли были освобождены, король приведен в Реймс для коронации. Однако сама Орлеанская дева в 19 лет, поруганная, растерзанная, была предана костру инквизицией. Переживавшиеся ею видения в этом случае не спасли ее.

Священнослужители произвольно трактуют зрительные и слуховые галлюцинации, усматривая в них божественные откровения, передачу людям «божественных истин» и божьей воли сверхъестественным способом. Божественные «истины» якобы передаются разного рода знамениями и только людям избранным, облеченным особым доверием (праведники, святые, угодники, священнослужители). Дескать, только они в религиозном экстазе, мистическом «озарении» способны понять волю бога.

За божественные откровения иногда принимаются и так называемые вещие сны, о внушающем эффекте которых уже говорилось. В Евангелии от Матфея рассказывается, как во сне явился Иосифу ангел с вестью, что жена его Мария родит сына, который избавит свой народ от греха. А пережил ли подобный сон Иосиф? Вероятно, нет. Скорее всего это продукт мифотворчества. Уж очень разительны противоречия в Евангелиях, составленных разными авторами. В Евангелии от Луки откровение явилось не Иосифу, а его жене Марии. В Евангелиях от Марка и Иоанна об этом, казалось бы, важном событии совсем не упоминается.

Сновидения, принимаемые под влиянием внушения за божественные откровения, известны во многих религиях. В Коране, священной книге мусульман, сообщается, как Мухаммеду во сне явился ангел, возвестивший о повелении Аллаха быть его посланником на Земле. Сон с его внушающим эффектом определил

всю дальнейшую жизнь Мухаммеда. Он возомнил себя пророком и стал вещать от имени бога. Подобное сновидение опять-таки могло быть у человека, все pomysлы которого поглощены идеей бога, поиска «контакта» с ним.

Широко было разрекламировано так называемое фатимское чудо. В 1917 году в Португалии, в небольшой деревушке Фатиме под Лиссабоном, крестьянской девочке Люсии, пасшей скот, дважды, 13 мая и 13 октября, привиделась богородица с сообщением о пришествии антихриста и предстоящей войне против него людей «доброй веры». Это было в канун Великой Октябрьской социалистической революции в России. Католическая церковь усмотрела в «чуде» призыв к крестовому походу против большевиков во имя обращения русского народа в католическую веру. Католические иерархи использовали «чудо», чтобы внушить народу враждебное отношение небожителей к православию и изменению общественного порядка в России. В 1967 году, в связи с пятидесятилетием «чуда», в Фатиму приезжал папа Павел VI. В наше время по памятным числам в деревне собирается до двух миллионов паломников.

Со знамениями галлюцинаторной природы связаны и многие святыни, которые привлекают к себе тысячи паломников. Наиболее почитаемым в католическом мире является лурдская святыня. Происхождение ее связано с галлюцинациями четырнадцатилетней девочки, пастушки Бернадетты Сабиру. Вырастила ее кормилица. Бернадетта была хилым ребенком, болела астмой. Образование девочки ограничивалось чтением молитвенника. Брат кормилицы, священник, вечером читал вслух фантастические истории о разных видениях, о святой деве, являвшейся в белых одеждах. Все это будоражило воображение девочки. Она часто видела пресвятую деву во сне, иконы в церкви оживали в ее воображении. Однажды Бернадетта со своей младшей сестрой и подругой отправилась собирать валежник. Она не могла угнаться за девочками. Отстав от них, Бернадетта подняла голову и увидела в углублении скалы деву Марию в белом. Вскоре видение исчезло, а затем снова являлось много раз. Однажды во время таких видений голос пресвятой девы приказал: «Иди и скажи священникам, что в этом месте надо построить часовню».

Речь идет, конечно, о внушенных галлюцинациях набожной, ослабленной, истеричной девочки, предававшейся фантазиям, в которых она искала выход из своей психофизической неполноценности. Слух о чудесном явлении распространился по всей Франции и за ее пределами. Служители церкви объявили Бернадетту ясновидящей, видение — чудом, а воды реки Гав — чудотворными.

Тысячные толпы одержимых страстной верой в чудо, изможденных и увечных, взрослых и детей двинулись к гроту. Множеством религиозных атрибутов и ритуалов вера в исцеление умело подстегивалась. За сто лет в Лурде побывало около 50 миллионов человек. Отцы церкви наживались на страданиях паломников, в их карманы потекли огромные деньги.

С так называемым «чудом» связаны и другие католические святыни, привлекающие страждущих. На западе Ирландии в местечке Кнок кому-то из местных жителей так же явилось видение пресвятой девы. Место это объявили священным. К нему устремились паломники. Для исцеления они прикладывали к пораженным частям тела штукатурку от стены церкви, возле которой показалось видение. Надо ли говорить о гигиенической стороне ритуала!

Святые места почитаются во всех религиях. Есть такие и в православии. В них обычно хранятся чудотворные иконы, мощи божьих угодников и т. п. И в наше время некоторые люди, ослепленные верой в чудеса, поддаются обману, паломничают к озеру Светлояр в Горьковской области, вымаливая себе исцеление, несколько раз проползая на коленях вокруг него, к часовне «блаженной Ксении» на Смоленском кладбище в Ленинграде; в Почаевскую в Тернопольской области и Троице-Сергиеву в Загорске лавры.

Паломничество — одно из обязательных требований в исламе. Мусульмане всего мира паломничают — совершают хаджж в Мекку и Медину, к святым местам в Саудовской Аравии, где протекала деятельность «посланника Аллаха» пророка Мухаммеда. Посетивший храм Кааба в Мекке почитается мусульманами человеком благочестивым, почти святым. Он удостоивается почетного титула хаджи. Привезенная из источника, находящегося вблизи святыни, вода именуется священной, будто имеющей целебные свойства.

Наряду с Меккой шииты совершают паломничество к могиле Али на территории Афганистана.

Другие места поклонения мусульман — мазары — освященные легендами и мифами древние сооружения, могильные холмы, кладбища, деревья, камни и т. п. Силой внушения в сознании верующих святые места наделяются целебной силой.

Одной из таких святынь является мазар Гур-и-Эмар в Самарканде на могиле Тамерлана (Тимура) — жестокого, кровожадного эмира, завоевателя и тирана, уничтожившего миллионы людей. В Файзабадском районе Таджикистана находится мазар Ходжа-Хатама, построенный на могиле свирепого феодала, убитого восставшими крестьянами. Вблизи Ферганы особенно почитается мазар Шах-и-Мардан. Верующим внушается, будто в этой могиле также лежит сам Халиф Али, хотя тот никогда не бывал в этом районе.

Репутацией святых чудодейственных мест пользуются и в самом деле целебные источники, например целебные воды Ферганской долины вблизи Джалал-Абада, воды Ходжа Оби-Гарм и многие другие.

В Киргизии мусульмане паломничают в город Ош, к четырехглавой горе Тахт-и-Сулейман, что означает «Трон Соломона». Святыня связана с легендой о пророке Сулеймане, похороненном у подножия горы, на вершине которой будто имеется след его колен. Ош стали называть Меккой неарабских мусульман. К святыне совершают хаджж мусульмане из районов нашей страны, в которых исповедуется ислам (республики Средней Азии, Поволжье, Северный Кавказ, Азербайджан). Бывают мусульмане из Индии и Китая. По представлениям верующих, пришедших на поклон ожидает избавление от недугов, счастье и благополучие в жизни. Три паломничества к Сулейман-горе приравниваются к посещению Мекки и дают право называться «хаджи».

Паломники-буддисты бредут дальними и трудными дорогами в монастырь Потало, расположенный в тибетском городе Лхасе, где ранее проживал Далай-Лама, глава всех буддистов-ламаитов. Паломники поклоняются изображениям буддийских богов и святых, мощам, иконам и статуям буддийских угодников.

Почитаются верующими и гора Алханай в Агинском национальном округе Читинской области и Аршан в Туункинском аймаке Бурятской АССР. Целеб-

ную силу приписывают источникам (аршанам), скалам и камням этих мест. Считается, что, если через небольшое отверстие в скале на склоне Алханая пролезет беременная женщина, то она, таким образом, обеспечит себе благополучные роды. У «святых» мест ищут помощи от бесплодия, хронических болезней и т. д.

Религиозными фанатиками «святыни» нередко превращаются в рассадники мракобесия. Паломничество распаляет религиозные чувства, отвращает верующих от общественно полезной жизни, ослабляет их социальные связи.

Случались ли действительные исцеления у «святынь»? Случались. Без этого не было бы паломничества, и «святыни» быстро бы себя дискредитировали. Но надо ли исцеления относить за счет чуда? Не святые места творят чудеса, а внушение, которым верующий привязывает их к исцелению. И чем более эмоциональна эта связь, тем большая вероятность исцеления. Все сводится к психотерапии. «Святые места» — это факторы, опосредующие внушение.

Поддерживаемая религиозными активистами слава «святыни» — главное условие исцеления паломников. Слава внушает веру, а вера внушает выздоровление. Чем сильнее вера в целебную силу «святыни», тем больше психологическая готовность к ее разрешающему лечебному внушению. По мере приближения паломников к «святыне» растет их уверенность в исцелении. Она подогревается религиозными ритуалами, совершаемыми в пути следования. Паломники становятся готовыми к внушающему воздействию святыни. Как видим, ничего чудесного, сверхъестественного не происходит. Все земное, реальное. Лечит страстная вера в исцеление, искусственно привязанная к «святыне» страждущим. Такую веру можно привязать и к танцу, и к врачу, и к храму.

Если такой веры нет или заболевание требует других методов лечения или сочетания внушения с другими способами воздействия, тогда никакие «святыни» не помогут. Известный швейцарский психоневролог Дюбуа, изучивший в Лурде объемистые фолианты отчетов, пришел к выводу, что случаи исцеления там редки. Многие из них относятся к невропатям, которые могли бы исцелиться так же скоро и хорошо под влиянием иного рода внушения... Он покинул место

поклонения с тяжелым чувством и горьким сознанием, что на заре XX века суеверие еще так живо, как в средние века.

Сейчас, во второй половине XX века, совершенно ясно: причины освобождения от недуга или облегчения состояния в святых местах складываются из воздействия лечебных вод (если они имеются) и страстной (а потому внушающей) веры в исцеление. Организм откликается на внушение мобилизацией защитных средств: повышается иммунобиологическая активность, улучшается кровоснабжение пораженных тканей, приводятся в действие компенсаторные способности и т. д.

Исцеления посредством внушения случаются также у чудотворных икон, если верить в их целебную силу.

Знаменитая французская певица Эдит Пиаф в своих мемуарах «На балу удачи» так описала свое исцеление: «Я верующая! Моя жизнь началась с чуда. В четыре года я заболела конъюнктивитом и ослепла. Жила тогда у бабушки в Нормандии. 15 августа 1919 года эта славная женщина отвезла меня в Лизье, где у алтаря святой Терезии я преклонила колено, молясь своим слабым голосом, чтобы святая вернула мне зрение. Десять дней спустя, 25 августа, в четыре часа дня после полудня я снова стала зрячей».

Бесспорно, потеря зрения носила функциональный истерический характер. Будущая певица воспитывалась у фанатически набожной бабушки. Всем укладом жизни у девочки разогревалось воображение об исцеляющей силе чудотворной иконы. Она была подготовлена к «чуду» выздоровления. Молитва и преклонение перед «святыней» сыграли решающую роль во внушении.

Апостолы религиозного культа предписывают пастве обращаться с молитвой к богу при различных недугах. Вспомним, как в драме А. С. Пушкина «Борис Годунов» монах Пимен врачевал свой сон сотворением молитвы:

...Доныне — если я,
Невольною дремотой обессилен,
Не сотворю молитвы должной к ночи —
Мой старый сон не тих и не безгрешен,
Мне чудятся то шумные пиры,
То ратный стан, то схватки боевые,
Безумные потехи юных лет.

Ну чем не самовнушение! Молитва в данном случае — не что иное, как лечебное самовнушение, аналогичное аутогенной тренировке. И вот что по этому поводу пишет К. К. Платонов: «Аутогенная тренировка — это лечение самовнушением и по своей психологической сути имеет много общего с молитвой»⁷.

Вера в целебное действие молитвы, пусть даже обращенная к вымышленному воображаемому богу, обнадеживает, создает необходимую психологическую установку, эмоциональный настрой, подготовку к внушающему лечебному эффекту. Церковь внушает прихожанам, что при различных недугах следует обращаться с молитвой к святым — специалистам по различным заболеваниям. Беспокоит головная боль — молись Иоанну, глаза лечат многие «специалисты» — святой Никита, Симеон Праведный, казанские святители Гурий и Варсонофий, — вот и обращайся с молитвой к тому, кто больше нравится. Заболели зубы — молись священномученику Антипе, а коль у тебя с желудком неладно — отпускай поклоны Артемию Великомуученику и т. п.

Реальная, отнюдь не религиозная вера, помноженная на силу самовнушения, совершает чудо подлинного исцеления. Воистину внушение творит чудеса. Опираясь именно на эти особенности нашей психики, многие народные врачеватели используют в своей практике элементы внушения.

Однако немало и таких «врачевателей», которые паразитируют на страданиях больных. Больные и подавленные люди покорно подчиняются безапелляционно властным, уверенным действиям невежественных лекарей, выполняя самые нелепые процедуры. Велика здесь роль установки к нетрадиционным способам лечения. Так, в подмосковном городе Люберцы группа шарлатанов изговляла из шелка и атласа «охранные пояса», якобы спасающие от всех болезней. Немало нашлось людей, падких на эту приманку. За короткий срок было продано 12 тысяч поясов⁸.

Как тут не вспомнить немецкого гуманиста-демократа Себастьяна Бранта, который в конце XV века в сатирической поэме «Корабль дураков» писал:

Глуп, кто врача позвал, но сразу
Врачебному не вняв наказу,
Идет, поверив ложным слухам,
К невеждам — знахарям-старухам,

А те травой и наговором
и прочим ворожейным вздором
Его отправят прямо в ад,
В чем сам он будет виноват.
Всеми готов поверить тот,
Кто излечиться страшно ждет,
А глупых суеверий зло
Чрезмерно ныне возросло.

Эти слова актуальны и в наше просвещенное время. Нередко даже культурные, образованные люди, которых постиг трудно излечимый недуг, ждут воображаемого защитника. Они легко верят всему, что несет в себе хотя бы призрачную надежду на выздоровление. Такие больные становятся суеверными и часто попадают в руки невежественных врачей-телей.

Когда человек страдает, он порою не выбирает средств, чтобы избавиться от недуга. Желание выздороветь сильнее убеждений и недоверия: «А вдруг...» Длительно болеющий хроническим заболеванием, плохо поддающимся лечению, готов поверить во что угодно. Я как-то задал пациенту-педагогу вопрос: «Как это Вы, образованный человек, доверились неграмотной бабке?» Через некоторое время он ответил мне стихами, в которых говорилось, что в подобных случаях человек готов призвать на помощь и любых богов, и дьявола.

Клиентуру самозванных психотерапевтов составляют «зависимые личности». Они становятся жертвой властного шарлатанства. Самозванные лекари овладевают воображением страждущих. Болезнь запускается, теряется драгоценное время. Сколько людей оказалось жертвами врачующих невежд. К примеру, больная В. явилась с жалобами на боли в различных частях тела, озноб, исхудание, внутреннее напряжение и др. Она говорила: «Меня не покидает мысль, вроде кому-то нужна моя жертва. Заболела год назад после того, как сильно перенервничала. По совету соседки обратилась к бабке, которая дала священную воду, что-то нашептала, велела пить и умываться ею. Три месяца ездила к ней, улучшения не наступало. Стала худеть, на теле по ночам появляются синие пятна. Бабка говорила, что это прилетают нечистые и сосут кровь. Она как бы приносит меня в жертву. Я боюсь ее, мне кажется, что она мне что-то делает».

Требуются ли комментарии! Пришлось приложить много усилий, чтобы улучшить психическое и физическое состояние этой 35-летней женщины.

Другая больная рассказывала, что когда болела инфекционным гепатитом (вирусное заболевание печени), мать по совету бабки-знахарки положила ей в кисель две вши. Омерзительно, но еще более преступно!

Противопоставить этому можно лишь повышение качества медицинского обслуживания, уровня мировоззренческой культуры населения, а главное — развитие сети психотерапевтических учреждений, их максимальная доступность для всех нуждающихся.

Хочется сказать еще и о такой стороне психотерапии, как соотношение субъективного состояния с объективными телесными показателями. После «подворотного» врачевания больной чувствует улучшение своего состояния, а объективные, лабораторные и инструментальные исследования (электрокардиограмма, жизненная емкость легких, артериальное давление, картина крови и т. д.) не показывают улучшения, бывает даже, что выявляют ухудшение в физическом состоянии. Рассогласование случается и во врачебной практике психотерапевта. В процессе лечения пациент себя чувствует хорошо, а в то же время объективные показатели болезни остаются прежними.

В лечении таких больных необходимо сочетать психотерапию с медикаментозными средствами. Одной психотерапии в ряде случаев мало. Лекари-чародеи же довольствуются самочувствием больного. Этого недостаточно. При хорошем самочувствии может наступить и печальный исход.

Для избежания подобных последствий необходимо дифференцировать, какое заболевание у больного: невротическое или телесное, учесть субъективные и телесные показатели результата лечения и соответственно менять врачебную тактику. Все это по плечу лишь врачу-специалисту. Самозванным лекарям с такими задачами не справиться. Под руководством врачей-психотерапевтов, действующих в союзе с представителями других медицинских специальностей, можно добиться коренного улучшения здоровья, не прибегая ни к чему сверхъестественному.

В какую веру верить

Нужно верить в свои собственные силы.

В. И. Ленин

С понятием «вера» мы так свыклись, что порою не задумываемся над его содержанием. Многие считают, что оно имеет отношение только к религии. Однако достаточно одного прикосновения мысли и тут же возникают вопросы. Что есть вера? Почему она существует? Какие нити связывают ее с внушением? Совместима ли она со знанием? Нельзя ли заменить веру знанием?

С понятием веры связан очень широкий круг явлений духовной жизни. Применительно к области религиозного сознания известный советский этнограф Л. Я. Штернберг писал, что нужно такое определение веры, которое «одинаково подходило бы к верованию самоеда и к верованию финикиян, сжигавших на костре своих детей в угоду божеству, и к верованиям вавилонян, посылавших в храм Астарты своих дочерей и жен prostituироваться, отдаваясь первому встречному чужеземцу, и к религии христианина, которая требует, чтобы люди полагали жизнь свою за ближнего, и к религии буддизма...»¹.

Однако действие веры как психологического феномена отнюдь не исчерпывается религиозной сферой. Она охватывает и разные стороны духовной жизни человека, не связанные с религией. В этих случаях мы говорим о вере безрелигиозной или нерелигиозной.

При различной мировоззренческой направленности и гносеологическом содержании этих двух разновидностей веры общим для них является единый психофизиологический механизм ее функционирования. В таком случае, что есть вера? Вера — это признание чего-либо истинным без достаточных на то оснований.

Вера проявляет себя в восприятии социальной информации, идеалов, норм поведения или других личностных или общественных ценностей без предварительной проверки их собственным опытом, как очевидных фактов и характеристик действительности. В этом смысле вера играет важнейшую роль в освоении человеком опыта предыдущих поколений, приобщении

к существующей общественной системе культуры, в предвидении и переживании возможного будущего как реально осуществимого.

Как пишет академик, член-корреспондент АН СССР В. И. Шинкарук, вера «обнаруживается в восприятии вероятностно истинных знаний как достоверных в той ситуации, когда нам нужно решить жизненно важные дела, а достоверного знания у нас нет и еще не может быть»². С познавательной точки зрения «воображаемая реальность как объект веры не обязательно является фантастической, иллюзорной. Она может быть истинной, но еще не проверенной»³. Как психологический феномен «вера есть психологическая установка на восприятие воображаемой реальности как действительной, вероятности истинного знания как достоверного»⁴.

Направленность и социальные функции веры определяются прежде всего мировоззрением, в котором она функционирует. В религии вера обеспечивает распространение в обществе антинаучных религиозных представлений, тянется к ложному, иллюзорному, сверхъестественному восприятию мира. Религиозная вера противостоит научным знаниям. Например, в Библии читаем: «Вера же есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом... Верою познаем, что веки устроены словом божьим, так что из невидимого произошло видимое» (Евр. 11:1,3). Внушается человеку вера в иллюзорный, вымышленный, к тому же не постижимый разумом мир. Вера в могущество бога лишает человека права быть хозяином своей жизни. Зачем задумываться над вопросами «Отчего?», «Почему?», когда все объясняется божьей волей. Не нужно думать, не следует рассуждать, верь да и только. Религиозная вера — это превратная форма веры. Она не вооружает, а скорее обезоруживает, обессиливает человека.

По мнению Д. М. Угриновича, вера присутствует в сознании людей в том случае, когда ее предмет в чем-то ложен, иллюзорен (религиозная вера) или в чем-то гипотетичен, не вполне доказан либо обращен в будущее. С верой мы соприкасаемся также, принимая информацию, не проверив ее опытом, так сказать «на веру». «Берите эти туфли, им сносу не будет», — предлагает продавец. Покупатель, поверив, оплачивает товар. А не преувеличивает ли продавец? Значит

в вере имеется какая-то доля неопределенности, недоказанности.

Вера выражает эмоционально-чувственное отношение к предмету веры. Поэтому она несет в себе заряд эмоций и чувств. Дефицит знаний восполняется эмоциональным воображением, фантазией, субъективным, личностным отношением к предмету веры. Но функции веры не только в доопытном знании. Она обеспечивает также обретение устойчивости психологического мира человека. Нужны еще утешающие, обнадеживающие, зовущие к новым свершениям чувства, которые пробуждаются верой. Так, солдаты во время Великой Отечественной войны облегчали душу, когда в редкие часы отдыха пели песни, в которых воплощена вера в своих подруг, оставленных дома в тылу. Подруги, друзья, дом родной — это частица емкого понятия — Родина. Вера в правое дело звала на подвиг, мобилизовывала резервные психические и физические возможности организма, помогала преодолеть страх смерти, которая была рядом.

Вера в исцеление помогает преодолеть тяжелый недуг. Она мобилизует защитные свойства организма. Американский писатель Норман Казинс болел коллагенозом, почти не поддающимся лечению. Спасла его бесконечная вера в выздоровление. «Надежда, вера, любовь, бодрость духа, чувство юмора, потребность верить, способность дурачиться — не сомневаюсь в том, что обладают лечебной ценностью», — писал он о себе в повести «Врачующее сердце»⁵. Стабилизация состояния иногда наблюдается даже у больных, пораженных рассеянным склерозом, но твердо верящих в выздоровление и борющихся за него.

Упоминавшийся выше Шарко издал книгу, которая так и называется «Лечение верой». «Веру в исцеление следует внушать пациенту», — так сказано в одной из древних заповедей врачевания. «Кто не верит, тот не может рассчитывать на лечение верой»⁶, — утверждал В. М. Бехтерев. Лечение верой есть в конечном счете лечение внушением. А внушение предполагает веру в него. И ничего сверхъестественного здесь нет.

Теперь вникнем в слова А. Бомбара: «Чтобы добиться победы, нужно в нее верить». Вероятно, каждый с этим согласится. Между тем в приведенном утверждении «вера» ничего общего с религией не имеет. В этой вере нет фантазии, связанной с ложными

сверхъестественными силами. Здесь вера выражает эмоциональное отношение автора к трудностям на пути к достижению цели. И тут никак не заменить веру знанием, даже самым истинным.

Всякая вера субъективна, поскольку она выражает эмоциональное, чувственное отношение к предмету веры. Каждый воспринимает его по-своему, индивидуально, в зависимости от своих личностных особенностей. В религиозной вере ее субъективный характер может проявляться, скажем, в разном отношении к Иисусу Христу. И. Н. Альтшуллер, личный врач Л. Н. Толстого, в воспоминаниях о гениальном писателе писал, что в 1881 году Толстой хотел передать с обер-прокурором Синода К. П. Победоносцевым письмо Александру III с просьбой не казнить участников покушения на жизнь Александра II. Победоносцев отказался выполнить поручение, сказав: «Ваш Христос полон любви и смирения, мой — силы и власти». Вот как по-разному воспринимался Христос великим Толстым и мракобесом Победоносцевым — двумя верующими людьми, но сколь различной была их вера! Вернее, глубоко различно ее содержание.

Психологический механизм религиозной и нерелигиозной веры по существу один и тот же. Принципиальное же различие между ними состоит в том, что религиозная вера опирается на чудо — уникальное и неповторимое, потому она непроверяема. Вера же нерелигиозная проверки опытом не боится, ее положения всегда могут быть проверены. В самом деле — знание в ряде случаев — лишь плод веры в свидетельство других людей. Например, я верю, что стрихнин, примененный в определенной дозе, смертелен для человека, хотя сам я этого не наблюдал. Тем не менее, доверяя свидетельству специалистов-токсикологов, я не соглашусь принять большую дозу этого препарата.

Многое, известное нам, основано на вере либо в устное, либо в печатное свидетельство других людей, потому что сами мы ничего из этого лично не проверяли и не пережили. Но мы можем проверить и в принципе пережить! К примеру, я в деталях не знаю устройства синхрофазотрона или «Токамака». Но я верю, что эти установки — не какие-то мистификации заинтересованных в заработке инженеров и физиков, что они действительно работают и приводят к нужным людям результатам. Однако я в принципе

могу изучить соответствующую литературу, поступить и закончить университет и на практике проверить, действительно ли и каким образом работают синхротрон и «Токамак». Такая вера проверяема!

Религиозная же вера с проверкой опытным путем несовместима. Она требует только нерассуждающего эмоционального принятия ее постулатов и аксиом.

Вера, опираясь на достижения науки, выступает как наиболее простой, краткий путь овладения истинными знаниями. Такая вера становится важнейшим элементом формирования коммунистических убеждений, верой в неизбежность научно предсказанного марксизмом-ленинизмом коммунистического будущего, в торжество социальной справедливости, в светлое мирное будущее человечества.

Феномен веры существовал еще на заре человечества, когда человек не всегда мог отделить желаемое от действительного. В конечном счете «желание есть потребность, чтобы что-нибудь было, чего нет; сила воображения представляет это человеку как существующее»⁷. А ведь переживание желаемого как существующего есть проявление внушения. Нам уже приходилось с этим встречаться. Вера возникает вместе с человеческим сознанием до религии и вне религии. Богословы же возникновения веры всегда связывали с религией. В первобытном обществе человек выстоял и развился в борьбе с враждебными силами природы не потому, что верил в божественность этих сил, а наоборот, потому, что верил в свои силы, в силы своего рода, племени, позже — народа.

И сегодня вера оказывает влияние на повседневную жизнь человека, так как выражает его личностные интересы. Этим вера отличается от знания. Последнее может не затрагивать личностных интересов и не всегда имеет эмоциональные проявления. Знание не сказывается на образе жизни человека, если оно для него не представляет интереса.

Вот мы и подошли к проблеме отношения веры к знанию и знания к вере. Как раз здесь религиозная и нерелигиозная вера расходятся в разные стороны. Это закономерно, потому что знание — это проверенный практикой результат познания действительности, верное ее отражение в мышлении человека. Подлинное знание утверждает истину и отвергает ложь.

Религиозная вера в ее сущностных проявлениях, вытекает не из научных знаний. Она обращена к воображаемому сверхъестественному миру, который не следует законам природы, не подлежит проверке опытом и находится вне сферы прямого или опосредованного чувственного восприятия. Вера в сверхъестественное — специфический признак религиозного сознания. Она якобы дарована богом.

Живущая в воображении верующего сверхъестественная сущность выступает как нечто даже более реальное, чем окружающий мир. В нее глубоко верят, с нею ведут разговор, ей поверяют самые сокровенные стороны жизни, надеются на ее милость.

Вероучения предписывают не искать конечных вероучительных истин в доводах разума. Глубинная истина ему якобы неподвластна, ибо дается верой: «Знаю, что это так, ибо верую, что так».

Предмет религиозной веры существует за пределами материального мира, в сфере иллюзорного сознания, порожденного неадекватным отражением действительности, сил, господствующих над человеком. Подобная вера не восполняет недостающее знание воображением, а воплощается в яркие, эмоционально окрашенные фантазии, иллюзии *credo non quod sed quia absurdum* (верую, потому что абсурдно), что означает принесение интеллекта в жертву слепой вере. Так определил сущность религиозной веры на заре становления христианства один из отцов церкви Тертуллиан (II—III век н. э.).

Религия противопоставляет слепую веру разуму, утверждает господство веры. «Достоинство веры состоит в том, чтобы свернуть шею разуму, этой блуднице дьявола», — писал Мартин Лютер.

Религия не создала веру как психологический феномен. Она лишь использует в своих интересах этот присущий людям естественный психологический механизм, направив его на утверждение фантастическо-догматического содержания.

В процессе познания окружающей действительности человек в отдельных ситуациях использует механизм веры как переживание (допущение) возможного будущего.

Религиозная вера порою наукообразна и создает видимость знания. В 1654 году архиепископ Ушер Ирландский в Кембридже подсчитал, что бог сотворил

человека ровно в 9 часов утра 23 октября 4004 года до рождения Христова. Простим служителю церкви за авантюризм, он был верен богу. Столетием позже один из действительных членов Академии наук Франции пришел к выводу, что рост Адама 37 метров 73 сантиметра, а Евы чуть меньше 36 метров 19,5 сантиметров. Удивительная точность!⁸ Надо ли доказывать несерьезность такой «науки». Но верили, безрассудно верили!

Пробелы знания восполняются гипотезой (предположением), которая подлежит проверке опытом и содержит в себе элемент безрелигиозной веры. Особенность такой веры заключается в том, что она не инертна, а исчезает вместе с неподтвердившейся и отброшенной гипотезой.

Нерелигиозной вере не чужды сомнения. Они разрешаются опытным путем, практической и теоретической проверкой гипотезы. Приобретению научных знаний содействует вера в успех. Она выполняет функцию катализатора научного поиска. Например, медик говорит: «Я верю, что в будущем активная жизнь человека будет продолжительнее, чем сейчас».

Такая вера опирается на знание ранее исследованных биологических и социальных причин старения человеческого организма, на исторический опыт, который показывает, что продолжительность жизни современного человека увеличивается по сравнению с минувшими столетиями.

А почему бы уже сегодня не увеличить продолжительность активной жизни человека? Для этого имеющиеся знания недостаточны, надо продолжить поиск. Путь к поиску освещается верой в успех. Вера ученому необходима, она его воодушевляет. «Наука невозможна без веры,— писал основатель кибернетики Норберт Винер.— Под этим я не имею в виду, что вера, от которой зависят науки, является по своей природе религиозной или влечет за собой принятие каких-либо догм обычных религиозных верований. Однако без веры, что природа подчинена законам, не может быть никакой науки»⁹.

В процессе обучения каждый человек воспринимает знания или их часть на веру. Это в значительной степени сокращает путь овладения ими. Приобретенная без проверки опытом информация закрепляется внушением. Ведь внушение и вера, как мы помним,

неразлучны. Чем с большим интересом воспринимается информация, тем прочнее она закрепляется. Этому способствуют опять-таки эмоции, вечные спутники внушения. Чем меньше исходных знаний, тем большая доля участия в обучении внушающей веры и тем больше ограничено критическое мышление. И снова-таки эта вера проверяема, ибо основана на знании закономерного развития действительности.

Принципиально различный подход к противоположным типам вер входит в число критериев, разделяющих науку и религию. Вот как К. Маркс обрисовал разделяющую их пропасть: «Вы обращаетесь к чувству, она обращается к разуму; вы проклинаете, она учит; вы обещаете небо и весь мир, она не обещает ничего, кроме истины; вы требуете веры в вашу веру, она не требует веры в свои выводы, она требует проверки сомнений; вы пугаете, она успокаивает»¹⁰.

Между различными проявлениями религиозной и нерелигиозной веры в минувшие эпохи наблюдалось сложное взаимодействие, происходившее в сознании ученых, которые исповедовали религиозную веру. Так, ассиро-вавилонские и египетские жрецы были первыми астрономами и творцами первых календарей. Католический священник Николай Коперник обосновал гелиоцентрическую систему мира, согласно которой планеты вращаются вокруг Солнца и вокруг своей оси, вступив в единоборство со сторонниками системы Птолемея, в которой Земля — центр мироздания.

Попытки совмещения столь разных убеждений были наказуемы церковными властями — блюстителями чистоты религиозной веры. Коперник избежал костра только потому, что опубликовал свой труд в конце жизни. В пламени костра погиб его продолжатель монах-доминиканец Джордано Бруно, выдвинувший идею о бесконечности и множественности миров во Вселенной. Иезуит Анджело Секки, иностранный член-корреспондент Петербургской академии наук, становится основателем астрофизики.

Убежденный католик Томас Мор — один из основоположников утопического коммунизма — в произведении «Утопия» описал вымышленный остров, где отсутствует частная собственность, обобществлены средства производства и быта, труд является обязанностью всех, блага распределяются по потребности. Творца «Утопии» судили. В приговоре было записано: «...вла-

чить по земле через все лондонские Сити в Тайберн, там повесить его так, чтобы замучить до полусмерти, снять с петли, пока он еще не умер, оскопить, вспороть живот, вырвать и сжечь внутренности. Затем четвертовать его и прибить по одной четверти тела над четырьмя воротами Сити, а голову выставить на лондонском мосту»¹¹. Король Генрих VIII «милостиво» заменил Т. Мору мучительную казнь отсечением головы.

В Москве, в Александровском саду, недалеко от Кремлевской стены стоит серый гранитный обелиск. В 1918 году по предложению В. И. Ленина на камне были высечены имена выдающихся мыслителей и революционеров, борцов за освобождение человечества от гнета, бесправия и эксплуатации. Рядом с именами основоположников научного коммунизма К. Маркса и Ф. Энгельса начертаны имена коммунистов-утопистов. Среди них — имя Томаса Мора.

Свободомыслящий монах-доминиканец Томмазо Кампанелла участвовал в заговоре против испанского владычества в Калабрии. Еретика заточили за толстые стены тюремных казематов, истязали изощренными пытками — сажали на кол, медленно входивший в тело. Двадцать семь лет провел он в заключении. Там измученный и истерзанный фрай Томмазо написал необыкновенную книгу «Город Солнца», в которой изобразил идеальное общество будущего. В нем установлено всеобщее равенство, нет частной собственности, все испытывают радость всеобщего труда.

Мятежный священник Томас Мюнцер проповедовал идеи насильственного ниспровержения феодального строя, передачи власти народу и установления общества без эксплуататоров и частной собственности. В 1525 году он возглавил крестьянскую войну в Германии.

Итак, в деятельности упомянутых выше вольнодумцев-бунтарей мы наблюдаем своеобразное взаимодействие религиозно и нерелигиозно ориентированной веры, которое возникло на основе социальных учений.

Во времена подъема светской культуры, в эпоху расцвета естествознания усиливается противоборство устоев религиозной веры с элементами объективно истинных знаний, накопленных наукой. Гениальный английский физик и математик Исаак Ньютон в трактате «Математические принципы философии природы» обосновал понятия классической механики и закон

всемирного тяготения, предложил теорию движения небесных тел, создал первую научную механическую картину мира. Вместе с тем Ньютон писал богословские трактаты, причину появления мира видел в «первом толчке», объективно «запретив» богу, по выражению Ф. Энгельса, «всякое дальнейшее вмешательство в свою солнечную систему»¹².

Шведский натуралист Карл Линней в 1735 году издал труд «Система природы». Впервые в нем была сделана попытка дать научную классификацию животного мира. На вершине Линней поставил человека, которого отнес к *Homo sapiens* (человек разумный). Мы и сейчас так именуем человека. Однако автор не переставал утверждать богоугодную мысль, что «существует столько видов, сколько бог создал их в самом начале».

Гениальный французский мыслитель и исследователь Блез Паскаль в XVII веке блестяще проявил себя в математике, физике, философии и публицистике. Между тем он метался между верой и неверием. Он был отшельником монастыря Пор Рояль, умерщвляя плоть, нося на голом теле пояс с шипами, на груди хранил ладанку с зашитой молитвой, которую написал во время религиозного экстаза. Полным отшельником Паскаль не стал, часто покидал келью и подолгу проживал в своем парижском доме¹³. Однако религиозная вера навсегда отвратила его от научных опытов.

На вопрос, как совмещаются подчас эпохальные открытия с религиозной верой, отвечу словами писателя В. Тендрякова: «Можно критически мыслить в какой-нибудь одной области жизни, не признавать в ее границах никаких догм и в то же время догматически слепо верить там, где заповедная область кончается»¹⁴. Но если в сфере своей науки верующие естествоиспытатели руководствуются знаниями, используют опыт и силу разума, то выходя в сферу мировоззренческую, они действуют как дилетанты, опираются на веру, религиозно-мистические или философско-идеалистические установки, внушенные окружением.

Нам остается разобраться, в каких отношениях находятся вера и внушение. Оба эти феномена неразделимы. Вера — главное условие внушения. Без нее внушение не состоится. Вместе с тем сформированная

и укрепленная вера становится результатом, итогом внушения.

Во внушении вера выступает как выражение психологической установки, повышения внушаемости, готовности принять внушаемое. Мы уже знаем, что внушение не состоит и без воображения, трансформируемого во внушение при наличии располагающей психологической установки, выражением которой является вера.

Вере принадлежит еще одна функция. Она сама становится источником внушения. Вера содержательна, всегда верят во что-то. Ее содержание будоражит воображение и притом до степени, когда воображаемое принимается как реальное.

Поскольку внушение играет значительную роль в мироощущении верующего, объекты фантазии воспринимаются им как реальность. Этим и порождаются «откровения», иллюзии, галлюцинации, стигмы и т. п. Религиозная вера психологически инертна, от нее трудно освободиться, она удерживается вопреки разуму.

Как объяснить такую психологическую устойчивость? Попробуем разобраться с помощью схемы (рис. 4). На ней показано, что чувство страха (не важно изначального или вторичного), овладевшее человеком, порождает веру. Показано это стрелкой, идущей от страха к вере. Вера располагает к внушению и сама становится его источником. Дальше стрелка ведет от веры к внушению. Внушение содержит в себе страх перед божьим наказанием. Теперь стрелка ведет от внушения к страху. Цепь замкнулась. Образовалась замкнутая система с положительными обратными связями, сама себя подкрепляющая, сама себя поддерживающая. Такая система отличается прочностью; ее трудно разрушить.

Рис. 4. Схема, поясняющая устойчивость религиозной веры

Суть дела не меняется, если религиозность подпитывается положительными чувствами. Надо еще учесть, что религиозная психология у большинства людей формируется в детском возрасте, когда внушаемость особенно высока и закрепляется укладом жизни родителей и семейными традициями. Собственных убеждений еще нет, господствует механизм подражания. От семейных традиций, привычек, привитых в детстве, освободиться трудно. Эмоциональная память устойчивее памяти рассудочной.

Вера безрелигиозная не организует замкнутой системы психофизиологических механизмов поведения, поскольку не порождена страхом и не побуждает к нему. Стало быть, психофизиологическая архитектура религиозной и нерелигиозной веры не полностью одинаковы. Элемент страха накладывает на религиозную веру печать инертности. Освободиться от нее труднее, чем от веры нерелигиозной.

Вера может выступать в роли психологической защиты. В одной из книг для «душеполезного чтения» рассказывалась такая притча: «Однажды священник обратился к прихожанам. Предположим, дети мои, бог заточил грешника в середину стального шара, в сто раз большего, чем Земля. Предположим, что раз в тысячу лет будет пролетать ласточка, касаясь шара своим крылом, и что грешник сможет освободиться, когда это легкое прикосновение продырявит шар... Воистину, дети мои, человек этот уже не обречен, ибо ему внушается надежда».

Все в этой притче невероятно, эфемерно — и прилет ласточки в течение оставшейся жизни грешника, и возможность крылом продырявить стальной шар, и притом в достижимом для заключенного отдалении. Реальна лишь вера в благоприятный исход, надежда, а вдруг повезет... Вера, пусть даже ложная, не дает надежде угаснуть. Человек думает не о смерти, а о жизни, цепляясь во имя нее даже за иллюзорное изображение. В этом величие человека — сознавая свою смертность, думать о жизни. Вера, надежда умножают силы в критических условиях жизни. Человек со всем может расстаться, только не с надеждой. Если нет надежды реальной, она существует как надежда внушенная.

Людям свойственно надеяться на лучшее. Но надеяться без веры в предмет надежды нелепо. Без веры

нет надежды, ослабевают воля. Вера выступает, следовательно, как средство психологической защиты. Это хорошо известно священникам. В состоянии душевного кризиса они преподносят человеку веру религиозную.

Любая религия касается самой чувствительной, самой отзывчивой струны человеческого бытия — вопроса о смысле жизни и смерти. «Зачем я живу? А что останется после моей смерти?» — это непреходящие вопросы человечества.

Божьи служители внушают пастве веру в бессмертие души и в загробное воздаяние. И все-таки идея бессмертия не принадлежит религии. Она только манипулирует верой, существующей в воображении людей как механизм психологической защиты от страха смерти. Сколько бы ни жил человек, в каком бы физическом состоянии ни находился — все его помыслы устремлены к жизни. Жизнеутверждающую веру, присущую человеку, религия взяла на вооружение.

Христианство хитро разделило человека на две субстанции: бессмертную божественную душу и тленную телесную оболочку — вместилище души. Бессмертие человека провозглашается как бессмертие души, которая продолжает существовать в потустороннем мире — в раю или аду, в зависимости от заслуг человека на земле.

Миф о бессмертной душе находится в центре христианской мифологии. Все нравственные нормы соотносятся со спасением души от греха. Вера в бессмертие обнадеживает верующего, дает иллюзорную надежду, которую можно охарактеризовать словами французского баснописца Ж. де Лафонтена: «Издали — это нечто, а вблизи ничто!»

Подлинным бессмертием становится лишь в социальном смысле. Смерть не обесценивает земную жизнь, как это пытаются внушить верующим священнослужители. Напротив, жизнь приобретает особую ценность в плодотворной деятельности человека во имя блага других людей. Поэтому истинное бессмертие — в делах человека, оставляющего свой достойный след на земле. Смысл жизни выходит за ее биологические пределы и обретается в прогрессивном служении человека обществу. Обратимся к раздумьям двух советских писателей Бориса Никольского и Юрия Бондарева над извечными вопросами о смертности человека.

В романе «Формула памяти» Никольский рассуждает так: «Природа... наградила человека сознанием, разумом и одновременно наградила его пониманием своей смертности, пониманием быстротечности жизни, знанием неминуемого ухода своих близких в небытие. Это ли не самая жестокая пытка?»¹⁵. Автор упускает из виду, что природа наградила человека спасительным средством — психологической защитой — размышлять о жизни, а не о смерти, отодвигать в воображении неизбежный конец и стремиться полностью раскрыть свои возможности. Человек ведет себя, словно он бессмертен, и находит в том силы и оправдание. Без этой веры жизнь была бы мрачной, человека не покидал бы страх смерти. Более ужасного страха не бывает.

Эту мысль талантливо отобразил и Ю. Бондарев в повести «Игра». «Да, самая правдивая правда становится бессмысленной, если исчезает ложь, кем-то внушенная человеку о непрерывности его жизни. И мы все подчинены спасительной лжи. Это великий обман о бесконечности дней на земле и бесконечности удовольствия жить, что выше всех правд, ибо держит нас в надежде делать что-то... Может быть, правда живет под защитной крышей лжи! Неужели она только жилец, постоялец, снимающий комнату в доме великой лжи, которая от рождения внушает всем нам: может быть ты и не умрешь... по крайней мере с тобой это случится гораздо позже, чем с другими, а может и не случится...? Самая чистая правда не имеет никакого значения перед великим обманом, которого хотят сами люди»¹⁶. Так и с таким оптимизмом рассуждает Бондарев. Я бы только вместо «ложь, кем-то внушенная», написал «надежда самовнушенная».

Природа — великий творец, но она же и искусный экспериментатор. Встречаются больные, у которых сломлен механизм психологической защиты (невроз навязчивого страха). Во всех других отношениях они совершенно здоровы. Вся жизнь этих людей проходит под давлением страха смерти. На нем сосредоточены все мысли и чувства. В искаженном воображении таким больным всюду видится подстерегающая их смерть. Они боятся оказаться в ситуации, в которой, по их ложному представлению, они могут остаться, к примеру, без сиюминутной медицинской помощи.

Мысль о смерти не оставляет их в покое, истязает. Они не решаются оставаться одни в квартире («кто поможет, если станет плохо»), не пользуются лифтом («а вдруг застрянет между этажами, станет плохо, кто поможет»). В транспорте стремятся быть у выхода, чтобы скорее выйти, если станет дурно. Такие больные утрачивают чувство реальности. У них эмоция страха находится в размолвке с разумом. Они всем своим существом подтверждают необходимость спасительной психологической защиты, которая уводит мысли человека от печальной реальности. В подобной защите непременно присутствует внушение.

Существует еще такой своеобразный тип веры, который можно назвать «вера в собственную веру». Так, героиня новеллы О'Генри «Последний лист» — девушка Джонси — заболела. Дело было осенью. Врачи не смогли поправить ее здоровье. Прикованная к постели больная следила, как за окном со старого плюща, обвивающего стену кирпичного дома, опадали листья. Оставалось совсем немного листьев, когда ею овладела мысль, что с падением последнего листа оборвется нить жизни. Джонси до того уверовала в свой вымысел, так доверилась ему, что и в самом деле увядала с каждым опавшим листом. Уже трепетал последний лист. Но ночью художник из сострадания нарисовал на стене, по которой вился плющ, лист, да так, что он казался прикрепленным к плющу. Жизнь не оборвалась. Молодой организм поборол болезнь. Джонси выздоровела. Созданная занемогшей девушкой вера явилась фактором для самовнушения. Сначала внушение действовало во вред больной, а затем художник то же внушение обратил в надежду, вера в которую и помогла девушке поправиться.

Собственная вера создается как способ психологической самозащиты или психологической компенсации. Примером тому может быть зарок, обет или клятва. Читатель, вероятно, помнит приведенный выше рассказ о привычке артиста Е. Нестеренко входить в театр всегда через одну и ту же дверь. Такая вера в собственную веру внушает удачу.

К зарокам и клятвам отношение у человека тоже особое. Зарок дается зачастую в состоянии аффекта, когда сознание (рассудок) сужено. Со временем он может утратить актуальность и не приобрести значение веры. Тогда с нарушившим зарок ничего не слу-

чится. Но, если мысль, возникшая в состоянии аффекта, инертна, гнев не теряет актуальности, а, напротив, нагнетается и зарокотом создана собственная вера, вероятность исполнения его велика. Появится страх перед его нарушением, перед отступлением от собственной веры.

Итак, мы познакомились с основными функциями и возможностями внушения. Способствовать формированию научного мировоззрения, воспитанию гармонично развитого человека — одна из его важнейших современных функций.

* *

*

В наши дни бурного социального прогресса и развития знаний религия размывается. Она превращается в разрозненные обломки некогда господствовавшего мировоззрения. Настанет время, когда люди не будут верить ни во что иное, кроме безгранично доброго человеческого разума, а священники будут существовать только в анналах истории и на театральном подмостках. Их будут вспоминать лишь для того, чтобы отдать себе отчет в том, сколько понадобилось труда и времени для преодоления создаваемых ими иллюзий.

Но уже сегодня нерелигиозная вера должна становиться личным убеждением каждого, потому что она дает человеку нравственную опору, стимулирует его общественно полезные действия. Верить — это духовная потребность человека, эмоционально-психологическая опора в повседневной жизни. Для человека вера имеет непреходящее значение. Все дело в том, во что верить. Старейший Л. ван Бетховен так подписал свое произведение: «Человек, помоги сам себе». Духовно богаче живет сам человек, который не опустошает себя верой в сверхъестественное, а всеми помыслами и практической деятельностью устремлен к достижению высоких идеалов общественной справедливости, к развитию науки и духовной культуры.

Библиографические ссылки

Что есть внушение

- ¹ Ленин В. И. Философские тетради // Полн. собр. соч. Т. 29. С. 441.
- ² Бехтерев В. М. Внушение и его роль в общественной жизни. Спб., 1908. С. 56.
- ³ Платонов К. И. Слово как физиологический и лечебный фактор. М., 1962. С. 202.
- ⁴ Бехтерев В. М. Гипноз, внушение, психотерапия и их лечебное значение. Спб., 1911. С. 31.
- ⁵ Пашенная В. Ступени творчества. М., 1964. С. 121.
- ⁶ Гамзатов Р. // Лит. газ. 1983. 24 авг.
- ⁷ Лебедев В. И. Атеистические чтения. М., 1987. № 16. С. 37.
- ⁸ Новрузов П. // Наука и религия. 1985. № 8. С. 23.
- ⁹ Бомбар А. За бортом по своей воле. М., 1963. С. 14.
- ¹⁰ Бехтерев В. М. Внушение и его роль в общественной жизни. С. 170.
- ¹¹ Там же. С. 49.
- ¹² Маркс К., Энгельс Ф. // Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 30.
- ¹³ Шаляпин Ф. И. Литературное наследство. М., 1957. Т. 1. С. 303.
- ¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. // Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 490.
- ¹⁵ Там же. Т. 3. С. 29.
- ¹⁶ Ло Гуань-Чжун. Троецарствие. М., 1984. С. 451.

На тернистом пути познания

- ¹ Маркс К., Энгельс Ф. // Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 328.
- ² Басилов В. Избранники духов. М., 1984. С. 47.
- ³ Маркс К., Энгельс Ф. // Соч. 2-е изд. Т. 2. С. 202.
- ⁴ Цит. по: Цвейг С. // Собр. соч. М., 1963. Т. 6. С. 62—63.
- ⁵ Маркс К., Энгельс Ф. // Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 374.
- ⁶ Цит. по: Губерман И. Бехтерев: страницы жизни. М., 1977. С. 42.

И дня нет без внушения

- ¹ Бехтерев В. М. Внушение и его роль в общественной жизни. С. 18.
- ² Каган М. С. Мир общения. М., 1988. С. 298.
- ³ Черкасов А. Хмель. М., 1985. С. 25—26.
- ⁴ Чуковский К. И. От двух до пяти. М., 1968. С. 277.
- ⁵ Соловьев И. Монолог под занавес. М., 1979. С. 12.
- ⁶ Лит. газ. 1985. 25 июля.

- ⁷ *Андреева М. Ф.* Переписка. Воспоминания. Статьи. М., 1961. С. 164.
- ⁸ *Любимов Н.* // Лит. газ. 1983. 16 авг.
- ⁹ *Урушадзе Н.* Верико Анджапаридзе. М., 1972. С. 132.
- ¹⁰ Лит. газ. 1985. 23 февр.
- ¹¹ Неделя. 1982. 2—8 авг.
- ¹² *Горький А. М.* // Собр. соч. М., 1951. Т. 15. С. 281.
- ¹³ *Бомбар А.* За бортом по своей воле. С. 152.
- ¹⁴ *Бехтерев В. М.* Внушение и воспитание. Л., 1923. С. 23.
- ¹⁵ *Каутский А.* Старообрядчество. М., 1972.

Своими руками глаза не закрой

- ¹ *Угринович Д. М.* Психология религии. М., 1986. С. 134.
- ² *Дидро Д.* // Собр. соч. М., 1935. Т. 1. С. 125.
- ³ *Ленин В. И.* // Полн. собр. соч. Т. 17. С. 419.
- ⁴ *Угринович Д. М.* Психология религии. С. 29.
- ⁵ *Дулуман Е., Лобовик Б., Танчер В.* Современный верующий. М., 1970. С. 73.
- ⁶ *Сенкевич Г.* // Собр. соч. М., 1985. Т. 8. С. 170.
- ⁷ *Пушкин А. С.* // Полн. собр. соч. М., 1949. Т. 2. С. 154.
- ⁸ *Маркс К., Энгельс Ф.* // Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 414.
- ⁹ *Луначарский А. В.* Почему нельзя верить в бога? М., 1965. С. 405.
- ¹⁰ Братский вестн. 1985. № 4. С. 55.
- ¹¹ *Айтматов Ч.* Плаха // Новый мир. 1986. № 6. С. 45.
- ¹² *Шурыгин Я. И., Кондратьев В. И.* Огонь и тлен. Л., 1985.
- ¹³ *Угринович Д. М.* Введение в религиоведение. М., 1985. С. 233.
- ¹⁴ *Шейнман М. М.* От Пия IX до Павла VI. М., 1979. С. 3.
- ¹⁵ *Платонов К. К.* Психология религии. М., 1967. С. 45.
- ¹⁶ *Угринович Д. М.* Введение в религиоведение. С. 231—232.
- ¹⁷ *Басилов В. Н.* Избранники духов. С. 133.
- ¹⁸ *Горький А. М.* // Собр. соч. М., 1953. Т. 23. С. 274—280.

Отбрось суеверия, Homo sapiens!

- ¹ *Нестеренко Е.* // Наука и религия. 1983. № 7. С. 6.
- ² *Букин В. Р., Ерунов Б. А.* На грани веры и неверия. Л., 1974. С. 73.
- ³ *Еременко В. П.* Место и роль мистики в конфессиональной религиозности и вне ее. Днепропетровск, 1982. С. 18—19.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Там же.
- ⁸ *Спиноза Б.* // Соч.: В 2 т. М., 1957. Т. 2. С. 8.
- ⁹ *Пушкин А. С.* // Собр. соч. М., 1974. Т. 1. С. 170.
- ¹⁰ *Зыбковец В. Ф.* О черной и белой магии. М., 1965. С. 20.
- ¹¹ Библиотека поэта: В. А. Жуковский. Л., 1939. С. 136.
- ¹² *Фрэзер Дж.* Золотая ветвь. М., 1980. С. 22.

- ¹³ Шундик Н. Белый шаман // Наш современник. 1977. № 10. С. 15.
- ¹⁴ Афанасьев А. Н. Дерево жизни. М., 1983. С. 380.
- ¹⁵ Реньяр П. Умственные эпидемии. Спб., 1889. С. 102—104.
- ¹⁶ Бруханский Н. П. // Обзорение психиатрии, неврологии и рефлексологии. 1926. № 4—5. С. 279.
- ¹⁷ Краинский Н. В. Порча, кликуши и бесноватые. Новгород, 1900. С. 44.
- ¹⁸ Коновалов Д. Г. Религиозный экстаз в русском мистическом сектантстве. Л., 1982. Вып. 1. Ч. 1. С. 8.
- ¹⁹ Настольная книга атеиста. М., 1985. С. 384; Медицинский оккультизм. М., 1971.
- ²⁰ Известия. 1986. 20 авг.
- ²¹ Харазов В. // Наука и религия. 1987. № 6—8. С. 26.
- ²² Гегель Г. Энциклопедия философских наук. М., 1974. Т. 1. С. 204—205; Подробнее см.: Гегель Г. Кто мыслит абстрактно: Работы разных лет. М., 1970.
- ²³ Маркс К., Энгельс Ф. // Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 137.

Внушение творит чудеса

- ¹ Тургенев И. С. // Собр. соч. М., 1956. Т. 8. С. 506.
- ² Маркс К., Энгельс Ф. // Соч. 2-е изд. Т. 8. С. 123.
- ³ Азимов А. // Наука и религия. 1987. № 7. С. 25.
- ⁴ Лит. газ. 1964. 28 авг.
- ⁵ Портнов А. А., Шахнович М. И. Психозы и религия. Л., 1967. С. 33.
- ⁶ Наука и религия. 1984. № 3. С. 45—50.
- ⁷ Платонов К. К. Психология религии. М., 1967. С. 170.
- ⁸ Правда. 1968. 21 февр.

В какую веру верить

- ¹ Штернберг Л. Я. Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936. С. 246.
- ² Шинкарук В. И. Атеизм как отрасль философского знания // Атеизм и духовная культура. К., 1985. С. 45.
- ³ Там же.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Казинс Н. // Иностр. лит. 1985. № 7. С. 221.
- ⁶ Бехтерев В. М. Внушение и его роль в общественной жизни. С. 35.
- ⁷ Фейербах Л. // Избр. филос. произведения. М., 1955. Т. 2. С. 764.
- ⁸ Ларичев В. Е. Сад Эдема. М., 1980. С. 9.
- ⁹ Винер Н. Кибернетика и общество. М., 1958. С. 195.
- ¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. // Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 107.
- ¹¹ Осинковский И. Н. Томас Мор. М., 1985. С. 41.
- ¹² Маркс К., Энгельс Ф. // Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 515.
- ¹³ Тарасов Б. Паскаль. М., 1982. С. 21—223; Тендряков В. // Наука и религия. 1987. № 4. С. 51.
- ¹⁴ Тендряков В. // Наука и религия. 1987. № 4. С. 52.
- ¹⁵ Никольский Б. Формула памяти. Л., 1982. С. 27—28.
- ¹⁶ Бондарев Ю. Игра // Новый мир. 1985. № 2. С. 150.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Что есть внушение	7
На тернистом пути познания	35
И дня нет без внушения	62
Своими руками глаза не закрой	78
Отбрось суеверия, Homo sapiens!	96
Внушение творит «чудеса»	123
В какую веру верить	141
Библиографические ссылки	157

Научно-популярное издание

Линецкий Михаил Львович

Внушение. Знание. Вера

Киев

Издательство политической
литературы Украины
1988

Заведующая редакцией *О. Н. Кузьмина*
Редактор *С. И. Урбатис*
Младший редактор *Е. Н. Колтуновская*
Художник *Н. П. Евменова*
Художественный редактор *Н. К. Лычак*
Технический редактор *З. С. Бурдейная*
Корректор *Л. А. Романенко*

ИБ № 5019

Сдано в набор 03.06.88. Подписано в печать 11.11.88.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2.
Литературная гарнитура. Высокая печать.
Усл. печ. л. 8,4. Усл. кр.-отт. 8,61. Учет.-изд. л. 8,75.
Тираж 50 000 экз. Зак. 8—200. Цена 40 к.
Политиздат Украины, 252025, Киев, Десятинная, 4/6.
Киевская книжная фабрика, 252054, Киев, Воровского, 24.

40 к.

М.Л. Линецкий

**Внушение
Знание
Вера**